„Нѣмецкое Зло“

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

посвященныхъ вопросу о борьбѣ съ нашей
„внутренней Германіей“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Э. Бутру, членъ фр. акад. „Германія и война“.

кн. С. П. Мансыревъ, чл. госуд. думы „Нѣмецкое засилье и правила 2 февр. 1915 г.“.

А. Н. Вершинскій, пр. доц. Петр. унив. „Нѣмцы въ русской промышленности въ первой половинѣ XVIII вѣка“.

П. Берзинъ и К. Дуцманъ, „Нѣмецкая антикультура въ Прибалтійскомъ краѣ“.

М. В. Муравьевъ, „Нѣмцы въ Россіи“ (матеріалы для оріентаціи).

Изъ рѣчей нашихъ депутатовъ о нѣмецкомъ злѣ.

Д 417

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
АРБАТСКАЯ ПЛОЩ., ФИЛИППОВСКІЙ ПЕР., № 11.
1917.

„Нѣмцы завоевали всю Россію рыцарями Остзейскихъ губерній, Гольштейнъ—Готторпской фамиліей, тучами генераловъ, дипломатовъ, шпіоновъ и другихъ сановниковъ нѣмецкаго происхожденія". (Изъ письма А. И. Герцена и В. Линтону 20 февр. 1854 г.).

Сборникъ заканчивался печатаніемъ, когда въ Россіи совершился государственный переворотъ — наша первая побѣда надъ германизмомъ — о которой М. В. Родзянко сказалъ: „наша свобода нѣмцамъ страшнѣе всего".

— Статьи, входящія въ этотъ выпускъ, писались въ то еще недавнее время, когда не было свободы слова, писались съ опаской, но недоговоренное въ нихъ, теперь болѣе чѣмъ когда либо, будетъ понятно читателю.

— Не всѣ статьи этого выпуска непосредственно посвящены вопросу о „нашей внутренней Германіи" — статья члена французской академіи Эмиля Бутру касается философскаго обоснованія идеи германизма, но она, можетъ быть, болѣе другихъ статей, посвященныхъ частностямъ, уяснитъ сущность вопроса.

— Борьба съ нѣмецкимъ зломъ у насъ не закончена; при старомъ режимѣ она шла, если такъ можно выразиться, въ мягкихъ тонахъ. — Теперь мы вправѣ ожидать, что ликвидація нѣмецкихъ предпріятій и землевладѣнія получатъ должное освѣщеніе и разрѣшеніе, что, прекращенное по высочайшему повелѣнію, дѣло о Flottenvereinѣ будетъ судебною властью пересмотрѣно, что наша экономическая политика получитъ другое направленіе.

— До революціи врагъ притаился среди насъ и вліялъ на власть, науку, школу, торговлю и промышленность, его агенты и кое-гдѣ разбѣжавшіеся плѣнные стараются теперь породить анархію, чтобы задержать наше спокойное государственное строительство. Не сразу удалось русскому народу свергнуть татарское иго, а съ германизмомъ борьба была труднѣй и послѣдніе три года идетъ на два фронта.

— Закончить побѣду на обоихъ фронтахъ необходимо, великія жертвы русскаго народа не должны оставаться безплодными и нельзя забывать, что „горе побѣжденнымъ!“

— Заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство, что русскія революціи послѣднихъ двухъ столѣтій вызывались нѣмецкимъ засильемъ—таковы были дворцовые перевороты 1741 и 1762 гг., декабрьское возстаніе и переживаемая нами нынѣ революція.

— Слова сказанныя П. А. Кропоткинымъ въ началѣ текущей войны: „Настало время раздавить гидру германизма“ становятся лозунгомъ всего культурнаго міра, тѣмъ больше это нашъ лозунгъ, потому что: „ни одинъ народъ подъ солнцемъ искони вѣковъ нѣсть былъ тако изобиженъ и осрамоченъ отъ инородниковъ, яко же мы, словенцы отъ нѣмцевъ“ *).

М. Муравьевъ.

Москва, мартъ 1917 г.

*) Крижаничъ. „Объ Чужебѣсіи“, 3.

Германія и война *).

Письмо Эмиля Бутру редактору журнала „Revue de Deux Mondes".

Парижъ, $\frac{28\ сент.}{11\ окт.}$ 1914 года.

Редакторъ и дорогой Сотрудникъ!

Вы дѣлаете мнѣ честь, спрашивая о томъ, не былъ ли бы я въ состояніи представить Вамъ кое-какія замѣчанія относительно настоящей войны, такъ какъ я жилъ въ Германіи и изучалъ нѣкоторыя области нѣмецкихъ философіи и литературы.

Признаюсь, что слова и даже мысли представляются мнѣ ничтожными въ данный моментъ; я, какъ и всякій французъ весь въ настоящемъ великомъ дѣлѣ: всѣ мои помыслы направлены къ нашей доблестной и великолѣпной арміи и моя единственная забота заключается въ томъ, чтобы принять участіе, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ въ національномъ дѣлѣ. У меня найдутся воспоминанія и размышленія: тысячи ихъ тѣснятся въ

---

*) Въ письмѣ 7/20 мая 1915 Эмиль Бутру писалъ М. В. Муравьеву: „Я очень польщенъ Вашимъ предложеніемъ, и совмѣстно съ редакторомъ „la Revue" представляемъ Вамъ право воспроизвести мою статью минувшаго 11 Окт., переведенную на русскій языкъ, въ Вашемъ изданіи „Нѣмецкое зло", указавъ только, что статья эта извлечена изъ „la Revue des deud Mondes".

Статья эта была издана отдѣльною брошюрою книжнымъ магазиномъ Berger-Levrault, въ Нанси. Предлагаемый переводъ сдѣланъ Т. Макшеевой.

Ред.

головѣ; я не имѣлъ намѣренія сосредоточить и записать ихъ, но считаю себя не въ правѣ отклонить Ваше любезное предложеніе. Однако, среди набросаннаго мною, будьте добры вычеркнуть все, что не представитъ собой интереса.

Какимъ образомъ при наличіи современныхъ событій сохранить свободу мысли и ума? Вотъ что, (должны мы воскликнуть) получилось изъ философскаго, артистическаго и научнаго развитія, которое весь міръ признавалъ грандіознымъ и идеальнымъ! „Вотъ что было въ брюхѣ этой дьявольской собаки“ говоритъ Фаустъ, видя какъ превратилась въ Мефистофеля собака, рѣзвившаяся возлѣ него.

Какъ! Превозгласить мораль Платона и Аристотеля недостаточной и посредственной, проповѣдовать долгъ для долга, установить безусловное первенство нравственности и господство ума, чтобы притти къ официальному провозглашенію того, что подписанное ими же обязательство—лишь клочокъ бумаги, что юридическіе и моральные законы—пустой звукъ въ томъ случаѣ, если стѣсняютъ собой болѣе сильныхъ! Преподнести міру дивную музыку, въ которой, казалось, можно было различить чистѣйшіе и глубочайшіе душевные порывы, вознести искусство и поэзію на степень религіи, гдѣ посредствомъ культа идеала человѣкъ сообщается съ Вѣчностью, вознести какъ высшее созданіе человѣчества Университеты, эти схемы науки и свободы личности – чтобы дойти до бомбардировки Лувена, Малина и Реймскаго Собора! Взять на себя роль избранныхъ представителей культуры и цивилизаціи въ высшемъ ихъ проявленіи, задаться цѣлью подчинить себѣ весь міръ и наконецъ, для достиженія этого обрушиться необузданной грубой силой злобы и варварства! Хвалиться осуществить тончайшую стадію человѣческой натуры, чтобы проявиться преемниками Гунновъ и вандаловъ.

Вчера еще Германію боялись во всей Вселенной за ея могущество, и уважали за ея науку и богатство идеализма. Сегодня же противъ нея съ одного конца земли въ другой всеобщій крикъ порицанія и отвращенія. Страхъ побѣжденъ негодованіемъ. Со всѣхъ сторонъ громко говорятъ, что побѣда нѣмецкихъ имперіализма и милитаризма была бы торжествомъ деспотизма, грубости и варварства. Эти мысли выражены намъ Американцами Сѣвера и Юга, Испанцами, Португальцами, Итальянцами, Греками, Швейцарцами, Румынами и т. д. Нація, которая сожгла Лувенскій Университетъ и Реймскій Соборъ тѣмъ самымъ обезчестила себя.

Что же думать объ удивительномъ контрастѣ, который обнаруживается между высокой культурой Германіи и цѣлью, къ которой она стремится при помощи средствъ, употребляемыми ею въ настоящей войнѣ? Достаточно ли для того, чтобы объяснить эту противоположность, сослаться на то, что не смотря на всю ихъ науку, Нѣмцы, въ сущности, мало цивилизованы; что въ XVI в. они еще были грубы и некультурны и что ихъ наука, область спеціалистовъ и ученыхъ, не могла проникнуть въ ихъ душу и повліять на ихъ характеръ?

Это объясненіе оправдывается. Оставляя, конечно, въ сторонѣ важныя исключенія, обратите вниманіе въ пивной, или въ обыденной жизни, или среди развлеченій на этого ученаго профессора, который (въ своей сферѣ) старается открыть и собрать всѣ матеріалы какого-нибудь изслѣдованія и получить выводы помощью однихъ только механическихъ дѣйствій, безъ малѣйшаго обращенія къ разсудку или простому здравому смыслу, опираясь на одни лишь тексты и разсужденія. Какое, часто несоотвѣтствіе между его ученостью и степенью воспитанія! Какая пошлость вкусовъ, чувствъ, языка, какая грубость отношеній у этого человѣка, авторитетъ котораго не уязвимъ въ его спеціальности. Перенесите этого ученаго, съ его университетской каѳедры на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ царитъ одна лишь сила и гдѣ самыя грубыя желанія имѣютъ возможность развернуться во всю: будетъ не удивительно, если поведеніе его приблизится къ таковому дикарей или первобытныхъ существъ. Такое постоянно встрѣчающееся сужденіе о немъ имѣетъ подъ собой основаніе. Въ нѣмцѣ, слишкомъ часто, ученый и человѣкъ абсолютно чужды одинъ другому. Это объясненіе, однако, недостаточно. Нѣмецъ безчеловѣченъ на войнѣ не по одному только свойству своей грубой и не знающей удержу природы; онъ безчеловѣченъ также и по приказу. Звѣрство, въ данномъ случаѣ, разсчитано и систематично, и подтверждаетъ собой выраженіе Ла Гарпа: „Существуетъ ученое варварство“. Когда германскій императоръ обратился въ 1900 г. съ рѣчью къ своимъ солдатамъ, отправляющимся въ Китай, онъ имъ особенно наказывалъ не оставлять послѣ себя ничего живого и вести себя подобно Гуннамъ.

Итакъ, если нѣмцы въ этомъ способѣ, какъ они подготовили, вызвали и ведутъ эту войну, безсовѣстно нарушаютъ законы цивилизованнаго міра, то это не вопреки ихъ высшей культурѣ, а на-

оборотъ, въ силу таковой. Какъ можетъ быть синтезировано подобное сочетаніе противоположныхъ элементовъ?

* * *

Въ извѣстныхъ „*Рѣчахъ къ Нѣмецкой Націи*“, произнесенныхъ Фихте въ Берлинскомъ Университетѣ зимой 1807—08 г. г.; философъ этотъ поставилъ себѣ темой подъемъ нѣмецкаго народа, проводя его къ познанію самаго *себя*, т.- е. его чисто германской сущности, (*Deutschheit*), для того, чтобы проявить, когда будетъ возможно эту сущность и дать ей господство надъ міромъ. Главная идея, которая должна вести Германію къ осуществленію этой двойной задачи, слѣдующая: Нѣмецъ по отношенію къ иностранцу, то же что добро по отношенію къ злу, Фихте былъ услышанъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ Германія, особо точнымъ и практическимъ способомъ создала теорію германизма, или *Deutschtum*'а, съ одной стороны, а съ другой—приготовила господство германизма въ мірѣ.

Это понятіе о германизмѣ представляетъ собой, если не ошибаюсь, принципъ для вывода, который я хочу попытаться сдѣлать, т.-е. дать объясненіе той неожиданной солидарности, которую нѣмцы устанавливаютъ между культурой и варварствомъ.

Было бы интересно изучить это понятіе и прослѣдить его развитіе.

Но, прежде всего, какъ можетъ народъ дойти до того, чтобы требовать для своихъ идей, добродѣтели и дѣлъ не только право существованія и уваженія другими народами, но и преимущество быть единственными выразительницами истины и добра, тогда какъ все, исходящее отъ другихъ народовъ не представляло бы собой ничего, кромѣ заблужденія и зла?

Философъ Фихте составилъ свою теорію подъ вліяніемъ Канта и идей французскихъ, особенно Руссо, о которомъ онъ говорилъ: „Миръ праху его, ибо онъ дѣйствовалъ“: для подбодренія нѣмецкой души послѣ Іены онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ увѣрить ее, что лишь въ ней самой заключается вмѣстѣ съ понятіемъ идеальнаго власть осуществить этотъ идеалъ на землѣ. Исходя изъ нѣкотораго понятія объ абсолютномъ, онъ нашелъ, послѣ Іены, что именно это понятіе составляло самую сущность нѣмецкаго генія.

Вскорѣ этотъ мистическій методъ смѣшался съ другимъ, существеннымъ и болѣе приспособленнымъ для положительнаго ума

нынѣшнихъ поколѣній. Наука, гдѣ сходятся всѣ познанія и идеи, касающіяся человѣческой жизни, есть исторія. Наша эпоха возвела эту науку въ истинный культъ. Нѣмцы же извлекли изъ исторіи два важнѣйшихъ ученія. Во-первыхъ, что исторія не есть лишь послѣдовательность событій, отмѣчающихъ жизнь человѣчества: это судъ Божій, касающійся стремленій народовъ. Все, что существуетъ, хочетъ быть и продолжать быть и борется за свое преимущество. Исторія указываетъ намъ людей и явленія, избранныхъ Провидѣніемъ. Признакъ этого избранія есть успѣхъ. Существовать, развиваться, побѣждать и господствовать, значитъ быть наперстникомъ Провидѣнія и пользоваться Его могуществомъ. Если какой-нибудь народъ является какъ бы отмѣченнымъ исторіей для господства надъ другими, это означаетъ, что народъ этотъ — намѣстникъ Бога на землѣ, какъ бы Богъ самъ, видимый и осязаемый Его созданіями.

Второе ученіе, которое нѣмецкая эрудиція извлекла изъ ученія исторіи, заключается въ томъ, что современное существованіе народа, которому поручено представлять Бога, не есть миоъ, ибо народъ такой существуетъ: это есть народъ нѣмецкій. Воля Бога очевидна со времени побѣды, одержанной Арминіемъ (Arminius) надъ Варомъ въ Тетобургскомъ лѣсу въ IX в. по Р. Х. Всѣ среднія вѣка являются подтвержденіемъ сего; если въ новѣйшія времена Германія будто бы стушевалась, то это происходило потому, что она собиралась съ силами, для нанесенія рѣшительнаго удара. Если она не была первенствующей явно, то таковой она все-таки была въ дѣйствительности. Въ 1841 г. Гоффманъ фонъ-Фаллерслебенъ сочинилъ національную пѣснь: „*Deutschland über alles, über alles in der Welt*“: Германія надъ всѣмъ, надъ всѣмъ міромъ; Германія простирается отъ Мааса до Нѣмана, отъ Адижа до Бельта.

Германія не только избрана Провидѣніемъ: она единственная избранная, тогда какъ другія націи отвергнуты. Знакъ ея избранія виденъ въ уничтоженіи трехъ легіоновъ Конктилія Вара; ея задача вѣчно мстить за дерзость римскаго полководца. „Мы собираемся дать бой Арминія и мы желаемъ мстить“: „*und wollen Rache haben*“, таково выраженіе національной пѣсни: „*Der Gott, der Eisen wachsen liess*“.

Нѣмецкая цивилизація развилась въ полной противоположности цивилизаціи греко-римской. Признать одну, значило, со стороны Бога, отбросить другую. Итакъ, нѣмецкое сознаніе, осуществленное безъ препятствій во всемъ своемъ могуществѣ, есть не что

иное, какъ сознаніе божественное. *Deutschtum* = Богу и Богъ = *Deutshtum*'у. На практикѣ достаточно, чтобы идея была точно нѣмецкой, для того чтобы можно и должно было признать ее истинной, справедливой и главенствующей.

Въ чемъ же заключается, въ ея существенныхъ догматахъ, эта истина, которая есть нѣмецкая, потому что она истинна и которая истинна потому что она нѣмецкая? Нѣмецкіе метафизики объясняютъ намъ это яснѣе нежели они обыкновенно это дѣлаютъ. Первый долгъ этой истины заключается въ томъ, чтобы быть противоположной тому, что классическая или греко-латинская мысль признаетъ истинымъ. Мысль эта пыталась разобраться въ томъ, что именно есть въ человѣкѣ человѣческаго, ставящаго его выше другихъ существъ, а также изыскать способы поставить выше всего въ человѣческой жизни элементъ высшаго надъ низшимъ, разсудокъ надъ слѣпымъ побужденіемъ, справедливость надъ силой, добро надъ зломъ. Она задалась задачей издать на землѣ нравственную силу, которая могла бы управлять и смягчать силы матеріальныя. Этому ученію, человѣчному по существу и ставящаго человѣка въ центрѣ всего, мысль нѣмецкая противопоставляется, какъ безконечное къ конечному, абсолютное къ относительному, цѣлое къ части. Ученики Грековъ не имѣли въ своемъ распоряженіи иного свѣточа, кромѣ разума человѣческаго: нѣмецкій же геній обладаетъ превысшимъ разумомъ, который проникаетъ въ тайны абсолютнаго и божественнаго. Такимъ образомъ, вотъ что открываетъ этотъ сверхчеловѣческій разумъ: небытіе, матерія и зло классическимъ разумомъ были ошибочно лишены ихъ цѣнности и достоинства въ пользу бытія, разума и добра. Что было бы со свѣтомъ, если бы не было тѣни, которая его выдѣляетъ? Какъ можно себѣ представить „я“ если бъ не было гдѣ-либо его отрицанія? Въ высокой симфоніи цѣлаго зло не менѣе необходимо чѣмъ добро.

Болѣе того: можетъ быть упрямый въ своей посредственной теоріи греко-латинянинъ и удовлетворится тѣмъ, что „добро есть добро, зло есть зло“. Но эти наивныя формулы сами по себѣ противны истинѣ. Добро безсильно осуществиться само собой, ибо оно есть отвлеченное понятіе. Одному лишь злу принадлежитъ могущество и способность создавать. Итакъ, если добру должно осуществиться, то это можетъ произойти только черезъ предоставленное самому себѣ зло. Богъ не можетъ существовать, если онъ не созданъ дьяволомъ. Однимъ словомъ, зло хорошо, а добро

дурно. Зло хорошо тѣмъ, что создаетъ, добро плохо тѣмъ, что безсильно.

Высшій и истинно-божественный законъ заключается въ томъ, что зло, представленное самому себѣ, зло какъ зло, даетъ жизнь добру, которое само по себѣ никогда не могло бы изъ отвлеченнаго представленія превратиться въ дѣйствительность. „Я часть той силы, которая постоянно желаетъ зла и всегда создаетъ добро", говоритъ Мефистофель. Таковъ божественный порядокъ: кто домогается дѣлать добро посредствомъ добра, тотъ будетъ лишь дѣлать зло. Лишь давъ могущество злу, можно надѣяться на созданіе чего-нибудь хорошаго.

Эти метафизическіе принципы даютъ замѣчательное рѣшеніе вопросамъ, возбужденнымъ идеей цивилизаціи.

Что есть цивилизація въ нѣмецкомъ и въ истинномъ смыслѣ этого слова?

Націи вообще, а латинскія въ особенности, налагаютъ сущность цивилизаціи въ нравственномъ началѣ человѣческой жизни и въ смягченіи нравовъ. Къ тѣмъ, кто такимъ образомъ, понимаютъ человѣческую культуру, германцы охотно примѣняютъ слова, сказанныя въ *Брандѣ* Ибсена: „Вы желаете большихъ событій, но у Васъ недостаетъ энергіи: тогда Вы испрашиваете успѣха у кротости и доброты". Въ германскомъ понятіи кротость и доброта означаютъ лишь слабость и безсиліе. Сильна только сила; сила, по преимуществу есть наука, которая умножается до безконечности, предоставляя въ наше распоряженіе силы природы. Слѣдовательно, главной цѣлью нашихъ усилій должна быть наука. Изъ науки и изъ культуры научнаго разума получится, несомнѣнно, вслѣдствіе божественной милости, прогрессъ воли и сознанія, т.-е. нравственный прогрессъ. Въ этомъ смыслѣ Бисмаркъ говорилъ: „Воображеніе и чувство по отношенію къ наукѣ то же, что плевелы по отношенію къ хорошей травѣ. Плевелы угрожаютъ заглушить хорошую траву; вотъ почему ихъ срѣзаютъ и жгутъ". Истинная цивилизація заключается въ мужественномъ воспитаніи, которое добивается силы и употребляетъ таковую. Цивилизація, которая подъ предлогомъ человѣчности и послушанія нервируетъ и размягчаетъ человѣка, годится лишь для женщинъ и для рабовъ.

Значитъ ли это, что понятіе права, на которое ссылаются люди, чтобы протестовать противъ силы, не имѣетъ въ сущности, никакого смысла, и что высоко-цивилизованный народъ не обращаетъ на него вниманія?

Слѣдуетъ хорошенько проникнуть въ соотношеніе, существующее между понятіемъ о правѣ и понятіемъ о силѣ. Сила не есть право. Не всѣ сущія силы имѣютъ одинаковыя права существованія. Силы ничтожныя существуютъ лишь въ слабой степени съ силой божественной. Но чѣмъ больше сила, тѣмъ она благороднѣе. Сила всемірно побѣдная и всемогущая составила бы одно цѣлое съ божественной силой, и потому ее должны были бы чтить и ей должны были бы подчиняться такъ же, какъ силѣ божественной. Справедливость и сила соприкасаются лишь въ одной точкѣ, а именно въ той, гдѣ и та и другая абсолютны.

Справедливость и сила принадлежатъ, собственно, къ двумъ различнымъ областямъ: къ природной и къ духовной. Послѣдняя есть проявленіе и символъ первой. Мы живемъ въ области символовъ, такъ что для насъ преобладающей силой является видимое и практическое равновѣсіе права.

А потому было бы совершенно напрасно допустить существованіе естественнаго права, присущаго отдѣльнымъ личностямъ и націямъ и выраженнаго ихъ стремленіями, желаніями, ихъ симпатіями и волей. Права народовъ должны быть обоснованы на чисто объективномъ методѣ.

Въ этомъ смыслѣ народы раздѣляются на *Naturvölker*, *Halbkulturvölker* и *Kulturvölker*: народы первобытные, народы полукультурные и народы культурные. Это еще не все: есть народы, которые просто культурны — *Kulturvölker* и народы вполнѣ культурные — *Vollkulturvölker*. Значитъ, степенью культуры обозначается степень права. *Naturvölker* по отношенію къ *Kulturvölker* не имѣютъ правъ, а лишь обязанность: обязанность подчиненія, кротости, послушанія. Если существуетъ народъ, который болѣе другихъ заслужилъ бы названіе *Vollkulturvölker* (народъ полной культуры), то этому народу принадлежитъ главенство на землѣ. Миссія его заключается въ наложеніи на всѣ остальные народы ярма своего всемогущества, соотвѣтствующаго его высшей культурѣ.

Вотъ какова идея націи—владычицы. При помощи такой діалектики доказывается, что эта нація не только представляетъ изъ себя абстрактный типъ, но что она необходимо должна проявиться въ нашемъ мірѣ. Духъ, высшая форма существа, непремѣнно хочетъ существовать, а такъ какъ онъ безконеченъ, то онъ можетъ осуществиться лишь посредствомъ силы также безконечной. Нація, способная заставить всѣхъ подчиниться своей волѣ, есть необхо-

димое орудіе воли божественной, поскольку послѣдняя хочетъ, чтобы исполнилась Евангельская молитва: „Да пріидетъ Царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли".

Если въ мірѣ необходима нація - владычица, то также необходимы и націи подчиненныя. Не бываетъ дѣйствительнаго „да" безъ рѣшительнаго „нѣтъ". — „Я", — говоритъ Фихте — „есть усиліе"; очевидно, онъ предполагаетъ существованіе чего-то, что ему мѣшаетъ, а именно того, что мы называемъ матеріей. Нація - владычица повелѣваетъ: значитъ, должны существовать націи, созданныя для того, чтобы ей подчиняться. Слѣдуетъ даже, чтобы эти націи, которыя относятся къ націи - владычицѣ, какъ „не я" относится къ „я", сопротивлялись бы дѣятельности этой высшей націи. Это сопротивленіе необходимо для того, чтобы помочь высшей націи развивать и развертывать свои силы и стать вполнѣ самой-собой, т.-е. сдѣлаться всѣмъ, обогащаясь добычей, отнятой ею у ея враговъ.

Такъ опредѣляется, посредствомъ высшей дедукціи, нація идеальная, и эта же дедукція ведетъ насъ къ тому заключенію, что эта нація должна быть не въ идеѣ только, но и въ дѣйствительности. Ясно, что реализація націи идеальной происходитъ на нашихъ глазахъ, въ образѣ нѣмецкой націи, представляющей собой высшую расу творенія, и которая въ наукѣ и могуществѣ оставляетъ позади всѣ прочія націи. Ей и только ей надлежитъ осуществить на землѣ дѣло Божества.

Какія же средства должна она употреблять для преуспѣянія въ этомъ?

Она должна, во-первыхъ, вполнѣ проникнуться сознаніемъ своего преимущества и своего личнаго генія. Другія націи во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ ниже націи нѣмецкой. Нѣмецкія женщины, нѣмецкая вѣрность, нѣмецкое вино, нѣмецкая пѣсня — самыя лучшія на свѣтѣ. Для борьбы съ Сатаной, т.-е. съ врагами Германіи, нѣмцы пользуются услугами стараго Бога, бога нѣмецкаго— *des alten, des deutschen Gott*, который отожествляетъ свою задачу съ нѣмецкой. Такъ какъ все нѣмецкое этимъ путемъ является единственнымъ и неподражаемымъ, то по той же причинѣ, все наилучшее, что даетъ міръ, въ дѣйствительности или по праву принадлежитъ Германіи. Рембрандъ, Шекспиръ, Ибсенъ—нѣмцы; лишь нѣмецкій мозгъ можетъ ихъ понять и имѣетъ право ими восхищаться. Сомнительно, чтобы Іоанна д'Аркъ, эта высокая героиня была бы француженка: ученыя нѣмецкія изысканія при-

вели къ тому заключенію, что она нѣмецкаго происхожденія. Если Эльзасцы и Лотарингцы вѣрны Франціи, то это лишь доказываетъ, что они должны быть нѣмецкіе подданные, ибо вѣрность есть добродѣтель нѣмецкая.

Такъ какъ въ принципѣ Германія обладаетъ всѣми добродѣтелями, всѣми совершенствами, то она и довольствуется сама собой, у другихъ народовъ ей нечему учиться. Тѣмъ болѣе, въ отношеніи ихъ у Германіи нѣтъ никакихъ обязательствъ уваженія и доброжелательства. То, что принято называть человѣчностью, для нѣмца лишено всякаго смысла, такъ какъ въ его сознаніи онъ самъ есть человѣкъ въ превосходномъ смыслѣ. Выраженіе Вильгельма II: „Міръ, для меня, кончается у Вогезовъ", означаетъ больше, чѣмъ національный эгоизмъ Нѣмецкій Императоръ знаетъ, что все, что въ настоящее время внѣ его Имперіи, можетъ пріобрѣсти цѣнность лишь по присоединеніи къ таковой.

Какъ же должна вести себя Германія по отношенію къ другимъ націямъ?

Есть народы, которые желаютъ, чтобы ихъ любили, которые полагаютъ, что между націями, также, какъ среди отдѣльныхъ личностей, вѣжливость можетъ имѣть мѣсто, и что было бы прогрессомъ для человѣчества, еслибъ оно признавало, что правосудіе и справедливость могутъ регулировать международныя отношенія; что же касается нѣмца, то онъ, по отношенію къ другимъ націямъ, не долженъ принимать въ соображеніе справедливость; онъ презираетъ эту женскую сантиментальность, характеризующую, въ особенности, расы латинскія. Чувство, забота о справедливости и человѣчности являются слабостью, а Германія есть и должна быть силой. — „*Wo Preussens Macht in Frage kommt, kenne ich kein Gesetz*",—говорилъ Бисмаркъ: „Я не знаю закона тамъ, гдѣ затронуто могущество Пруссіи".

Нѣмцу не нужно, чтобы его любили. Онъ предпочитаетъ, чтобы его ненавидѣли, только бы боялись. *Oderint, dum metuant.* Онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы быть окруженнымъ врагами и доволенъ тѣмъ, что даже въ самомъ центрѣ Германіи нѣкоторыя присоединенныя провинціи не перестаютъ протестовать противъ сдѣланнаго надъ ними насилія. „Я" ставится лишь въ смыслѣ противопоставленія.

Нѣмцу нужны враги для того, чтобы удержаться въ томъ состояніи напряженія и борьбы, которое обусловливаетъ силу. Онъ охотно примѣняетъ къ самому себѣ то, что человѣку вообще го-

воритъ Богъ въ прологѣ Гётевскаго *Фауста*: „Дѣятельность человѣка имѣетъ большую склонность къ тому, чтобы ослабнуть; человѣкъ, предоставленный самому себѣ, желаетъ покоя. Вотъ почему я даю ему спутникомъ дьявола, „который его возбуждаетъ и мѣшаетъ ему заснуть". Въ сосѣдяхъ, которымъ она угрожаетъ, подданныхъ, которыхъ она угнетаетъ, Германія охотно видитъ этихъ посланныхъ ей Провидѣніемъ дьяволовъ, злоба которыхъ явится двигателемъ для ея дѣятельности и добродѣтели.

Происходитъ же это не потому, чтобы Германія, по отношенію къ другимъ націямъ, допускала лишь режимъ враждебности. Конечная цѣль, къ которой она стремится—господство, единственная подходящая роль для народа Божьяго. Чтобы достичь этого, у Германіи имѣются въ распоряженіи два средства. Первое, очевидно, запугиваніе, которое всегда должно быть неослабно. Слабые, если забыть напоминать имъ объ ихъ слабости, быстро становятся дерзкими. Нужно, чтобы другія націи постоянно чувствовали, что имъ угрожаютъ страшнѣйшія катастрофы, въ случаѣ если онѣ станутъ противодѣйствовать Германіи. Но хотя Германія сильнѣе всѣхъ, хотя она ничего не выпуститъ изъ того, чѣмъ она, можетъ быть, и несправедливо владѣетъ, все же для достиженія своихъ цѣлей она готова порой примѣнить мягкость, услужливость выгодныя (не только ей, но, при случаѣ, и для другихъ) сдѣлки, такъ какъ такіе пути иногда могутъ оказаться болѣе прямыми и менѣе убыточными, чѣмъ путь насилія. Германія будетъ поочередно, или, вѣрнѣе,—одновременно, угрожающей и доброжелательной. Само доброжелательное отношеніе можетъ быть дѣйствительнымъ, когда опорой его является ненависть, презрѣніе и всемогущество.

Значитъ, самое главное есть могущество. Германія должна обладать вооруженіемъ лучшимъ, чѣмъ у всѣхъ другихъ націй. Причина этому ясна. Германская Имперія есть утесъ мира, *der Hort des Friedens*. Всѣ накопляемыя ею силы будутъ употреблены на то, чтобы навязать людямъ нѣмецкій миръ, т.-е. миръ божественный. Такъ какъ Германія изображаетъ собою миръ, то тотъ, кто противится Германіи — желаетъ войны. Вполнѣ законно, что Германія вооружается какъ можно больше—ибо она осуществляетъ миръ. Но враги Германіи, которые, противясь ей, противятся миру, не могутъ имѣть равнаго съ нею права. Долгъ Германіи довести свое вооруженіе до maximum'а. Другіе народы имѣютъ право вооружаться лишь въ той мѣрѣ, какъ это допуститъ Германія.

Германія не ищетъ войны; наоборотъ, она, внушая ужасъ, упо-

требляетъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать ее невозможной. Но если какая-нибудь нація воспользуется или способна будетъ воспользоваться любовью Германіи къ миру, чтобы потребовать себѣ правъ Германіи неудобныхъ, послѣдняя будетъ вынуждена дѣйствовать силой. Причиненныя ей насилія огорчаютъ ее, такъ же какъ и тѣ строгости, къ которымъ она должна прибѣгнуть по отношенію къ виновной; но въ качествѣ воина Божія она не можетъ не выполнить своей миссіи. Нація, отказывающая исполнять волю Германіи, этимъ самымъ доказываетъ свое „культурное“ ничтожество и тѣмъ дѣлается виновной, а потому должна быть наказана.

Способъ веденія войны Германіей обусловливается этими данными. Война есть возвращеніе къ первобытному состоянію. Германія рѣшается на этотъ временный возвратъ къ низшему, такъ какъ она имѣетъ дѣло съ народами низшей культуры, которыхъ слѣдуетъ проучить, и съ которыми нужно говорить на понятномъ имъ языкѣ. Первобытное состояніе характеризуется тѣмъ, что въ немъ нераздѣльно царитъ сила. Именно въ этомъ заключается высокая красота такого состоянія, его величіе и плодотворность. Пусть намъ не говорятъ объ этомъ романтическомъ рыцарствѣ, стремившемся умѣрить на войнѣ силу дурныхъ инстинктовъ, посредствомъ вмѣшательства женской чувствительности! Война есть война, *Krieg ist Krieg*. Это не дѣтская игра и не споръ, гдѣ можно размѣрить варварство и человѣчность такъ, чтобы ихъ примирить и гармонизировать. Война — это само варварство, законно развернувшееся во всю ширь. Здѣсь нѣтъ извращенія. Человѣкъ, какъ таковой, страдаетъ даже, превращаясь въ варвара, но человѣкъ, замѣняющій Бога не знаетъ слабости и отвращенія, присущихъ существу. Онъ подчиняется таинственному и великому закону, въ силу котораго зло болѣе благотворно, если наносится съ рѣшимостью и въ полномъ размѣрѣ. *Pecca fortiter!*

Итакъ, по первому пункту закона войны устанавливается уничтоженіе того, что называютъ чувствительностью, жалостью, человѣчностью. Война имѣетъ цѣлью убивать и уничтожать. Чѣмъ больше она убиваетъ и уничтожаетъ, тѣмъ она ближе къ своей идеальной формѣ. Кромѣ того, война, въ сущности, тѣмъ болѣе человѣчна, чѣмъ она безчеловѣчнѣе, и ужасъ, внушаемый ея неистовствомъ, дѣлаетъ ее короче и, при конечномъ подсчетѣ, менѣе смертоносной.

Во вторыхъ война, по необходимости, не признаетъ нравствен-

СОЦИАЛИСТ... АКАДЕМ...

ныхъ законовъ. Уваженіе къ законамъ, договорамъ, конвенціямъ, а также честность, довѣріе, чувство чести, совѣсть, благородство души, великодушіе,— все это является препятствіями; народъ — богъ ихъ совершенно не допускаетъ. Итакъ, онъ, не колеблясь станетъ насиловать (если это войдетъ въ его интересы), права нейтральныхъ государствъ; онъ употребитъ ложь, вѣроломство, измѣну; сошлется на ничтожные или выдуманные предлоги, чтобы учинять самыя жестокія дѣйствія, какъ-то: бомбардировку открытыхъ городовъ, избіеніе стариковъ, женщинъ и невинныхъ младенцевъ, варварскія пытки, воровство и убійство, скотство по отношенію къ женщинамъ, научно-организованные пожары, методичное разрушеніе монументовъ, казавшихся неприкосновенными благодаря ихъ античности, исторической роли и восхищенія ими всей вселенной. „Мнѣ сообщили объ этомъ, и я долженъ отомстить“,—подобный предлогъ достаточенъ. Намъ сказали, что какой-то житель этого или того города не оказалъ уваженія кому-то изъ нашихъ; стало-быть, мы должны сжечь городъ и разстрѣлять его жителей! Въ концѣ-концовъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы получше освободить элементарную природную энергію, выручить maximum силъ и maximum результата.

Этотъ результатъ, впрочемъ, долженъ быть психологическимъ въ той же мѣрѣ, какъ и матеріальнымъ. Дѣйствія, сѣющія трепетъ, о которыхъ люди судятъ, какъ объ ужасныхъ, являются средствами, которыми рекомендуется пользоваться даже въ томъ случаѣ, если они не имѣютъ значенія съ военной точки зрѣнія, такъ какъ дѣйствія эти насилуютъ души.

Впрочемъ, все, что возмущаетъ обыденную нравственность, въ сущности сообразно съ высшей моралью. Миссія нѣмцевъ на войнѣ — наказывать. Они лишь отправляютъ божественную месть и заставляютъ своихъ враговъ искуплять преступленіе, которое эти послѣдніе совершили, противясь нѣмцамъ. Итакъ, если врагъ будетъ имѣть дерзость взять обратно городъ, захваченный нѣмцами, то будетъ справедливымъ, какъ только это окажется возможнымъ, если нѣмцы разрушатъ этотъ городъ, сожгутъ лучшіе памятники и перебьютъ жителей.

Если дана задача: развернуть какъ можно шире все могущество зла, то ясно, что народъ высшей культуры, для рѣшенія ея вооруженъ лучше чѣмъ какой либо другой. На самомъ дѣлѣ, наука, въ которой онъ отличается, даетъ ему средства для употребленія на разрушеніе и зло всѣ тѣ силы, которыя природа упо-

требляетъ лишь на созданіе свѣта, тепла, жизни и красоты. Стало-быть народъ — богъ соединяетъ maximum учености съ maximum'омъ варварства. Формула его дѣйствія можетъ быть обусловлена такъ: варварство, помноженное на науку.

Вотъ каково послѣднее слово великолѣпной доктрины, извѣстной подъ именемъ германизма. Такимъ образомъ очевидно тожество между конечными выводами этой доктрины и чертами, характеризующими настоящую войну. Задача, которая стоитъ передъ нами разрѣшена. Если, какъ это ни кажется невѣроятнымъ у нѣмцевъ варварство существуетъ бокъ-о-бокъ съ культурой и если въ настоящую войну оно даже какъ бы связано съ этой культурой, то это доказываетъ, что германская культура глубоко отлична отъ того, что человѣчество разумѣетъ подъ культурой и цивилизаціей. Человѣческая цивилизація ищетъ смягчить даже самую войну. Нѣмецкая же культура стремится посредствомъ науки увеличить до безконечности первобытное звѣрство.

Все нѣмецкое должно быть единственно: женщины, Богъ, вино, честность. Война, которую ведутъ нѣмцы поражаетъ міръ ужасомъ и отвращеніемъ, такъ какъ это есть въ полномъ смыслѣ этого слова „война нѣмецкая", *die deutsche Art*, нѣмецкое искусство.

* * *

Дѣлая это удивительное заключеніе, міръ въ то же время съ тревогою спрашиваетъ себя: каковы могутъ быть впослѣдствіи его отношенія съ Германіей? Сознательно и систематично Германія противопоставляетъ разрушительное бѣшенство Гунновъ нашей эллинской, христіанской и человѣчной цивилизаціи. Вѣроятно, послѣ войны Германія сошлется на то, что дѣйствуя подобнымъ образомъ она лишь подчинялась, не безъ боли, условіямъ идеальной и божественной войны; заявитъ, что она даже готова будетъ простить своимъ врагамъ причиненныя ею имъ строгости, ябо такова была ея миссія. Но міръ, вѣроятно, откажется восхититься этимъ угрожающимъ великодушіемъ, которое при малѣйшемъ покушеніи на сопротивленіе превратится въ дикость. Въ настоящее время пелена разорвана. Нѣмецкая культура на самомъ дѣлѣ есть ученое варварство. Міръ, желающій впредь стряхнуть всякій деспотизмъ, не будетъ въ состояніе договориться съ деспотизмомъ варварства.

Какое, однако, разочарованіе и какая боль! Вѣдь дѣйствительно народъ германскій считали великой націей. Во многихъ

странахъ прочной и высокой культуры ему возносились хвалы. Легко убѣдиться, что это происходило лишь потому, что нѣмецкое преданіе заключало въ себѣ иныя ученія чѣмъ тѣ, которыя развивались подъ вліяніемъ Пруссіи. Тогда какъ германизмъ въ опредѣленіи Пруссаковъ состоитъ исключительно въ презрѣніи къ другимъ націямъ и въ претензіи владычествовать надъ ними, Лейбницъ, уважаемый одинаково въ латинскомъ и въ германскомъ мірѣ, проповѣдывалъ философію, которая признавала единство лишь въ формѣ гармоніи свободныхъ и автономныхъ державъ. Лейбницъ превозносилъ многообразіе, разнообразіе и самостоятельность. Между соперничающими державами онъ хотѣлъ бы установить отношенія, которыя бы ихъ помирили безъ того, чтобы измѣнить или уменьшить цѣнность и независимость того или другого. Таково, напримѣръ, было его стремленіе соединить Церкви Католическую и Протестантскую. Послѣ Лейбница явился Кантъ, который, будучи несомнѣнно настоящимъ нѣмцемъ, все же признавалъ, что научился у Руссо давать преимущество уваженія обыкновенному но обладающему нравственной цѣнностью человѣку, передъ ученымъ, единственное достоинство котораго заключается въ его наукѣ. Ставя принципомъ, что всякая личность уважаема въ той мѣрѣ, въ которой она обладаетъ нравственной цѣнностью, онъ призываетъ людей создать не всемірную и деспотичную монархію, но республику націй, гдѣ каждая обладала бы личностью свободной и независимой.

Эта наклонность ставить свободу впереди единства, уважать и почитать достоинство другихъ націй, не забывая, одновременно, и свое собственное, не угасла въ Германіи съ Лейбницемъ и Кантомъ. Позвольте мнѣ, дорогой Редакторъ, подѣлиться съ Вами по этому поводу нѣкоторыми личными воспоминаніями.

Въ январѣ 1869 г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Викторъ Дюрюи, послалъ меня въ Гейдельбергъ, чтобы учиться тамъ и познакомиться съ устройствомъ нѣмецкихъ университетовъ. Германія была для меня страной метафизики, музыки и поэзіи. Велико же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что помимо курса (наукъ) только и было разговоровъ что о войнѣ, которую Пруссія собиралась начать противъ Франціи. Будучи приглашеннымъ на одинъ вечеръ,я услышалъ шепотъ за моей спиной: *Vielleicht ist er ein französischer Spion.* „Можетъ быть онъ французскій шпіонъ“: вотъ были слова, которыя я разобралъ. Въ пивной ко мнѣ подсаживается студентъ и говоритъ: „Мы будемъ съ вами воевать; мы

отберемъ у васъ Эльзасъ и Лотарингію". Ночью, я видѣлъ изъ моего окна, выходящаго на Некаръ, студентовъ, одѣтыхъ въ корпоративные костюмы, плывущихъ внизъ по рѣкѣ на иллюминованномъ плоту и поющихъ знаменитую пѣснь въ честь Блюхера, который: „научилъ враговъ нѣмецкому обращенію". Въ самомъ университетѣ лекціи Трейтшке, на которыхъ тѣснилась возбужденная толпа, были ничѣмъ инымъ, какъ пламенными рѣчами противъ французовъ, рѣчами, возбуждавшими къ ненависти и къ войнѣ. Видя, что дѣло шло лишь о приготовленіяхъ къ войнѣ, я вернулся въ Парижъ, какъ только наступили Пасхальные каникулы 1899 года, убѣжденный въ томъ, что вотъ-вотъ откроются военныя дѣйствія. Немного времени спустя я возвратился въ Гейдельбергъ и познакомился съ другими лицами и иными идейными центрами. Тогда я понялъ, что въ Германіи мнѣнія раздѣлялись между двумя противоположными ученіями. Но относительно способа понять и осуществить это единство мнѣнія раздѣлялись. Тезисъ Трейтшке былъ: „*Freiheit durch Einheit*"—„Свобода черезъ единство", т. е. единство сперва, единство раньше всего, а свобода потомъ, позже, когда обстоятельства позволятъ подумать о ней; но чтобы разомъ осуществить это единство, которое въ настоящее время одно только и занимало всѣ умы, слѣвовало, въ виду войны съ Франціей, подчинить Германію Пруссіи. Формулѣ Трейтшке противопоставлялась формула Блунтшли: „*Einheit durch Freiheit*"—„Единство черезъ свободу".—Эта доктрина, имѣвшая за собой извѣстныхъ представителей, стремилась, во-первыхъ, охранить независимость и равенство нѣмецкихъ государствъ, а затѣмъ основать между ними на этой базѣ союзъ федеративнаго характера. Предполагая устроить въ сердцѣ Германіи союзъ безъ гегемоніи, эта доктрина допускала также единство германское, осуществимое безъ ущерба для другихъ націй и не угрожающее Франціи въ частности. Это должна была быть Германія свободная въ свободномъ мірѣ.

Въ эту эпоху Германія находилась на перепутьи. Вопросъ былъ въ томъ, послѣдуетъ ли она своей собственной тенденціи, еще живой среди многихъ благородныхъ умовъ, или отдастся всецѣло, чтобы направиться по пути, указанному Пруссіей?

Восторжествовала партія, которая стояла за войну и за ограбленіе Франціи, партія прусская, а успѣхъ окончательно утвердилъ ея преимущество. Съ этихъ поръ умы, претендовавшіе остаться вѣрными идеалу свободы и человѣчности, были уничтожены.

Возможно, что Германія когда-нибудь вернется къ тому пере-

путью, на которомъ она еще находилась до 1870 года, и на этотъ разъ пойдетъ по другой дорогѣ, — дорогѣ Лейбницевъ, Кантовъ, Блунтшли, ведущей прежде всего, къ свободѣ отдѣльныхъ личностей и народовъ и лишь потомъ направляющейся къ формѣ согласія и гармоніи, уважающей въ одинаковой мѣрѣ права всѣхъ.

Выраженіе шотландскаго профессора Вильяма Найта приходитъ мнѣ сейчасъ на умъ: „*The best things have to die and be reborn*“— „Самое лучшее должно умереть и возродиться“. Германію, которую уважалъ и которой восхищался міръ, Германія Лейбница, будто бы умерла: возродится ли она?

Примите и проч.

Эмиль Бутру.

Нѣмецкое засилье и правила 2 февраля 1915 г.

„Суждены намъ благіе порывы,
но свершить ничего не дано“...

I.

Много и много разъ приходятъ на память русскому человѣку эти крылатыя слова. Мы, вообще, инертны и косны по своей природѣ, раскачать насъ трудно—и вся наша жизнь, за рѣдкими исключеніями, проходитъ въ безмятежномъ созерцаніи окружающей насъ дѣйствительности, а то такъ и въ настоящемъ снѣ. Поспать мы любимъ и почиваемъ богатырскимъ сномъ долго-долго, а если и пробуждаемся, то для того, чтобы подкрѣпить силы, а тамъ—хоть трава не расти. Созерцательно настроенному человѣку—уже не говоря о спящемъ—конечно, чужды житейскія заботы: что за нужда, что платье обветшало и истлѣло, что все жилье покрыто пылью и плѣсенью—ничего, сойдетъ. Обѣдать не успѣли приготовить—пожуемъ и хлѣбца; друзья-пріятели пришли и пріѣли всѣ запасы, да и деньжонокъ прихватили малую толику—авось съ насъ еще хватитъ. Не то, чтобы щедрость, а такъ, нежеланіе хоть на мигъ побезпокоить себя чѣмъ-нибудь. Но иногда житейскія обстоятельства насъ, все-таки, донимаютъ: идетъ жизнь, ровно, гладко, да вдругъ сыграетъ такую штуку, что встряхнемся и съ изумленіемъ и ужасомъ оглядимся: однако, въ какой грязи мы живемъ! какъ все пусто и неуютно кругомъ, какая завелась нечистъ и какъ мало осталось у насъ достатковъ! И начинаемъ кричать: обидѣли, обманули, расхитили! Себя рѣдко винимъ, а больше другихъ, что насъ не оберегли, недосмотрѣли. Нажаловавшись вдоволь, мы спѣшно принимаемся за водвореніе порядка: чистимъ, моемъ, чинимъ—дымъ коромысломъ; наконецъ, суматоха надоѣдаетъ—мы чувствуемъ потребность въ отдыхѣ и укладываемся спать надолго...

Не день, не мѣсяцъ, а столѣтія мы были знакомы съ нашими ближайшими сосѣдями-нѣмцами; изучили и исторію ихъ, и литературу, приглядѣлись къ быту, изъѣздили всю Германію вдоль и поперекъ, а наукою ихъ и философіей такъ увлекались, что даже во снѣ бредили «вѣчными» истинами и выводами нашихъ мудрыхъ учителей. Достаточно хорошо ознакомились мы и съ русской исторіей, между прочимъ, и съ тѣми ея моментами, которые характеризовались особою близостью съ нашими сосѣдями и наибольшимъ ихъ вліяніемъ на насъ. Слышали и про Бирона, и про Голштинскихъ солдатиковъ, и про Гатчинскихъ капраловъ, про Меттерниха и священный союзъ, про Бисмарка и Берлинскій конгрессъ. Читали въ былое время не только фантазеровъ-славянофиловъ, но и классиковъ нашихъ, а въ ихъ произведеніяхъ любовались цѣлою галлереею почтенныхъ нѣмецкихъ бюргеровъ, ремесленниковъ, чиновниковъ и управляющихъ имѣніями. И ко всему этому относились съ строго-философской (объективной) и созерцательной точки зрѣнія; развѣ изрѣдка позволяли себѣ позубоскалить: «нѣмецъ обезьяну выдумалъ», «что русскому здорово, то нѣмцу смерть», и т. п. Въ общемъ же, смотрѣли на сосѣдей какъ на добрыхъ пріятелей, но съ непзмѣннымъ оттѣнкомъ почтительности и даже робости и всегда распахивали имъ гостепріимно наши двери: Милости, дескать, просимъ!

Чего мы не знали, съ чѣмъ какъ-то позабыли познакомиться, это — съ нашимъ Прибалтійскимъ краемъ, даромъ, что онъ почти вплотную подошелъ къ нашей столицѣ. Такъ близко, что даже странно было себѣ задавать вопросъ — да кто и какъ тамъ живетъ? Край принадлежитъ намъ, ну, значитъ, мы имъ и управляемъ; въ газетахъ мало про него пишутъ — значитъ, все тамъ ладно, тихо и спокойно. А жители? да, вѣдь, ихъ на каждомъ шагу мы видимъ — конечно, нѣмцы — да какіе образованные, милые, а какіе умные! Вотъ ихъ сколько въ нашей администраціи, дипломатіи, — значитъ, народъ дѣловой и дошлый! Лѣтъ 10 тому назадъ мы чуть не впервые узнали, что кромѣ нѣмцевъ тамъ есть и латыши, и эсты (кто ихъ знаетъ, чѣмъ они различаются между собою!), но сразу почувствовали къ нимъ недовѣріе и даже злобу: вотъ, вѣдь, разбойники — бунтуютъ, а сами не знаютъ изъ-за чего. Можетъ-быть, отдѣлиться отъ Россіи хотятъ, образовать свое государство? Экое дурачье! Поприжать бы ихъ, да согнуть въ бараній рогъ — ну, да это «хозяева», нѣмцы, сдѣлать сумѣютъ — имъ и книги въ руки, а намъ—поспать хочется.

И шло такъ долгіе, долгіе годы. Вдругъ, какъ будто ни съ того, ни съ сего—война! Встряхнуло сильно нашего обывателя, заставило проснуться—и что онъ, широко раскрывъ свои глаза. увидѣлъ передъ собою! Исконные наши друзья, союзники, учители какъ будто по волшебству обратились въ майоровъ Прейскеровъ, въ кровожадныхъ полузвѣрей, шествіе которыхъ сопровождалось неисчислимыми жестокостями, гнусностями, грабежами и насиліями; уже не воины-рыцари явились къ намъ, а лишенные элементарной честности, всякаго человѣческаго облика хулиганы; а почтенные гелертеры, наши мудрецы-наставники, свѣтила науки, — вмѣсто высокихъ и идеальныхъ философскихъ истинъ, стали изумлять насъ воззваніями, въ которыхъ каждое слово дышало яростью, злобою, безпощадностью, и проявленія звѣрства поощрялись. Сантиментальныя Гретхенъ, наивныя и чистыя созданія, старались превзойти своихъ мужей и братьевъ въ жестокости и коварствѣ, а благодушныя и доброжелательныя ихъ мамаши, каждое слово которыхъ дышало благочестіемъ, отравляли колодцы въ мѣстахъ слѣдованія нашихъ войскъ... Мы сначала отказывались вѣрить такой метаморфозѣ, мы приписывали толки о безчисленныхъ гнусностяхъ досужимъ росказнямъ и сплетнямъ, но скоро должны были убѣдиться, что все это — правда, и сознать, что наше изученіе исторіи и быта германцевъ очень поверхностно и представляетъ нѣкоторые пробѣлы.

Но еще болѣе удивительныя открытія мы сдѣлали у себя дома. Началось съ того же Прибалтійскаго края; эти высоко-честные, искренно преданные Россіи бароны—вдругъ начали изобличаться въ такихъ дѣяніяхъ, о которыхъ мы и подумать не могли никогда; здѣсь и укрывательство лошадей во время мобилизаціи, вплоть до служебныхъ подлоговъ, обманы при реквизиціи скота, открытое сочувствіе успѣхамъ вражескихъ войскъ и демонстративныя выходки противъ Россіи и русскихъ, организованный шпіонажъ и таинственныя сигнализаціи; но что еще удивительнѣе, еще непостижимѣе—это картины мѣстнаго быта и порядковъ; внезапно мы убѣдились, что хоть край 200 лѣтъ и принадлежалъ намъ, но управляли имъ вовсе не мы, а тѣ же бароны, и управляли такъ, что удержали до сей поры въ неприкосновенности весь феодальный строй, всѣ средневѣковые порядки въ отношеніи къ другимъ мѣстнымъ жителямъ; что эти жители—латыши и эсты—находятся въ невообразимо тяжкихъ условіяхъ существованія, въ безъисходномъ кольцѣ безправія, гнета и экономической безпомощности; что, доведенные до отчаянія создавшимся положеніемъ, они бурно стали протестовать

противъ насильниковъ,—а мы приняли это, съ чужихъ словъ, за стремленіе отдѣлиться отъ Россіи; что, желая себя обезпечить впредь отъ такихъ вспышекъ, бароны систематически обезземливали мѣстныхъ крестьянъ, выселяли ихъ, а на свободныя мѣста водворяли массами нѣмецкихъ колонистовъ, какъ болѣе для себя надежныхъ, а на ряду съ этимъ систематически онѣмечивали оставшихся на мѣстахъ крестьянъ.

Отъ Прибалтійскаго края наши взоры обратились и дальше, въ глубь Россіи. Оказалось, что нѣмецкая колонизація шла повсюду, въ особенности на нашихъ западныхъ окраинахъ, систематически и планомѣрно, цѣлыхъ полтора столѣтія, ни разу не заинтересовавъ насъ. Какъ извѣстно, началась она еще въ 1763 г., когда впервые русскимъ правительствомъ были приглашены нѣмцы-колонисты въ почти необитаемое тогда Поволжье какъ въ цѣляхъ заселенія этой мѣстности, такъ и для наглядаго обученія варварскаго русскаго мужика усовершенствованнымъ пріемамъ земельной культуры. Впослѣдствіи колонисты стали являться уже безъ всякаго приглашенія, и черезъ 100 лѣтъ ихъ числилось уже почти 226 тысячъ душъ, владѣвшихъ свыше, чѣмъ 2 милліонами десятинъ. Но самый сильный расцвѣтъ колонизаціи начался послѣ Франко-Прусской войны, послѣ того, какъ Германія почувствовала себя объединенною и сильною, стала стремиться къ европейской гегемоніи и, съ 80-хъ годовъ, готовиться къ борьбѣ со стоящими на пути ея къ владычеству противниками, между которыми главное мѣсто занимала Россія. Съ этого времени, приблизительно за 25 лѣтъ, число нѣмецкихъ колонистовъ почти удесятерилось и достигло въ 1908 году 2-хъ милліоновъ 100 тысячъ душъ, во владѣніи которыхъ было уже свыше 12 милліоновъ десятинъ земли; но какой земли! Не въ глухомъ Поволжьѣ, не въ далекой Сибири, а на нашей западной границѣ, въ Ковенской губерніи, Привислянскомъ краѣ, Волыни и Подоліи,—наконецъ, на югѣ—въ Новороссіи. Создана постепенно прочная база для германскаго нашествія, образованы ею этапы для того, чтобы побѣдоносныя нѣмецкія войска отнюдь не терпѣли недостатка ни въ продовольствіи, ни въ фуражѣ и встрѣтили, при надобности, теплый и радушный пріемъ въ населеніи. Въ особенности заботливо колонизировались мѣстности вдоль стратегическихъ дорогъ, въ районѣ крѣпостей и т. п. Успѣхъ увѣнчалъ многолѣтнія усилія, и 30 апрѣля 1906 года германское правительство могло съ удовлетвореніемъ издать законъ, согласно которому Привислянскій край, въ отношеніи страхованія рабочихъ, приравни-

вался по ставкамъ къ *внутреннимъ* мѣстностямъ Германіи, такъ какъ по составу населенія онъ уже не могъ разсматриваться какъ территорія заграничная. Возможно, и даже очевидно, что объ изданіи такого закона своевременно услышали мелькомъ и мы, но, насколько извѣстно, мы ничѣмъ, кромѣ радостнаго удивленія передъ столь быстрымъ развитіемъ нашей сельскохозяйственной культуры, на это не реагировали.

А на ряду съ этимъ шло мирное завоеваніе нашей торговли, промышленности, банковаго и страхового дѣла. Вѣдь у всѣхъ на глазахъ одна изъ старѣйшихъ и наиболѣе бойкихъ улицъ Москвы—Мясницкая—обратилась въ нѣмецкій городъ съ прилегающими къ нему форштадтами: Софійкой, Лубянкой и пр. Вѣдь еще Сергѣй Атава живописалъ пышное развитіе нашего машиностроительнаго производства Лингардами, Бутенопами и др., названнаго имъ «усыпальницею» русскихъ помѣщиковъ. Вѣдь всякій изъ насъ, побывавшій хоть разъ въ любомъ страховомъ обществѣ имѣлъ удовольствіе слышать исключительно языкъ Шиллера и Гете и быть окруженнымъ сонмомъ симпатичныхъ блондиновъ германскаго типа, между которыми лишь изрѣдка попадался неуклюжій русскій артельщикъ. Вѣдь уже давно изо всѣхъ нашихъ коммерческихъ банковъ остались въ русскихъ рукахъ только два счетомъ, одинъ въ Москвѣ, другой въ Петроградѣ, чтобы никому не было обидно! Все это — вещи съ дѣтства намъ знакомыя, привычныя, почти неизбѣжныя; со всѣмъ мы свыклись и только теперь вдругъ испуганно начинаемъ себя спрашивать: да гдѣ же наша отечественная коммерція? Неужели такъ-таки мы совсѣмъ ее потеряли?

Наконецъ, россійскій обыватель какъ будто впервые узналъ, что всѣ наши вѣдомства, всѣ правительственныя учрежденія, въ особенности власть имущія, тѣ, которыя «дѣлаютъ погоду», на половину и даже болѣе заполнены нѣмцами — по ходячему представленію — великолѣпными организаторами и усердными исполнителями. Можно было бы при случаѣ привести статистику по классамъ и должностямъ—она весьма поучительна... И это мы знали, но этого также до сихъ поръ не видѣли, не сознавали; въ послѣдніе только мѣсяцы мы прозрѣли—и общимъ хоромъ воскликнули: нѣмецкое засилье. Въ походъ на него, скорѣе, сейчасъ же, безпощадный, неумолимый...

Мысль правильная, но походъ-то мы стали вести по-свойски: сначала побили нѣсколько стеколъ въ нѣмецкихъ магазинахъ, а за компанію—и въ нѣкоторыхъ русскихъ; потомъ стали придираться къ случайно сказанному на улицѣ нѣмецкому слову, вырывать изъ

рукъ нѣмецкія книги, газеты, а тамъ — обливать помоями печатно и устно всѣхъ, носящихъ нѣмецкую фамилію: нѣмецкую или нѣтъ, все равно: разбирайся, молъ, самъ.

Негодованіе и возмущеніе противъ чужеземнаго ига, безусловно пагубнаго для насъ и съ политической, и съ экономической стороны, вполнѣ законно и понятно; желаніе бороться съ нимъ какъ нельзя болѣе почтенно, — но и то, и другое не болѣе, какъ вопль сердца; до осуществленія поставленной цѣли отсюда еще очень далеко; нуженъ еще голосъ разума, посредствомъ котораго только и возможно осмыслить и сознать зло, съ которымъ собираешься бороться, опредѣленно поставить себѣ цѣль борьбы, намѣтить путь ея и, наконецъ, всесторонне обсудить ея способы; иначе, вопль сердца будетъ потрясать напрасно воздухъ, а толку выйдетъ мало. Работа, очевидно, довольно сложная и трудная, да и времени для нея требуется достаточно; не устать бы намъ, не почувствовать бы неодолимой потребности въ отдыхѣ? Если послѣднее произойдетъ, то, очевидно, порывы наши такъ и останутся порывами...

II.

Однимъ изъ самыхъ серьезныхъ видовъ нѣмецкаго засилья, какъ это было сказано выше, является мирное завоеваніе нѣмцами нашихъ земель, иначе—нѣмецкая колонизація. Борьба съ нею, въ виду многихъ фактовъ, указавшихъ на небезвредное для насъ значеніе колонистовъ даже въ области чисто-военныхъ дѣлъ, — является вопросомъ настоятельной важности. Повидимому, на эту точку зрѣнія стало и правительство,— и не только теперь, а уже спустя короткое время послѣ начала военныхъ дѣйствій. По крайней мѣрѣ, 10 ноября 1914 г. было въ газетахъ самыхъ разнородныхъ направленій распубликовано проектъ правилъ о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія, въ совершенно готовомъ видѣ, съ подраздѣленіемъ на статьи и параграфы. Газеты указывали, что этотъ проектъ уже разсмотрѣнъ въ совѣтѣ министровъ и въ самомъ короткомъ времени будетъ обнародованъ. Такому быстрому и коренному разрѣшенію важнаго государственнаго вопроса сначала обыватели возрадовались, но затѣмъ, при болѣе внимательномъ чтеніи проекта, радость уступила мѣсто изумленію, а послѣ— даже нѣкоторому унынію. Прежде всего, бросалось въ глаза весьма неразработанная юридическая конструкція и терминологія и очень

сбивчиво изложенная финансовая сторона проекта, согласно которому принудительная ликвидація землевладѣнія должна была совершаться посредствомъ Крестьянскаго банка, призываемаго, такимъ образомъ, къ осуществленію задачи, совершенно не входящей въ предѣлы его компетенціи по уставу. Но то, что составляло самый серьезный дефектъ проекта,—это тотъ перечень мѣстностей, на которыя распространялось его дѣйствіе: въ перечнѣ этомъ тщательно перечислялись губерніи, въ которыхъ доселѣ нѣмецкаго землевладѣнія не было и слышно, напримѣръ, Архангельская, Олонецкая; въ него включено все Великое Княжество Финляндское, весь Кавказъ, отстоящій, какъ извѣстно, отъ Германіи довольно далеко; но зато пропущены губерніи Курляндская, Ковенская и Сувалкская, т.-е. именно тѣ, въ которыхъ нѣмецкая колонизація за послѣднія десятилѣтія сдѣлала колоссальные успѣхи и производилась съ политическо-военными цѣлями самымъ агрессивнымъ путемъ; тѣ, которыя непосредственно примыкаютъ къ Восточной Пруссіи, къ родинѣ прусскаго юнкерства и очагу германскаго милитаризма. Вѣдь, достаточно вспомнить, что лишь въ трехъ уѣздахъ Курляндской губерніи, за время съ 1908 по 1911 годъ, путемъ массоваго обезземеливанія и выдворенія мѣстныхъ крестьянъ-латышей, было поселено 5.314 колонистовъ, и въ ихъ собственность перешло 6.247 десятинъ, не считая арендованныхъ земель; что нѣкоторые помѣщики, въ родѣ пресловутаго барона Карла фонъ-Мантейфеля, вскорѣ высланнаго въ Сибирь за свои не совсѣмъ приличныя для россійскаго гражданина дѣянія, скупали цѣлый рядъ имѣній именно съ колонизаціонными цѣлями, устраивали тамъ для поселенцевъ спеціальныя нѣмецкія школы и церкви, стремились образовать настоящіе уголки «фатерланда», чего въ значительной мѣрѣ и достигали; что благодаря дѣятельности этихъ господъ вся Курляндская губернія была наводнена множествомъ иностранцевъ, зачастую офицеровъ и солдатъ запаса, на должностяхъ лѣсничихъ, лѣсниковъ, пивоваровъ, управляющихъ имѣніями, наконецъ—въ качествѣ домашней прислуги; что, далѣе, нѣмецкіе колонисты въ Ковенской губерніи оказывались въ составѣ непріятельскихъ войскъ, сражавшихся съ нами на восточно-прусскомъ фронтѣ и неоднократно попадали къ намъ въ плѣнъ... А Сувалкская губернія? Неужели она, сильно колонизованная и на всемъ протяженіи прилегающая къ странѣ съ чисто-нѣмецкимъ населеніемъ, привлекала меньшее вниманіе въ политическомъ отношеніи, чѣмъ какая-нибудь Кѣлецкая, Люблинская и Холмская,

въ перечнѣ указанныя, находящіяся на границѣ мѣстностей не съ нѣмецкимъ, а почти сплошнымъ славянскимъ населеніемъ? Какими соображеніями руководились составители перечня? Можетъ-быть, это былъ недосмотръ?!

Впрочемъ, нѣмецкіе обитатели и тѣхъ мѣстностей, которыя вошли въ проектъ, могли быть болѣе или менѣе спокойны за свою участь. Статья 14 проекта предоставляла министру внутреннихъ дѣлъ право входить въ совѣтъ министровъ съ представленіями о допущеніи изъятій изъ правилъ въ особо исключительныхъ обстоятельствахъ. Памятуя былое обиліе аргументовъ, которыми всегда располагали наши друзья-нѣмцы въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось ихъ интересовъ.—нельзя сомнѣваться въ томъ, что «изъятія» будутъ допущены въ самыхъ широкихъ размѣрахъ—этого требовалъ и принципъ справедливости и уравненія въ правахъ мѣстностей привилегированныхъ и тѣхъ, которыя подпали подъ дѣйствіе правилъ.

Газетные слухи не оправдались,—ноябрьскій проектъ обнародованъ не былъ, хотя въ существованіи его едва ли можно было усумниться; по крайней мѣрѣ, по поводу многочисленныхъ статей и разборовъ этого любопытнаго проекта никакого опроверженія или разъясненія со стороны заинтересованныхъ вѣдомствъ напечатано не было. Но вопросъ о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія продолжалъ быть въ модѣ; повсюду слышались толки и разговоры о необходимости съ этимъ вопросомъ покончить, и, наконецъ, 3-го февраля 1915 г. обнародованы были въ Собраніи Узаконеній «правила», утвержденныя 2-го февраля, о ликвидаціи землевладѣнія иностранныхъ подданныхъ (австрійскихъ, венгерскихъ, германскихъ и турецкихъ), объ ограниченіи въ правахъ землевладѣнія и землепользованія нѣкоторыхъ разрядовъ русскихъ подданныхъ изъ нѣмецкихъ выходцевъ и о прекращеніи землевладѣнія послѣднихъ въ приграничныхъ мѣстностяхъ.

Съ точки зрѣнія технической, обнародованныя правила стоятъ гораздо выше прежняго проекта; болѣе разработана юридическая терминологія, съ Крестьянскаго банка снята совершенно несвойственная ему задача, отсутствуетъ указаніе на чье-либо право дѣлать какія-нибудь изъятія изъ дѣйствія правилъ, наконецъ — районъ дѣйствій намѣченъ гораздо болѣе раціонально; по крайней мѣрѣ, въ него вошли указанныя три губерніи, столь близкія къ Пруссіи географически и столь желанныя, какъ арена дѣйствій для исповѣдниковъ пангерманизма.

Но зато въ правилахъ есть нѣчто другое: при внимательномъ ихъ чтеніи, а, тѣмъ болѣе, при детальномъ разборѣ, бросается въ глаза нѣкоторая несогласованность, а иногда и противорѣчіе отдѣльныхъ статей, изъ которыхъ нерѣдко одна аннулируетъ дѣйствіе другой; есть непонятные на первый взглядъ пропуски и умолчанія; есть и коренные недостатки, о которыхъ рѣчь впереди. По всему видно, что въ составленіи правилъ участвовали два автора: въ намѣреніи одного входила извѣстная опредѣленность и категоричность, а другой заинтересованъ былъ во включеніи въ текстъ оговорокъ, иногда существенныхъ; одинъ старался созидать, а другой—разрушать созданное. Отдѣлить позднѣйшія поправки отъ первоначальной редакціи для изслѣдователя почти такъ же трудно, какъ историку установить первичный текстъ Несторовой лѣтописи и очистить его отъ позднѣйшихъ наслоеній и искаженій; задача сложная, но благодарная, и наводящая на довольно серьезныя размышленія о цѣли изданія правилъ. Вѣдь, казалось бы, очевидно, что эта цѣль должна быть направлена къ уничтоженію экономическаго засилья нѣмецкаго элемента въ области землевладѣнія и къ обезпеченію русскаго народа отъ извѣстной политической опасности. Важность и серьезность этой двоякой задачи такъ сильны, что для достиженія цѣли предпринимается мѣра экстраординарная, стоящая внѣ обычныхъ нормъ права—принудительное отчужденіе собственности и насильственное нарушеніе различныхъ договорныхъ отношеній. Такого рода мѣры, допустимыя въ исключительныхъ обстоятельствахъ, могутъ быть одобрены лишь въ томъ случаѣ, когда посредствомъ ихъ достигается намѣченная цѣль; иначе—мѣры становятся излишне тягостными и безполезно суровыми.

Но достигается ли политическая и экономическая наша эмансипація отъ нѣмецкаго засилья посредствомъ правилъ 2-го февраля? Постараемся на это отвѣтить.

III.

Предварительно нѣсколько словъ объ юридической конструкціи правилъ 2-го февраля. Вызванныя войной и обстоятельствами, ей предшествовавшими и ее сопровождавшими, они не носятъ временнаго характера; наоборотъ, они разсчитаны и на мирное время и, кромѣ того, имъ придана и обратная сила, такъ какъ дѣйствіе правилъ распространяется на сдѣлки, заключен-

ныя ранѣе ихъ изданія. Хотя, какъ изданныя въ порядкѣ ст. 87 Основныхъ Законовъ, они подлежатъ пересмотру законодательныхъ учрежденій, но до пересмотра и окончательной санкціи можетъ пройти весьма долгій періодъ, въ теченіе котораго цѣлый рядъ правоотношеній уже будетъ окончательно и безповоротно ликвидированъ. Въ виду этого, особливую важность пріобрѣтаетъ ясная и точная выработка какъ отдѣльныхъ статей, такъ и всего закона въ цѣломъ. по этого-то именно и нѣтъ. Въ правилахъ о землевладѣніи иностранныхъ подданныхъ противорѣчатъ одна другой уже двѣ первыя статьи: одна изъ нихъ категорически воспрещаетъ иностраннымъ подданнымъ пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ какимъ бы то ни было путемъ, а другая дозволяетъ пріобрѣтеніе этихъ имуществъ по наслѣдованію, хотя и съ обязанностью отчужденія ихъ въ извѣстный срокъ. Далѣе, крайне неудачно редактирована статья 13 отдѣла I, трактующая о продажѣ съ публичнаго торга неотчужденныхъ добровольно въ назначенный срокъ имуществъ въ случаяхъ предъявленія исковъ о расторженіи сдѣлокъ; ея буквальное примѣненіе оказывается на практикѣ абсолютно невозможнымъ и, кромѣ того, она предусматриваетъ порядокъ ликвидаціи далеко не всѣхъ видовъ недозволенныхъ сдѣлокъ, о ничтожности которыхъ трактуетъ ст. 11 того же отдѣла. Перечисляя въ нѣкоторыхъ статьяхъ изъятія для опредѣленныхъ лицъ, независимо отъ ихъ пола, составители правилъ тутъ же указываютъ, что эти изъятія распространяются и на вдовъ, давая основанія для всевозможныхъ толкованій при примѣненіи изъятій къ разнымъ категоріямъ лицъ того или другого пола. Въ виду подобнаго рода недочетовъ несомнѣнно, что примѣненіе правилъ на практикѣ должно вызвать цѣлый рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ у исполнительныхъ органовъ и разнообразныя толкованія на мѣстахъ,—что, кажется, уже и наблюдается въ дѣйствительности.

Но это—мелочи; гораздо важнѣе коренные недостатки правилъ, въ числѣ которыхъ я считаю, прежде всего, распространеніе исключительно на внѣгородскія недвижимыя имущества дѣйствія того раздѣла, который устанавливаетъ принудительное отчужденіе существующаго владѣнія въ приграничныхъ, особо поименованныхъ, мѣстностяхъ. Подобное ограниченіе сферы дѣйствія правилъ сомнительно и само по себѣ, но оно пріобрѣтаетъ еще болѣе нежелательный характеръ въ виду того, что понятіе городского или негородского поселенія въ общихъ нашихъ законахъ

отличается большою сбивчивостью; несомнѣнно, что можетъ существовать способъ толкованія, который будетъ приравнивать къ городамъ и тѣ изъ внѣгородскихъ имуществъ, несмотря на вполнѣ сельскій характеръ ихъ бытовыхъ условій, которыя, однако, по одному изъ внѣшнихъ признаковъ могутъ быть отнесены къ имуществамъ городскимъ; таковы, напримѣръ, подчиненіе городской, а не уѣздной полиціи, платежъ какихъ-либо спеціальныхъ сборовъ въ пользу города, подчиненіе мѣстности обязательнымъ городскимъ постановленіямъ, и т. п. Въ частности, возникаетъ вопросъ о такъ-называемыхъ «патримоніальныхъ округахъ» городовъ Прибалтійскаго края. Дѣло въ томъ, что многіе тамошніе города обладаютъ обширными имѣніями, подходящими вплотную къ городу и образующими какъ бы переходную ступень отъ города къ деревнѣ. Характеръ заселенія—сельскій, быть и занятія жителей—также, но, благодаря близости къ городу, въ этихъ мѣстностяхъ расположены крупнѣйшіе заводы и фабрики, занимающіе огромные участки земли и зачастую имѣющіе непосредственное отношеніе къ военнымъ обстоятельствамъ, напримѣръ—сталелитейные, рельсопрокатные, пистонные и тому подобные. Эти мѣстности входятъ въ районы городской полиціи, хотя и не всегда; городъ устанавливаетъ для нихъ извѣстные сборы и издаетъ обязательныя постановленія; жители въ своихъ гражданскихъ правоотношеніяхъ подчиняются дѣйствію мѣстнаго не земскаго, а городского права. Такимъ образомъ, налицо есть рядъ признаковъ, указывающихъ на возможность отнесенія этихъ мѣстностей къ разряду городскихъ, несмотря на то, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣются утвержденные городскіе планы (далеко не вездѣ), онѣ на планахъ исключены. Въ результатѣ, рядъ крупнѣйшихъ недвижимыхъ имуществъ и обширныхъ земельныхъ участковъ, нынѣ принадлежащихъ германцамъ или австрійцамъ, отнюдь не будетъ подлежать отчужденію, — и тотъ видъ засилья, который имѣетъ самый вредный политическо-военный характеръ, въ мѣстностяхъ приграничныхъ будетъ существовать попрежнему. Но, на ряду съ этимъ, въ статьѣ 11 того же отдѣла объявляются утратившими свою силу всѣ договоры найма и аренды квартиръ, домовъ и иныхъ помѣщеній. Возникаетъ вопросъ: разъ, согласно статьѣ 1, дѣйствіе всего отдѣла распространяется только на негородскія имущества, то къ чему понадобилась усиленная суровость по отношенію именно къ негородскимъ квартиронанимателямъ и домовладѣльцамъ изъ иностранцевъ? Неужели ихъ такъ много въ деревняхъ и такъ они тамъ опасны?

Не проще ли предположить, что статья 11 принадлежала къ первичной редакціи правилъ и, по недосмотру, осталась неприкосновенною при послѣдующихъ передѣлкахъ, благодаря которымъ получилась вставка о «внѣгородскихъ» имуществахъ въ ст. 1. Такъ или иначе, но получился курьезный результатъ, что для составителей правилъ принадлежащій германскому подданному, положимъ, пистонный заводъ, занимающій крупный земельный участокъ, и расположенный близъ города (а можетъ-быть, и возлѣ государственной границы), является въ привилегированномъ положеніи сравнительно съ ничтожною хибаркою гдѣ-нибудь въ глухой деревнѣ, далекой отъ всякой границы и служащей квартирою для какого-нибудь сапожника или портного.

Кстати, здѣсь и о часто встрѣчающемся въ правилахъ выраженіи: «квартиры, дома и иныя помѣщенія». Этотъ терминъ неизбѣжно употребляется для изображенія изъятій изъ основного положенія. Такъ, ст. 1 отд. I, устанавливающая полное воспрещеніе иностраннымъ подданнымъ пріобрѣтать право собственности и всякаго рода пользованія на недвижимости, предусматриваетъ изъятіе для «квартиръ, домовъ и иныхъ помѣщеній». Такія же изъятія указаны въ отдѣлѣ III, въ ст. 11 отд. IV. Слѣдуетъ замѣтить, что въ ноябрьскомъ проектѣ, а также Именномъ Указѣ Сенату отъ 22-го сентября 1914 г. это изъятіе формулировано иначе: тамъ оно устанавливается для найма «домовъ и квартиръ для временного пользованія и личнаго жительства». Ясно, что смыслъ изъятія въ послѣднемъ случаѣ совершенно другой, и формулировано оно несравненно точнѣе. Что такое эти «иныя помѣщенія»? Чердакъ при квартирѣ, подвалъ при домѣ, или, можетъ-быть, и фабрика съ тысячами рабочихъ, заводъ съ милліоннымъ производствомъ, торговый складъ для храненія товаровъ, — напримѣръ, при оружейномъ магазинѣ? Этого не объяснено нигдѣ; расширительное и ограничительное толкованіе предоставляется усмотрѣнію каждаго. Кому и для чего понадобилась замѣна болѣе яснаго выраженія менѣе яснымъ, и для чего весьма загадочное примѣчаніе приведено подъ статьею, имѣющею общій характеръ и претендующей на безусловность,—покрыто мракомъ неизвѣстности; безспорно только то, что примѣчаніе къ статьѣ 1 написано другимъ перомъ, чѣмъ самая статья.

Впрочемъ, безусловность ст. 1 вообще подвержена сильному сомнѣнію. Уже было указано, что слѣдующая, 2-я, статья устанавливаетъ крупное изъ нея изъятіе для имуществъ, переходящихъ

по наслѣдству. Хотя такого рода изъятіе въ извѣстной степени ограничено, такъ какъ одновременно устанавливается обязанность наслѣдниковъ ликвидировать пріобрѣтенное право, — но и здѣсь возникаютъ нѣкоторые вопросы по существу дѣла. Вотъ ст. 5, перечисляющая, какого рода пріобрѣтенныя по наслѣдству права подлежатъ отчужденію. Въ ней есть многое, но нѣтъ самаго обычнаго для всей Россіи вида землепользованія—обыкновенной аренды земельныхъ и прочихъ недвижимыхъ имуществъ. Есть право застройки, чиншевое, даже наслѣдственная аренда—институтъ, какъ извѣстно, на практикѣ крайне рѣдко встрѣчающійся, но нѣтъ того, что имѣется въ жизни на каждомъ шагу, что зачастую совершается вовсе не формальнымъ путемъ, а домашнимъ, иногда даже словеснымъ соглашеніемъ, а потому и наиболѣе доступнаго для простолюдина и каждаго деревенскаго жителя института. Можетъ-быть, составители думали, что простая аренда, перейдя отъ умершаго отца къ сыну, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ свойства и признаки наслѣдственной? Смѣемъ увѣрить, что это не такъ, и что наслѣдственная аренда является по-нашему законодательству институтомъ sui generis. Упоминаніе о прекращеніи аренды въ теченіе года со дня изданія правилъ въ отдѣлѣ III только вноситъ извѣстную сбивчивость, такъ какъ оно касается лишь договоровъ, заключенныхъ ранѣе изданія закона и вовсе не можетъ служить основаніемъ для воспрепятствованія перехода арендъ по наслѣдству въ теченіе годичнаго ликвидаціоннаго срока.

Далѣе, въ правилахъ допущенъ для иностранныхъ подданныхъ пріемъ недвижимыхъ имуществъ въ залогъ; правда, есть спеціальное указаніе на то, что залоговое право не можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ ни пріобрѣтенія въ собственность имущества, ни вступленія въ дѣйствительное пользованіе имъ,—но вѣдь извѣстно, что посредствомъ пріема въ залогъ можно фактически сдѣлаться обладателемъ всѣхъ доходовъ имущества, хотя бы оно и состояло юридически въ пользованіи другого лица; стоитъ только для этого озаботиться опредѣленіемъ той именно суммы залога, которая будетъ соотвѣтствовать полной стоимости имущества, а затѣмъ имѣть извѣстный контроль надъ дѣйствіями и распоряженіями юридическаго владѣльца, который въ этомъ случаѣ обратится въ наемнаго управляющаго. Дѣло простое, да и весьма часто практикуемое, хотя бы въ тѣхъ же западныхъ губерніяхъ, гдѣ запрещена покупка имѣній лицамъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Допущеніе залоговыхъ сдѣлокъ для иностранцевъ тѣмъ болѣе странно, что таковыя сдѣлки воспрещены одновременно для выходцевъ нѣмецкаго происхожденія.

Довольно загадочнымъ представляется принятіе правилами подъ свою охрану разнаго рода пожизненныхъ правъ пользованія и владѣнія, возникшихъ до 1 ноября 1914 г. Такого рода права исключаются изъ дѣйствія отдѣла IV, предусматривающаго принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, и остаются неприкосновенными. Невольно возникаетъ вопросъ: извѣстенъ ли составителямъ правилъ институтъ такъ-наз. «фамильныхъ фидеикомиссовъ» въ прибалтійскихъ губерніяхъ? По мѣстнымъ гражданскимъ законамъ фидеикомиссами считаются земельныя имущества, владѣлецъ которыхъ не имѣетъ права ихъ отчуждать, закладывать, обременять разнаго рода крѣпостными обязательствами, но сохраняетъ неограниченное право пользованія и распоряженія всѣми доходами такихъ имѣній; фидеикомиссы недробимы и переходятъ по наслѣдству въ полномъ составѣ одному лицу, по выбору наслѣдодателя, но въ предѣлахъ учредительнаго акта, т.-е. воли первоначальнаго владѣльца, установившаго фидеикомиссъ. Обыкновенно пользованіе ими обусловливается принадлежностью наслѣдника къ одному и тому же роду, семейству или фамиліи съ наслѣдодателемъ. Фидеикомиссы являются крупнѣйшими и доходнѣйшими имѣніями Прибалтійскаго края; они тамъ очень распространены и, служа цѣлямъ «вящаго укрѣпленія рода», вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію, представляя одно изъ наиболѣе могучихъ условій богатства и вліятельнаго положенія прибалтійскихъ помѣщиковъ-бароновъ. Какъ видно изъ ихъ юридической природы, это — не собственность, а именно право пожизненнаго владѣнія и, слѣдовательно, въ случаѣ принадлежности иностранцу ранѣе 1 ноября 1914 г., фидеикомиссъ отчужденію не подлежитъ, хотя бы владѣлецъ былъ изобличенъ, напр., въ службѣ въ непріятельскихъ войскахъ, въ личныхъ враждебныхъ отношеніяхъ къ русскому правительству и. т. п. Свободный выборъ наслѣдника можетъ на безконечное время укрѣплять связь имѣнія съ интересами одной изъ воюющихъ съ нами державъ, такъ какъ никто не мѣшаетъ владѣльцу-иностранцу впредь передать по смерти фидеикомиссъ иностранцу же одного съ нимъ рода или фамиліи, при условіи его заблаговременнаго перехода въ русское подданство; германскій законъ о двойномъ подданствѣ сильно облегчаетъ послѣднее обстоятельство, такъ какъ совѣсть пріемлющаго наслѣдство остается совершенно спокойною. Что настоящее разсужденіе о фидеикомиссахъ имѣетъ не только отвлеченный характеръ, доказывается хотя бы тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что знаменитый графъ Цеппелинъ получилъ возможность

построить свой аппаратъ благодаря доходамъ съ фидеикомисснаго имѣнія Альтъ-Шванебургъ (Вольскаго уѣзда), принадлежавшаго баронессѣ Вольфъ, на которой онъ женился...

Вообще постановка вопроса о принадлежности къ иностранному подданству является однимъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ правилъ. Всѣ ихъ постановленія относятся лишь къ подданнымъ австрійскимъ, венгерскимъ, германскимъ и турецкимъ (послѣднее, пожалуй, излишняя роскошь, такъ какъ про турецкое засилье въ области земельныхъ отношеній никогда еще слышно не было). Остается предположить, что составителей правилъ созершенно не интересовала возможность перехода съ спеціальною цѣлью австрійцевъ или германцевъ въ подданство русское или какихъ-либо нейтральныхъ державъ съ одновременнымъ, можетъ-быть, сохраненіемъ подданства германскаго. Во время войны это, конечно, затруднительно, но слѣдуетъ надѣяться, что таковая продолжится менѣе 2-хъ лѣтъ, и, если даже практика русской администраціи впредь будетъ ставить извѣстныя препятствія къ такому «утилитарному» переходу земельныхъ собственниковъ въ русское подданство, то настоять на подобной же практикѣ у правительства другихъ, нейтральныхъ или, даже, дружественныхъ державъ представляется довольно затруднительнымъ; такимъ образомъ, можетъ случиться, что въ ближайшее послѣ окончанія войны время мы будемъ имѣть въ Россіи обширныя мѣстности, заселенныя подданными румынскими, датскими, шведскими или всякими другими, но съ неизмѣннымъ преобладаніемъ чистѣйшаго тевтонскаго антропологическаго типа. Для статистика подобный обмѣнъ народностей можетъ быть весьма любопытнымъ предметомъ изслѣдованія, но для политика будетъ ясно, что «возъ и нынѣ тамъ». Слѣдуетъ замѣтить, что въ ноябрьскомъ проектѣ всѣ ограниченія для иностранцевъ простирались также и на тѣхъ изъ нихъ, которые приняли русское подданство позже 1 января 1870 г., т.-е. была предусмотрѣна наличность германскаго закона о двойномъ подданствѣ.

Чтобы покончить съ тѣмъ раздѣломъ правилъ, который касается иностранцевъ, необходимо еще отмѣтить внутреннее несоотвѣтствіе статей 9, 11, 13 и 15 отдѣла I. Первая статья объявляетъ, что всякія сдѣлки, совершенныя въ нарушеніе или обходъ правилъ, признаются недѣйствительными. Это весьма категорично, но дальнѣйшія статьи въ значительной степени смягчаютъ суровость даннаго постановленія. Изъ статьи, напр., 11 оказывается, что помимо контрагентовъ, имѣющихъ право вчинять искъ

о расторженіи сдѣлки (на это, конечно, нечего разсчитывать, вѣдь сдѣлка почти всегда совершается по добровольному согласію сторонъ, незаинтересованныхъ въ ея расторженіи) — таковымъ же правомъ обладаетъ губернское начальство. Это—прекрасно; но плохо то, что, устанавливая обыкновенный — не сокращенный — порядокъ судопроизводства и не представляя возможности одновременно пріостановить дѣйствіе сдѣлки (напр., договора о застройкѣ, объ арендѣ имѣнія, о вырубкѣ лѣса), правила обрекаютъ могущія быть возбужденными дѣла на безконечную судебную волокиту, съ хожденіемъ по инстанціямъ и съ полною возможностью для контрагентовъ использовать сдѣлку, что называется, во-всю. Расторгай, если хочешь, когда вся выгода изъ нея уже извлечена! Про весьма неудачную редакцію ст. 13 уже было сказано; желающимъ ближе ознакомиться съ вопросомъ рекомендую книгу А. Г. Гойхбаръ (Землевладѣніе подданныхъ воюющихъ державъ. Пгр., 1915 г.), а здѣсь лишь укажу, что постановленія, регулирующія фактическое уничтоженіе сдѣлокъ, охватываютъ далеко не всѣ случаи—подъ нихъ не подходитъ, напр., то же право застройки. Вдобавокъ, изъ текста ст. 11 явствуетъ, что губернское начальство лишено права вчинять иски о расторженіи сдѣлокъ неформальныхъ или словесныхъ. Въ виду этого, ст. 15, повелѣвающая высылать за границу всѣхъ уличенныхъ во владѣніи недвижимостями въ обходъ закона,—въ значительной степени теряетъ свой грозный характеръ: во многихъ случаяхъ сдѣлка-то все-таки осуществлена будетъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о тѣхъ раздѣлахъ правилъ 2-го февраля, которые касаются землевладѣнія германскихъ и австрійскихъ выходцевъ, нынѣ состоящихъ въ русскомъ подданствѣ. Здѣсь крупнѣйшимъ недостаткомъ является то, что они всею тяжестью ложатся исключительно на мелкихъ землевладѣльцевъ и весьма мало затрагиваютъ крупныхъ собственниковъ, для которыхъ существуетъ цѣлый рядъ изъятій и смягченій. Въ то время, какъ нѣмецкаго происхожденія мелкихъ земельныхъ собственниковъ не можетъ погасить никакая давность, для крупныхъ установлено, что дѣйствію правилъ подчиняются лишь перешедшіе въ русское подданство послѣ 1 января 1880 г. Такимъ образомъ, не только крупнѣйшія имѣнія на западѣ и югѣ Россіи, принадлежащія лицамъ нѣмецкаго происхожденія, чуждымъ Россіи по происхожденію, языку, симпатіямъ и связямъ, не подлежатъ отчужденію, — но собственники ихъ и далѣе могутъ простирать въ неограниченномъ размѣрѣ скупку земельныхъ имуществъ, иногда съ безусловно вредными для Россіи цѣлями; доста-

точно вспомнить про недавніе колонизаціонные подвиги нѣкоторыхъ прибалтійскихъ бароновъ и про дѣятельность ихъ же въ Дейтчеръ-ферейнахъ (нѣмецкихъ обществахъ). Затѣмъ, рядъ изъятій устанавливается для лицъ православнаго вѣроисповѣданія, славянской народности и для ознаменовавшихъ себя боевою дѣятельностью въ качествѣ офицера или добровольца (послѣднее относится какъ къ нынѣшнимъ владѣльцамъ, такъ и ко всѣмъ восходящимъ и нисходящимъ ихъ). Всѣ эти исключенія, въ особенности послѣднее, будутъ имѣть весьма ограниченное примѣненіе у мелкихъ собственниковъ, но другое дѣло у крупныхъ. Взять, напр., то же прибалтійское помѣстное сословіе; при крайне ограниченной его численности, при недробимости имѣній, при смѣшанныхъ бракахъ съ представительницами высшаго русскаго свѣта, наконецъ, при прежней обязательно-обычной для помѣщика службы въ какомъ-либо полку—желательно было бы знать, найдется ли хотя одно нѣмецкое помѣщичье семейство, въ составѣ котораго никогда не было бы хотя одного офицера, участвовавшаго въ военныхъ дѣйствіяхъ. Есть между ними и достаточное количество православныхъ; но и то, и другое едва-ли можетъ служить абсолютнымъ критеріемъ для исключенія изъ правилъ, такъ какъ дѣдъ или прадѣдъ-офицеръ отнюдь не можетъ помѣшать тѣмъ или инымъ политически недопустимымъ дѣйствіямъ своего потомка. Почему бы, на ряду съ перечисленными изъятіями, не установить ряда другихъ, касающихся правъ на землевладѣніе лицъ, уличенныхъ въ шпіонствѣ, постоянно проживающихъ въ Германіи и иногда даже служащихъ тамъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, преданныхъ суду за несовсѣмъ удобныя въ военное время поступки (смотри—дѣла о конской мобилизаціи), или, даже тѣхъ, сыновья или близкіе родственники которыхъ нынѣ небезуспѣшно сражаются въ германскихъ войскахъ?

Наконецъ, далеко не всегда удачно установленъ районъ той пограничной полосы (въ 150 и 100 верстъ), въ предѣлахъ которой недвижимыя имущества нѣмецкихъ выходцевъ подлежатъ отчужденію. Такъ, полоса въ 150 верстъ, очерченная вмѣстѣ съ тѣмъ рядомъ желѣзнодорожныхъ линій, иногда въ дѣйствительности оказывается ближе къ границѣ (линія Вильна—Лида), а 100-верстная — не захватываетъ довольно многочисленныхъ нѣмецкихъ колоній въ восточной части Лифляндской губерніи и частей Витебской и Псковской, насажденныхъ за послѣднее время и расположенныхъ въ весьма близкомъ разстояніи отъ Варшавской и Сѣверо-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Повидимому, при устано-

вленіи 100-верстной полосы составителями правилъ руководила мысль о политической опасности въ смыслѣ десанта съ моря; о важности же стратегическихъ желѣзнодорожныхъ путей, ведущихъ къ Петрограду, они позабыли.

Я далекъ отъ мысли исчерпывающимъ образомъ перечислить всѣ недочеты правилъ 2 февраля,—ихъ найдется достаточно и помимо указанныхъ. Въ мои намѣренія входило только отмѣтить, что въ существующей редакціи они не представляютъ собою той панацеи, посредствомъ которой можно рѣшительнымъ и коренымъ образомъ прекратить всѣ вредныя послѣдствія непомѣрнаго разрастанія у насъ нѣмецкаго землевладѣнія. Авторы правилъ дѣйствовали нерѣшительно и съ оглядками; на многія уступки пошли они, многое старались смягчить, а иное—и замолчать. Видна опытная и искусная рука, вдохновляющая окончательную редакцію правилъ; кому принадлежала эта рука—отгадывать не беремся, но не можемъ удержаться, чтобы по этому поводу не вспомнить словъ извѣстной молитвы: «Не уклони, Господи, сердце мое въ словеса лукавствія!».

Князь С. Мансыревъ.

Апрѣль, 1915 г.

Нѣмцы въ русской промышленности въ первой половинѣ XVIII вѣка.

„Безъ купечества никаковое, не только великое, но и малое царство стоять не можетъ. Купечество и воинству товарищъ: воинство воюетъ, а купечество помогаетъ".

Посошковъ, „Книга о скудности и богатствѣ" стр. 48.

Событія Великой Европейской войны заставили русское общество оглянуться на наше прошлое, подвести итоги всему, что было сдѣлано для Россіи исконнымъ врагомъ славянства—нѣмцами. Желаніе освободиться отъ нѣмецкаго ига сильно, и, наряду съ другими, теперь обсуждается вопросъ о зависимости отъ нѣмцевъ нашей промышленности. О засильи тевтоновъ заговорили и пред ставители капитала, интересуется и общество этимъ больнымъ и сложнымъ вопросомъ, но отвѣты на него даются различные. Одни, повторяя слова Грибоѣдова, говорятъ, что „намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья", безъ нихъ наша промышленная жизнь не можетъ идти впередъ, безъ издѣлій нѣмецкихъ фабрикъ и заводовъ не обойтись, — однимъ словомъ, нѣмцы и ихъ товары являются чуть ли не необходимостью, печальнымъ зломъ. Другіе находятъ, что война поможетъ русской промышленности раскрѣпоститься отъ господства нѣмцевъ, заставитъ понемногу перейти широкіе слои населенія къ издѣліямъ русскихъ фабрикъ и заводовъ, что при энергіи можно освободиться отъ продуктовъ германской техники, устроивъ фабрики, которыя будутъ вырабатывать все, получавшееся прежде изъ Германіи. Представители перваго изъ указанныхъ мнѣній смотрятъ на тевтоновъ, какъ на насадителей культуры. Типъ нѣмца-промышленника рисуется имъ въ образѣ дѣловитыхъ, опытныхъ и знающихъ директоровъ фабрикъ и заво-

довъ, образцовыхъ мастеровъ-техниковъ, которые могутъ чуть ли не облагодѣтельствовать Россію.

Насколько это мнѣніе справедливо, можетъ показать лишь выясненіе роли нѣмцевъ въ историческомъ прошломъ нашей промышленности. Для этого не безынтересно будетъ заглянуть въ исторію русской промышленности и узнать, чѣмъ была обязана Россія нѣмцамъ еще два вѣка тому назадъ? Тогда можно увидѣть, какъ сложился современный типъ нѣмца-эксплоататора, усвоившаго взглядъ на наше государство, какъ на „лучшую изъ своихъ колоній", которая даетъ имъ неисчерпаемые источники для обогащенія и легкой наживы.

I.

Пріѣздъ иностранцевъ въ Россію, въ качествѣ купцовъ и ремесленниковъ, до XV вѣка былъ невеликъ. Начиная съ этого времени, приливъ иноземцевъ сталъ мало-по-малу пріобрѣтать постоянный характеръ, стали пріѣзжать и наниматься на русскую службу архитекторы, типографщики, рудознатцы и другіе ремесленники. Среди этой пестрой толпы чужеземцевъ довольно видное мѣсто занимали и выходцы изъ Германіи. Еще въ эпоху самостоятельности Новгорода, при значительномъ развитіи торговли съ нѣмецкими городами, входившими въ составъ Ганзы, нѣмецкіе купцы познакомились съ естественными богатствами Россіи и, усвоивъ взглядъ на нее, какъ на огромный, но не разработанный рынокъ сырья, нѣмцы старались захватить въ свои руки промыслы и посредствомъ подкупа пріобрѣтали иногда прочное положеніе, которое позволяло имъ заводить во многихъ городахъ свои конторы, захватывать торговые пункты Руси. Отличаясь ловкостью и опытностью, владѣя капиталами и дѣйствуя сообща, они получали огромныя выгоды, вывозя русское сырье и при этомъ „не скрывали самаго очевиднаго презрѣнія къ русскому народу и смотрѣли на Россію, какъ на страну дикую, а потому имъ особенно полезную". (*Брикнеръ* И. Т. Посошковъ, какъ экономистъ Ж. М. Н. Пр. 1876 г. ч. CLXXXIII).

Понятно, что культурный ростъ Россіи не соотвѣтствовалъ ихъ интересамъ, а потому первыя наши попытки сближенія съ Западной Европой, первыя попытки техническаго прогресса встрѣчали противодѣйствіе со стороны нѣмцевъ. Такъ, при Иванѣ III, когда

русскіе пробовали привлечь западно-европейскихъ ремесленниковъ и мастеровъ, по наущенію германскихъ городовъ, ливонскіе нѣмцы задерживали иностранныхъ художниковъ и ремесленниковъ и преслѣдовали ихъ по дорогѣ въ Россію на морѣ, какъ морскихъ разбойниковъ (*Брикнеръ*, цит. соч. стр. 293).

Съ другой стороны, починъ русскихъ купцовъ, желавшихъ везти товары за границу и тамъ прибыльнѣе продавать, встрѣчалъ непреодолимое препятствіе: иноземные торговцы, сговорившись, ничего не покупали у нихъ, и русскимъ предпринимателямъ пришлось вернуться назадъ, понеся огромные убытки.

Въ XVII вѣкѣ притокъ нѣмцевъ въ Московское государство сдѣлался постояннымъ. По словамъ историка Соловьева, иностранцы никогда еще не пользовались такимъ почетомъ и выгодами, какъ при Борисѣ Годуновѣ. Въ 1601 году въ Москву пріѣхали прибалтійскіе нѣмцы, лишившіеся своихъ имѣній вслѣдствіе войны Польши съ Швеціей, пріѣхало тоже и нѣсколько нѣмцевъ изъ Германіи. Они были встрѣчены царемъ очень радушно и милостиво. Годуновъ обѣщалъ вознаградить ихъ за потери, понесенныя на родинѣ и обѣщалъ дворянъ сдѣлать князьями, другихъ меньшихъ слугъ—боярами, ихъ слугъ—свободными людьми. Нѣмецкіе выходцы сопровождались купцами, которые хотѣли прочно устроиться въ Россіи. Льготы, данныя правительствомъ нѣмецкимъ купцамъ, были значительны. Они получали по 300—400 руб. взаймы изъ казны, безъ процентовъ на безсрочное время. Нѣкоторымъ изъ нихъ были пожалованы грамоты на званіе лучшихъ московскихъ торговыхъ людей, съ правомъ безпошлинной торговли съ иностранными государствами. Такія привилегіи, данныя нѣмцамъ, раздражали населеніе и создавали неблагопріятныя условія для развитія торгово-промышленнаго класса Московскаго государства, и немудрено, что при паденіи Бориса и вступленіи въ Москву Лжедимитрія произошелъ одинъ, въ высшей степени характерный случай: народъ бросился къ домамъ, гдѣ жили нѣмцы, разграбилъ ихъ и унесъ все имущество (*Соловьевъ*, Исторія Россіи, кн. II, стр. 719, 720, 769).

Въ XVII вѣкѣ около Москвы окончательно сформировалась нѣмецкая слобода, сдѣлавшаяся мѣстожительствомъ всѣхъ иностранцевъ, состоявшихъ на русской службѣ. Устраиваясь на Руси, въ качествѣ техниковъ, подрядчиковъ, поставщиковъ, нѣмцы, несомнѣнно, проникали и въ тогдашнюю промышленность. Такъ, во второй половинѣ XVII столѣтія въ 100 верстахъ отъ Москвы суще-

ствовали заводы выходца изъ Гамбурга П. Марселиса и Тильманса. Бояринъ Морозовъ, задумывая въ своихъ вотчинахъ завести добываніе желѣза, вызвалъ нѣмца-мастера, на котораго онъ, впрочемъ, смотрѣлъ, какъ на человѣка, приглашеннаго только на время, пока не будутъ подготовлены свои опытные мастера. Въ Москвѣ былъ цѣлый рядъ частныхъ фабрикъ, принадлежавшихъ иноземцамъ Тарбету, Сведину и одному Гамбургскому уроженцу. На существовавшихъ въ Москвѣ казенныхъ заводахъ было много мастеровъ-нѣмцевъ. На Неглинной, напримѣръ, находился монетный заводъ, на которомъ, между прочимъ, лили пушки и колокола. По словамъ путешественника Олеарія, въ его время мастеромъ на заводѣ былъ Гансъ Фалькенъ изъ Нюренберга.

Московскому правительству нужны были мастера и оно искало ихъ всюду, препятствовать этому стремленію тогда было невозможно, а потому нѣмцы сами стремились проникнуть на Русь, поддерживать сношенія, такъ какъ торговыя выгоды были очень соблазнительны. Нанимавшіеся на русскую службу нѣмцы должны были обучать своимъ ремесламъ русскихъ и цѣлый рядъ иноземцевъ-путешественниковъ (Олеарій, Рейтенфельсъ) отмѣчаетъ воспріимчивость учениковъ, которые были такъ понятливы, что превосходили своихъ учителей-иностранцевъ. Интересенъ пріемъ нѣмецкихъ мастеровъ, посредствомъ котораго они не допускали русскихъ къ той части ремесла, которая требовала особыхъ знаній и пріемовъ. Когда мастеръ литейнаго дѣла Гансъ Фалькенъ формировалъ или лилъ лучшее свое орудіе, то онъ удалялъ своихъ помощниковъ русскихъ, очевидно боясь, что они узнаютъ техническую сторону дѣла вполнѣ и превзойдутъ своего учителя. Впрочемъ, это не помѣшало его ученику, русскому, отлить знаменитый колоколъ Ивана Великаго. Такой способъ „обученія“ русскихъ нѣмецкими мастерами очень любопытенъ для XVII вѣка тѣмъ болѣе, что подобные же пріемы встрѣчались со стороны нѣмцевъ еще въ большемъ размѣрѣ и въ XVIII стол. Постоянный притокъ нѣмцевъ на русскую службу, цѣлый рядъ посольствъ отъ нѣмецкихъ городовъ показываетъ, что Россія, какъ поставщица сырья, была чрезвычайно важна для Германіи. Взглядъ на Московское государство, какъ на источникъ обогащенія и рынокъ сырыхъ продуктовъ, все болѣе крѣпъ и болѣе маніи. Нѣмецкіе купцы изъ Гамбурга и Любека усиленно добивались льготъ и привилегій, дѣйствовали дружно, располагая капиталомъ и при такихъ условіяхъ успѣшно конкурировали съ представителями торгово-промышленнаго класса Россіи. Для послѣднихъ

конкуренція была невозможна и дѣятели коммерческаго міра Московской Руси не разъ обращались къ правительству съ жалобой „на нѣмцевъ“, какъ тогда называли вообще всѣхъ иностранцевъ, говоря, что они „не только безъ промысловъ оставили русскихъ купцовъ, но и все государство оголодили“.

Зло, проистекавшее отъ эксплоатаціи иностранцами русской торговли и промышленности, отлично понимали многіе современники; наблюдая экономическую жизнь государства той эпохи, Ю. Крижаничъ писалъ: „и во вѣки вѣчные не вѣруй инородному торговцу: еже бы ти онъ кую корысть принесъ... право адда пророкуетъ Варухъ: припусти къ себѣ инородника и разоритъ тя“. На рубежѣ XVIII стол. представители сознательной мысли требовали изгнанія иноземцевъ и предоставленія всѣхъ отраслей торговли и промышленности исключительно русскимъ (*Брикнеръ*, Цит. соч. 295). Подъ вліяніемъ этихъ теченій воспитывались и будущіе дѣятели XVIII в. и „преданіе о неравной борьбѣ русскихъ съ нѣмцами не могло не имѣть сильнаго вліянія на нихъ“ (*Брикнеръ*, цит. соч. 295). Многіе чувствовали нестроенія въ промышленной жизни страны, въ ихъ сознаніи крѣпла мысль о необходимости улучшенія экономическихъ силъ государства, а послѣднее должно было сказаться: во-первыхъ, въ техническомъ совершенствованіи въ области промышленности, во-вторыхъ, въ борьбѣ съ иноземцами, эксплоатировавшими русскіе рынки сырья и въ третьихъ—въ развитіи отечественной промышленности и торговли и поднятіи положенія торгово-промышленнаго класса.

Да, русское государство нуждалось въ техническомъ прогрессѣ, въ техническихъ знаніяхъ, оно обращалось за ними въ Западную Европу и ждало спеціалистовъ-мастеровъ, которые должны были сообщить нужныя познанія, необходимы были нѣмцы-мастера, но не нѣмцы эксплоататоры, съ послѣдними русскіе уже были знакомы и раньше на почвѣ торговой конкуренціи и отъ нихъ-то уже и тогда желали избавиться. Вотъ почему происходило противорѣчіе, наблюдаемое во взглядахъ людей того времени, которые—съ одной стороны, требовали удаленіе „нѣмцевъ“, съ другой, приглашали ихъ въ качествѣ инструкторовъ для разработки природныхъ богатствъ Россіи. Подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ Московское государство перешло рубежъ XVIII в. и люди той эпохи проникались ими, подъ ихъ вліяніемъ выросъ и Великій Преобразователь Россіи.

II.

Исторія русской промышленности въ XVIII в. тѣсно связана съ именемъ Петра Великаго. Его предшественники оставили ему въ этой области только помыслы и робкія начинанія и онъ первый, заботясь объ усиленіи промышленныхъ силъ страны, вноситъ въ это дѣло планъ и средства его широкаго развитія. Сравнивая свой народъ съ дѣтьми, Петръ полагалъ, что они безъ понужденія отъ учителя сами за азбуку не сядутъ и сперва досадуютъ, а какъ выучатся, благодарятъ. Исходя изъ такого убѣжденія, онъ всѣми средствами старался поднять промышленную жизнь народа.

Для этой цѣли Петръ прибѣгалъ къ вызову иностранныхъ мастеровъ и фабрикантовъ, къ посылкѣ русскихъ людей за границу, къ законодательной пропагандѣ и, наконецъ, къ образованію промышленныхъ компаній, которыя поощрялись имъ ссудами и субсидіями.

Компаніи не были совершенно новымъ явленіемъ въ русской жизни, заимствованнымъ изъ Западной Европы. Подобныя организаціи существовали и раньше на Руси и несомнѣнно сложились сами собой въ виду естественныхъ выгодъ. Уже въ нѣкоторыхъ артеляхъ нельзя не видѣть, по словамъ акад. Лаппо-Данилевскаго, зародышей компанейской формы предпріятій, „старинныя промысловыя артели сѣвернаго края, напримѣръ, были не такъ обособлены отъ компаній, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда“. Подобныя организаціи существовали и въ другихъ мѣстахъ Московскаго государства, но „русское правительство въ XVIII в. едва ли сумѣло воспользоваться этими древними формами предпріимчивости и предпочло, не уничтожая старыхъ типовъ,... развить другіе союзы, болѣе сходные съ настоящими компаніями“ (*Лаппо-Данилевскій*, Русскія торгово-промышленныя компаніи. Ж. М. Н. Пр. 1898 г. № 11—12, стр. 320).

Привыкнувъ къ пріемамъ и обычаямъ западно-европейской промышленности, гдѣ въ то время господствовала меркантильная система, Петръ не ждалъ перерожденія крупныхъ артелей въ новыя организаціи, но старался пріучить русскихъ капиталистовъ дѣйствовать по-европейски, соединяя капиталы, образовывать компаніи. Въ надеждѣ поднять отечественную промышленность Петръ не жалѣлъ средствъ и энергично побуждалъ принимать участіе въ компаніяхъ и людей знатныхъ, и представителей бюрократіи, и простыхъ купцовъ. Для обработки русскаго сырья возникаетъ

цѣлый рядъ фабрикъ и заводовъ и въ заботахъ о сбытѣ ихъ продуктовъ Петръ ограждаетъ издѣлія русскихъ фабрикъ отъ иностранной конкуренціи запретительными пошлинами, которыя, по словамъ Ключевскаго, „возвышались по мѣрѣ роста туземнаго производства, такъ что достигали стоимости товара, если выработка этого товара на русскихъ фабрикахъ равнялась заграничному привозу (*Ключевскій*, Курсъ рус. ист. т. IV, 152).

Нужда въ техникахъ и мастерахъ заставляла обратиться къ приглашенію на службу иноземцевъ изъ разныхъ государствъ Западной Европы. Этимъ спѣшили воспользоваться и нѣмцы. Въ 1702 году по Германіи былъ распубликованъ манифестъ Петра, приглашавшій въ Россію нѣмцевъ-капиталистовъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ на выгодныхъ условіяхъ. Съ этого времени, въ добавленіе къ жителямъ Нѣмецкой слободы, начался притокъ заграничнаго фабричнаго и ремесленнаго люда, который соблазнялся выгодными условіями, предлагавшимися русскимъ правительствомъ. Пріѣзжая въ Россію, нѣмцы вступали въ промышленныя компаніи, въ качествѣ пайщиковъ, иногда забирали въ свои руки производство, хотя нужно отмѣтить, что такихъ случаевъ при Петрѣ было сравнительно немного, такъ какъ торговый капиталъ, образовавшійся въ Московской Руси еще въ XVII в., служилъ основаніемъ для развитія промышленности и большинство фабрикъ и заводовъ открывалось русскими купцами, представителями капитала.

Но зато русскія промышленныя заведенія быстро заполнились нѣмцами-мастерами, по поставкѣ которыхъ, комиссіонеромъ явился городъ Любекъ. Эти мастера заняли обособленное положеніе, получая болѣе высокую заработную плату и находились въ привилегированномъ положеніи.

Скоро, однако, обнаружилось, что наемные мастера, явившіеся обучать русскихъ, „дѣлали это неохотно и небрежно и, отживъ сроки, уѣзжали, оставляя учениковъ безъ совершенства ихъ науки, возбуждая подозрѣніе, не даютъ ли они на то присяжнаго обязательства своимъ цехамъ на родинѣ“ (*Ключевскій*, Курсъ рус. ист. IV, 146). Такимъ образомъ польза отъ этихъ мастеровъ была не велика, повторялось то, что наблюдалось еще и раньше, нѣмцы давали слишкомъ мало знаній, усиленно требовали себѣ вознагражденія и быстро исчезали съ горизонта, а между тѣмъ Россіи были нужны дѣльные техники, которые могли бы помочь организаціи промышленности. Для Петра оставалось неиспользованнымъ только одно средство — это отправка русскихъ людей, склонныхъ къ мануфактур-

ному обученію, за границу, и Преобразователь не жалѣлъ на это ни денегъ, ни энергіи.

Въ Германіи очень интересовались дѣятельностью Петра Великаго, промышленный ростъ Россіи шелъ въ разрѣзъ съ интересами нѣмцевъ, вызывая у нихъ опасеніе потерять выгодный рынокъ сырья, а вновь устроенныя фабрики и заводы въ Россіи были для нихъ бѣльмомъ въ глазу. Были случаи, о которыхъ глухо говоритъ манифестъ 1723 года, когда „прочіе народы“ старались уничтожить подкупами наши фабрики.

При такомъ „интересѣ“ нѣмцевъ къ русской промышленности и вообще ко всѣмъ реформамъ Петра, приглашеніе нѣмцевъ въ Россію и комиссіонная поставка мастеровъ Любекомъ едва ли были дѣломъ случайнымъ и безкорыстнымъ. Особенно любопытенъ вопросъ объ устройствѣ коллегій, чѣмъ усиленно интересовались въ германскихъ кругахъ. Царь задумывалъ реформу центральнаго управленія въ Россіи, онъ хотѣлъ учредить высшій органъ, который вѣдалъ бы и дѣлами промышленности и торговли. Нашлись добрые совѣтчики по этимъ вопросамъ и въ Германіи. Во время одной заграничной поѣздки Петра русскій резидентъ въ Гамбургѣ—Бетихеръ представилъ ему нѣкоего Альбрехта Фюрена. Послѣдній подалъ царю письменное „Reflexiones über des Russischen States Oeconomie“. Петръ предложилъ Фюрену рядъ вопросовъ по поводу поданнаго сочиненія, но тотъ отвѣтить не сумѣлъ и, приведенный въ замѣшательство, сознался, что авторомъ является не онъ, а другое лицо, именно баронъ Ананія Христіанъ Потъ фонъ Люберасъ. Заинтересовавшись личностью барона, Петръ узналъ вскорѣ, что сынъ его находится на русской службѣ; при помощи послѣдняго Петръ убѣдилъ барона перейти къ нему на службу, и новый слуга Россіи быстро пошелъ въ гору: ему поручается наборъ иностранцевъ на русскую службу, онъ получаетъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Г. фонъ Люберасъ былъ исполнителенъ и скоро набралъ въ Гамбургѣ, Любекѣ, Бременѣ, Гессенѣ, Саксоніи и Силезіи до 148 человѣкъ нѣмцевъ. Вся эта компанія во главѣ съ ихъ антрепренеромъ Люберасомъ предназначалась на мѣста въ новыя центральныя учрежденія Россіи — коллегіи *(Милюковъ*, Государств. хоз. Россіи, стр. 428). Этимъ роль барона не кончилась. Онъ принялъ ближайшее участіе въ ходѣ устройства Бергъ- и Мануфактуръ-коллегіи, гдѣ должно было сосредоточиться главное управленіе всѣми фабриками, всею промышленностью государства. Разсужденія барона объ организаціи этихъ

коллегій чрезвычайно интересны. Въ одномъ изъ своихъ трактатовъ Люберасъ писалъ, что Россія изобилуетъ „подземными“ и „надземными“ богатствами, что „мануфактура есть жизнь торговли“, и для благоденствія государства нужно развивать обрабатывающую и добывающую промышленность. Понятно, что государство должно было имѣть особое центральное учрежденіе, которое бы вѣдало дѣлами промышленности и торговли. Но гдѣ было взять подходящій образецъ? Болѣе пригоднымъ баронъ считалъ шведское государственное устройство, но указывалъ на его недостатки. Къ числу ихъ относилось засилье иностранцевъ (голландцевъ), находившихся на службѣ въ этихъ учрежденіяхъ; они, служа въ Швеціи, тайно сносились съ Голландіей, старались убить шведскую торговлю. Отсюда баронъ дѣлалъ заключеніе, что иностранцы неумѣстны въ Бергъ- и Мануфактуръ-коллегіи, но къ финансовымъ дѣламъ можно допустить лишь тѣхъ, которые были дѣйствительными тайными совѣтниками. Въ 1719 году Петръ учреждаетъ Коммерцъ-, Бергъ- и Мануфактуръ-коллегіи, а въ іюнѣ д. т. с. баронъ фонъ Люберасъ былъ назначенъ вице-президентомъ Бергъ- и Мануфактуръ-коллегіи. Съ нимъ же вмѣстѣ заняла всѣ мѣста въ различныхъ коллегіяхъ и вся масса приглашенныхъ имъ нѣмцевъ. Они-то должны были вѣдать и направлять нашу еще молодую и неокрѣпшую промышленность. Нѣмецкое засилье въ коллегіяхъ было поразительно. Такъ, въ Коммерцъ-коллегіи изъ 10 служившихъ иностранцевъ половина состояла изъ нѣмцевъ [1]); это были: совѣтникъ Иванъ Павелъ Баконъ — баварецъ, ассесоръ коллегіи Дитрихъ Виллерсъ — родомъ изъ Гамбурга, секретарь Іоганъ Готфридъ Гинтеръ — родомъ изъ Гальберштадта, комиссаръ Мартынъ Шпейерманъ — изъ Данцига, копіистъ Георгъ Фридрихъ Тилле — изъ Гамбурга. Въ Бергъ и Мануфактуръ-коллегіи изъ шести иностранцевъ — 4 были выходцами изъ Германіи: д. т. с. Ананіасъ Христіанъ Потъ баронъ фонъ Люберасъ — силезскій уроженецъ, Иванъ Фридрихъ Шмиденъ — изъ Дрездена, Иванъ Федоръ — „уроженецъ Бранденбургской“. Мы не перечисляемъ всѣхъ выходцевъ изъ Германіи, пристроившихся на службѣ въ другихъ коллегіяхъ, возьмемъ лишь не безынтересныя цифры. Въ Камеръ-коллегіи изъ 15-ти иностранцевъ было 8 нѣмцевъ,

1) Мы точно старались установить національность иностранцевъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда это не удавалось сдѣлать, мы употребляли терминъ „иностранецъ“ или „иноземецъ“.

въ Ревизіонъ-коллегіи изъ 4-хъ — 2 нѣмца, въ Юстицъ-коллегіи изъ 8 — 2, въ Штатъ-конторъ-коллегіи изъ 8 — 5 нѣмцевъ. (*Полѣновъ*, „О присягѣ иноземцевъ". Рус. Арх. 1869, стр. 1754, 1755 и др.) Этотъ сухой перечень фамилій и цифръ показываетъ, что русскія коллегіи были, въ сущности говоря, полунѣмецкими по своему составу.

Пользуясь услугами иностранцевъ въ дѣлахъ высшаго государственнаго управленія, Петръ въ то же время не довѣрялся имъ вполнѣ. Въ 1719 году онъ издаетъ повелѣніе, которымъ требовалось, чтобы иноземцамъ не показывались подлинныя вѣдомости о приходахъ и расходахъ, кромѣ того, на высшія мѣста въ коллегіяхъ назначались русскіе и, наконецъ, всѣ иноземцы должны были дать присягу въ вѣрной службѣ Русскому Императору. Приглашая нѣмцевъ на русскую службу, Петръ Великій имѣлъ въ виду, что и въ области промышленной жизни ученики превзойдутъ своихъ учителей такъ же, какъ они превзошли шведовъ въ Полтавской битвѣ, онъ смотрѣлъ на иностранцевъ, какъ на временное зло, которое должно было исчезнуть съ того момента, когда Русское государство сможетъ вступить на путь свободнаго развитія своихъ производительныхъ силъ, пріобрѣтя необходимыя техническія знанія. Недаромъ при всякомъ удобномъ случаѣ Петръ старался замѣнить иноземцевъ птенцами своего гнѣзда. Эта мысль Преобразователя отразилась и въ отзвукѣ одной бесѣды объ отношеніи Россіи къ Западной Европѣ, когда онъ сказалъ: „Европа нужна намъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ мы можемъ повернуться къ ней задомъ" (*Ключевскій*, 2-ой сборникъ статей, стр. 500). Работая не покладая рукъ для развитія русской промышленности, Петръ чувствовалъ, что въ этой области ему придется поработать еще много.

Промышленныя компаніи во многихъ случаяхъ не давали ожидаемыхъ результатовъ, не разъ русскіе вельможи, сдѣлавшіеся волей царя фабрикантами и заводчиками, смотрѣли на развитіе промышленности, не какъ на государственное дѣло, а какъ на средство для устройства личныхъ дѣлъ. Пріѣзжіе нѣмцы еще въ бо́льшей степени не желали заботиться о государственной пользѣ чуждой имъ Россіи, а среди нѣмецкихъ выходцевъ, занимавшихъ мѣста въ центральныхъ учрежденіяхъ, не находилось лицъ съ широкими планами развитія русской торговли и промышленности. Всѣ они, начиная съ совѣтниковъ коллегій, кончая послѣднимъ мастеромъ, попрежнему смотрѣли на Россію, какъ на доходное

мѣсто, и стремились обогатиться при первомъ удобномъ случаѣ. Въ этомъ нетрудно убѣдиться, просмотрѣвъ просьбы нѣмецкихъ слугъ Россіи, старавшихся обзавестись домами, имѣніями, выгоднымъ служебнымъ положеніемъ (см. Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. Бумаги Верх. Тайн. Сов. и Кабинета Министровъ). Несомнѣнно, Петръ Великій сознавалъ пробѣлы въ области промышленности и чувствовалъ недостатокъ въ людяхъ, которые бы могли помочь ему въ управленіи экономической жизнью страны. Разъ въ разговорѣ съ своими лучшими генералами о славныхъ полководцахъ Франціи Петръ съ одушевленіемъ сказалъ: „слава Богу, я дожилъ до своихъ Тюренновъ, но," прибавилъ онъ, „только вотъ Сюллія у себя еще не вижу," намекая этимъ на знаменитаго сотрудника короля Генриха IV, выдающагося дѣятеля въ области французской промышленности.

Если среди приглашенныхъ въ Россію нѣмцевъ и государственныхъ дѣятелей того времени не нашлось виднаго экономиста, то таковой вышелъ изъ среды народа.

Это былъ И. Т. Посошковъ, сочиненіе котораго „О скудости и богатствѣ Россіи" считается по справедливости виднымъ трактатамъ по экономическимъ вопросамъ. Самоучка—крестьянинъ, дошедшій до всего при помощи личныхъ усилій и наблюденій надъ современной ему промышленностью, Посошковъ отлично сознавалъ то зло, которое происходило отъ экономической зависимости Россіи отъ нѣмцевъ.

Мечтая о развитіи отечественной промышленности при помощи поощренія ея со стороны правительства, Посошковъ признавалъ, что пріѣзжіе вѣмцы не были безкорыстными учителями, что для нихъ выгодна отсталость Россіи въ промышленномъ отношеніи. „Нѣмцы", писалъ онъ, „никогда насъ не научатъ на то, чтобы мы бережно жили и ничего бъ напрасно не теряли; только то выхваляютъ, отъ чего бъ пожитокъ какой имъ припалъ, а не намъ". Указывая, далѣе, на присущую нѣмцамъ черту тянуть и помогать другъ другу, на ихъ способность проникать массами туда, куда пробрался хотя бы одинъ нѣмецъ, онъ продолжаетъ: „они не токмо себя, но и прочихъ свою братію всякими вымыслы богатятъ, а насъ больше въ скудость пригоняютъ" (*Посошковъ*, Цит. соч., стр. 54, М. 1911 г.).

Какъ человѣкъ искренно любившій Россію, глубоко вѣрившій въ ея мощь, ея богатства, крестьянинъ-публицистъ понималъ, что нѣмцамъ нужно русское сырье, которымъ такъ богата Россія,

что они безъ него не могутъ обойтись и, конечно, при развитіи промышленности всѣ сырые продукты могли бы обрабатываться въ самомъ государствѣ и затѣмъ уже посылаться на европейскіе рынки. Освобожденіе русской промышленности и торговли отъ иноземнаго ига было главнымъ желаніемъ Посошкова, оно красною нитью проходитъ черезъ все его сочиненіе. Это стремленіе по существу не было новымъ, его встрѣчаемъ и у дѣятелей XVII вѣка (Ю. Крижаничъ). Посошковъ, какъ и Петръ Великій, былъ представителемъ меркантилизма, а потому сокращеніе ввоза иностранныхъ товаровъ и поощреніе вывоза издѣлій русской промышленности было той мѣрой, которую онъ усиленно рекомендовалъ правительству, которую проводилъ въ своемъ законодательствѣ и Петръ I.

Такимъ образомъ, меркантилизмъ былъ главной господствующей системой въ мѣропріятіяхъ Петровскаго правительства, и до второй четверти XVIII в. Россія имѣла человѣка, направлявшаго русскую промышленность по извѣстному руслу; Россія имѣла царя - работника, который, трудясь самъ, заставлялъ работать всѣхъ, и надъ нѣмцами, находившимися въ Россіи, царила желѣзная воля Великаго Преобразователя.

III.

Со смертью Петра созидательная работа по развитію русской промышленности остановилась на полпути.

Политическія условія второй четверти XVIII вѣка, эпохи такъ-называемыхъ дворцовыхъ переворотовъ, были благопріятны только для ловкихъ дѣльцовъ, которымъ теперь не грозила сдерживающая Петровская дубинка. Оцѣнка хозяйничанія такихъ людей очень хорошо отмѣчена въ словахъ Кирилла Разумовскаго, сказанныхъ имъ по одному случаю.

Когда митрополитъ Платонъ, во время произнесенія въ храмѣ проповѣди, сошелъ съ амвона и, подойдя къ гробницѣ Петра Великаго, взывалъ его встать и взглянуть на Россію, вельможа-малороссъ иронически замѣтилъ: „чого винъ кличе, якъ встане, такъ всѣмъ достанется“. Дѣйствительно, если бы Петръ всталъ и взглянулъ на государство, то онъ прежде всего увидѣлъ, какъ при слабыхъ представителяхъ государственной власти „нѣмцы торговали Россіей, какъ своей добычей“ и событія показывали, что „нѣмецкіе мастера“ разстраивали дѣло Петра I не хуже русскихъ самоучекъ. А „нѣмецкихъ мастеровъ“ находилось въ Россіи

достаточно: одни занимали видныя мѣста среди бюрократіи, другіе сидѣли на теплыхъ мѣстечкахъ въ мануфактуръ и бергъ-коллегіи, третьи были хозяевами русскихъ фабрикъ и заводовъ, наконецъ, многіе казенные заводы, особенно на Уралѣ, кишѣли нѣмцами-мастерами. Вся эта клика, начиная отъ совѣтника коллегіи, кончая заводскимъ мастеромъ, имѣла надежную защиту и покровительство въ нѣмцахъ-бюрократахъ, находившихся у кормила государственнаго управленія.

На широкомъ просторѣ русской жизни, взбаламученной политической неурядицей, пріобрѣтаютъ исключительное значеніе случайные люди, заправилы государства, нѣмцы: А. И. Остерманъ, Минихъ, Бирон, Левенвольде. Оставляя въ сторонѣ ихъ дѣятельность вообще, познакомимся лишь съ той ролью, которую они играли въ промышленности. А. И. Остерманъ, сынъ вестфальскаго пастора, камердинеръ голландскаго вице-адмирала въ ранней молодости и русскій генералъ-адмиралъ подъ старость, по мѣткой характеристикѣ Ключевскаго, былъ великимъ дипломатомъ съ лакейскими ухватками, который никогда въ подвернувшемся случаѣ не находилъ, что сказать, и потому прослылъ непроницаемо-скрытнымъ; это былъ человѣкъ съ робкой и предательски-каверзной душой. Ему-то въ эпоху политическаго безвременья удалось стать во главѣ комиссіи о коммерціи, гдѣ онъ былъ главнымъ вершителемъ судебъ русской промышленности, гдѣ ни одно дѣло не могло пройти безъ его вѣдома, безъ его разрѣшенія (С. И. Р. О. т. 63, 167). Будучи человѣкомъ „болѣзненнымъ", заболѣвавшимъ послушной тошнотой или подагрой тогда, когда было нужно, Остерманъ оказывался удивительно бодрымъ и здоровымъ, если требовалась услуга или улаживанье дѣла для земляковъ-нѣмцевъ. Здѣсь онъ находилъ всѣ способы, чтобы угодить соотечественникамъ и обойти законы для расхищенія или эксплоатаціи нѣмцами доходныхъ статей промышленности. Другимъ дѣятелемъ былъ Б. Х. Минихъ, стяжавшій себѣ славу на работахъ по устройству Ладожскаго канала, впослѣдствіи фельдмаршалъ русской арміи. Принятый на службу при Петрѣ и возобновившій контрактъ съ правительствомъ въ 1727 году, Минихъ за свои услуги выпрашивалъ денегъ и земель (см. Сб. Р. И. О., т. 104, стр. 62, 179, 227 и др.), но получая богатства, „вѣрный" слуга Русскаго престола въ то же время выговаривалъ себѣ право возвращенія въ Германію подъ старость, гдѣ онъ желалъ „жизнь свою скончать" (Сб. Р. И. О. т. 63, 584). Не ограничиваясь богатыми по-

жалованіями, ловкій нѣмецъ простиралъ свои корыстолюбивые замыслы и въ сферу промышленности. Ему удалось сдѣлаться поставщикомъ суконъ для арміи, и основать суконныя фабрики на югѣ Россіи. Въ добавленіе къ этимъ двумъ лицамъ, въ царствованіе Анны Іоановны русскій престолъ окружилъ цѣлый рядъ нѣмцевъ, которые, по словамъ Ключевскаго, „посыпались въ Россію, точно соръ изъ дыряваго мѣшка, облѣпили дворъ, обсѣли престолъ, забираясь на всѣ доходныя мѣста“. Среди нихъ необходимо прежде всего отмѣтить „каналью курляндца“—Бирона, умѣвшаго разыскивать не только породистыхъ собакъ, но еще въ большей степени выгодныя статьи русской промышленности, эксплоатировать. ихъ при помощи довѣренныхъ людей, брать отъ нихъ все, что было возможно.

Эти три „нѣмецкія персоны“ являлись не только вершителями государственныхъ дѣлъ, но они направляли и поддерживали и нѣмецкій составъ учрежденій, вѣдавшихъ непосредственно вопросами промышленности и торговли. Нѣмцы, засѣвшіе тамъ еще съ Петровскихъ временъ, большею частью, продолжали свою дѣятельность и въ это время. Правда, нѣкоторые изъ германскихъ выходцевъ вернулись на родину, исчезъ, напр. совѣтникъ Иванъ Павелъ Баконъ въ 1727 году, который при отъѣздѣ хотѣлъ захватить съ собою и документы, относившіеся къ вопросамъ русской коммерціи, но, къ счастью, они были отобраны и то только путемъ обыска (Сб. Р. И. О., т. 63, стр. 787—788), ушли изъ коллегій мелкіе служащіе: Шмиденъ, Левинъ, Тилле, Готфридъ Канцлеръ и др., но крупные чины Коллегій пробыли всю первую половину XVIII в. Къ 1740 году въ составѣ Коммерцъ-Коллегіи (мануфактуръ-Коллегія была подчинена первой въ 1727 г.) было и нѣсколько новыхъ лицъ: президентъ—фонъ Мегденъ, вице—президентъ—Малесино, совѣтникъ Раушертъ, ассесоры: Остервальдъ и К. фонъ-Унгернъ, камериръ „при нѣмецкихъ счетахъ въ счетной экспедиціи“—Неймбургъ. Среди служащихъ по горнозаводскому дѣлу встрѣчаемъ саксонца фонъ Шемберга—„генералъ—бергъ—директора“, ассесора, а потомъ вице-президента Винцента Райзера (гамбуржца). Вся стая нѣмцевъ, пристроившихся къ управленію промышленностью, пользовалась защитою и покровительствомъ всесильныхъ нѣмцевъ, стоявшихъ во главѣ государственнаго управленія. Посмотримъ теперь, въ чемъ же выражалась ихъ дѣятельность въ Россіи.

Руководство промышленной жизнью страны теперь не имѣло цѣлью поощреніе частной иниціативы, не имѣло ясной, опредѣлен-

ной программы, нѣтъ, здѣсь можно увидѣть скорѣе потворство расхищенію государственнаго богатства въ угоду стоявшимъ у русскаго трона нѣмцамъ; отсюда у многихъ создавался взглядъ на отдѣльныя отрасли промышленности, какъ на доходную статью, а изъ этого, какъ слѣдствіе, вытекала эксплоатація природныхъ богатствъ Россіи, эксплоатація хищническая, при которой, конечно, уже забывались народныя нужды и интересы государственнаго хозяйства. Для нѣмецкихъ заправилъ не нужно было долго усваивать этотъ взглядъ: такое отношеніе къ русской промышленности было давно знакомо имъ, съ нимъ они пріѣзжали изъ Германіи и плохого мастера-нѣмца Петровской эпохи во второй четверти XVIII вѣка заслонила фигура нѣмца-эксплоататора и этотъ типъ является господствующимъ не только въ указанный промежутокъ времени.

Измѣнить направленіе экономической политики нѣмцы, понятное дѣло, не могли, меркантилизмъ былъ *тономъ*, который чувствовался въ мѣропріятіяхъ правительства, но покровительственная *система* проводилась вяло и безъ той энергіи, которая была свойственна Петру, а все это не могло не отразиться на состояніи любимаго дѣтища Преобразователя Россіи. Немудрено, что въ это время появлялись иногда не нужные для промышленной жизни законы, а выражаясь терминомъ Остермана, „потребные“, т. е. пригодные для нѣмцевъ. Такъ, запретительный тарифъ 1724 года, созданный Петромъ для поощренія русской промышленности, былъ вскорѣ (въ 1731 г.) замѣненъ новымъ, понижавшимъ пошлины съ товаровъ, ввозимыхъ въ Россію съ 50—75% до 20%. Авторомъ этого тарифа былъ Остерманъ, такъ какъ правительство „способнѣе къ такому дѣлу другой персоны не изобрѣло“. Нельзя признать, вопреки установившемуся взгляду, болѣе льготный тарифъ для ввозимыхъ товаровъ благопріятнымъ для страны. Какъ бы то ни было, а молодая русская промышленность нуждалась еще въ опекѣ и конкуренція съ издѣліями иностранныхъ фабрикъ была для нея непосильна. Цѣлый рядъ другихъ мелкихъ мѣропріятій едва ли могъ быть полезенъ для развитія производительныхъ силъ государства. Въ 1741 году, напр., президентъ коммерцъ-коллегіи баронъ фонъ Мегденъ, въ сопровожденіи нѣмцевъ, засѣдавшихъ въ томъ же учрежденіи, предпринимаетъ ревизію Московскихъ фабрикъ и въ качествѣ экспертовъ возилъ съ собою нѣмецкихъ купцовъ и другихъ иноземцевъ (Сен. Арх. т. 2, стр. 405, 472), которые попутно могли собирать всѣ необходимыя свѣдѣнія

для успѣшной конкуренціи съ товарами, приготовлявшимися на Московскихъ фабрикахъ. Немудрено, что наши фабриканты не были въ состояніи бороться съ иностранными конкурентами, которые оказывались всегда освѣдомленными въ промышленной жизни Россіи (см. *Брикнеръ*, цит. соч.). Иногда частная инціатива встрѣчала со стороны правившихъ нѣмцевъ цинично-наглое отношеніе, которое могло въ корнѣ убить всякое желаніе взяться за дѣло. Яркій примѣръ этого можно видѣть въ постановленіи комиссіи о коммерціи въ 1727 году. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: однимъ владѣльцемъ полотняной мануфактуры, извѣстнымъ Иваномъ Затрапезнымъ, было подано прошеніе о дозволеніи завести въ Россіи фабрику клейменыхъ бумажныхъ выбоекъ. Комиссія о коммерціи, подъ предсѣдательствомъ Остермана, разсмотрѣвъ ходатайство, пришла къ заключенію, что такой фабрики еще нѣтъ и разрѣшила просителю открыть ее на существовавшихъ кондиціяхъ „во удовольствіе себѣ“ и побудительнымъ мотивомъ для удовлетворенія просьбы Затрапезнаго было то, что онъ не просилъ „о запрещеніи ввоза нѣмецкаго дѣла выбоекъ“ (Сб. Р. И. О. т. 69, стр. 178—179). Этотъ случай великолѣпно обрисовываетъ тотъ „протекціонизмъ“, который приводился нѣмцами, находившимися въ составѣ правительства, по отношенію къ русской промышленности. При такомъ теченіи, конечно, пользовались покровительствомъ и мелкіе дѣльцы, которымъ они старались помогать, выручая при случаѣ изъ бѣды. Такъ въ 1740 г. гамбурженъ Яковъ Финкъ задолжалъ казнѣ 201 рубль, и такъ какъ уплатить былъ не въ состояніи, а взыскать съ него, кромѣ ссылки въ каторжную работу, было нечего, то рѣшили освободить его совсѣмъ (Сен. Арх. т. 2, стр. 243). Другой примѣръ. По дѣлу бароновъ Унгерновъ былъ арестованъ уроженецъ Магдебурга Генрихъ Зельманъ. Прусскій посланникъ обратился къ правительству съ ходатайствомъ объ освобожденіи, ссылаясь на то, что „искусные и благоугодные иноземцы, а особливо прусскіе уроженцы въ Россіи милостиво приняты и опредѣлены бываютъ“. Верховный Тайный Совѣтъ уважилъ просьбу посланника (Сб. Р. И. О. т. 69, стр. 300—303). Такихъ примѣровъ можно указать сколько угодно.

Итакъ русская промышленность во второй четверти XVIII вѣка встрѣчала, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны учрежденій, вѣдавшихъ ею, не прежнюю покровительственную политику, а протекціонизмъ безъ энергіи въ томъ случаѣ, когда онъ не сталкивался съ интересами нѣмцевъ. Если же онъ противорѣчилъ

интересамъ послѣднихъ, то дѣло рѣшалось въ ихъ пользу и нѣмцы безнаказанно могли расхищать и эксплоатировать естественныя богатства Россіи.

Опредѣливъ политику правительства по отношенію къ промышленности, указавъ составъ центральныхъ учрежденій и характеръ дѣятельности нѣмецкихъ заправилъ, перейдемъ теперь къ вопросу объ участіи и роли нѣмцевъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства, при чемъ остановимся на болѣе крупныхъ—суконной и горнозаводской, а также на промыслахъ нашего Сѣвера. Считаемъ долгомъ оговориться, что мы не будемъ касаться общихъ условій, въ которыхъ росла русская промышленность, не указываемъ роль монополій, на тепличное разведеніе торгово-промышленныхъ компаній, причинъ ихъ неудачъ, — все это останется въ сторонѣ, а здѣсь будетъ лишь отмѣчено участіе нѣмцевъ и его результаты для этихъ отраслей промышленности.

IV.

Великая Сѣверная война дала сильный толчокъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи, поэтому Петръ Великій и старался организовать прежде всего тѣ фабрики и заводы, которые удовлетворяли военныя надобности. Среди нихъ, одной изъ главныхъ, была потребность въ изготовленіи суконъ для арміи. Въ XVII вѣкѣ суконная промышленность хотя и существовала, но была слабо развита, а потому иностранныя сукна были предметомъ хорошо извѣстнымъ въ обиходѣ Московскаго государства. Однако, русскую необработанную шерсть, какъ товаръ, знали и иноземные купцы, бывшіе въ Россіи, и въ 1699 году два предпріимчивыхъ голландца получили даже монополію на покупку шерсти въ Россіи въ теченіе 12 лѣтъ. Съ начала XVIII вѣка правительство обратило вниманіе на суконную промышленность. Жизнь ставила Петру опредѣленную задачу—обмундировать армію, а для этого нужно было сукно русскаго производства.

Цѣлый рядъ указовъ, изданныхъ Государемъ, показываетъ, какъ внимательно относился онъ къ этому дѣлу. Петръ Великій старался использовать то, что существовало до него въ этой области, вмѣстѣ съ этимъ онъ основываетъ и новыя фабрики, организуетъ промышленныя компаніи, даетъ имъ льготы, поддерживаетъ деньгами предпринимателей, вызываетъ мастеровъ-иностран-

цевъ, не довѣряя имъ вполнѣ, посылаетъ учиться за границу способныхъ молодыхъ людей. Всѣ принятыя мѣры не могли, однако, обезпечить армію русскими суконами, послѣднихъ не хватало, а поэтому пришлось прикупать англійскія сукна въ значительномъ количествѣ (до 500.000 арш.).

Усиленіе нѣмецкаго элемента въ русскомъ правительствѣ послѣ смерти Петра привело къ тому, что поставщиками суконъ стали дѣлаться и нѣмецкіе купцы. Въ этомъ дѣлѣ видную роль игралъ и прусскій посланникъ, покровительствомъ и помощью котораго усиленно пользовались нѣмцы. При сочувствіи ввозу въ Россію нѣмецкихъ суконъ, шедшемъ изъ правящихъ круговъ, при помощи посланника, оказавшагося хорошимъ комиссіонеромъ, покупка суконъ у нѣмцевъ стала вытѣснять доставку ихъ изъ Англіи. Посланникъ представлялъ образцы суконъ и въ 1725 г. у прусскаго купца военная коллегія закупила большую партію товара (149.935 арш. см. Сб. Р. И. О. т. 101, стр. 16—27).

Надѣясь на хорошій сбытъ, поставщики-нѣмцы доставили значительное количество суконъ и въ слѣдующемъ году, но плохое качество товара и отсутствіе въ немъ необходимости заставили военную коллегію отклонить это предложеніе. Пруссаки на этомъ не остановились.

Пользуясь защитой посланника барона Мардефельда, купцы вошли съ ходатайствомъ въ Верховный Тайный Совѣтъ. Прусскій дипломатъ оказался хорошимъ коммерсантомъ и настойчиво добивался пріема товара, несмотря на то, что представители военнаго вѣдомства отказывались принять сукна, находя ихъ качествомъ хуже англійскихъ и дороже цѣною, къ тому же въ нихъ не было и надобности. Въ концѣ-концовъ, берлинцы — Гейдлеръ и Рейхъ—добились разрѣшенія и сукно было куплено, благодаря назойливымъ просьбамъ барона, который мотивировалъ свое ходатайство тѣмъ, что „не токмо тѣ Гейдлеръ и Рейхъ, но и многіе съ ними заинтересованные прусскіе подданные въ крайнюю опасность всеконечнаго разоренія пришли“ (Сб. Р. И. О. т. 101, стр. 16-27) и для спасенія нѣмецкихъ купцовъ были даны казенныя деньги. Конечно, такія сдѣлки шли въ разрѣзъ съ интересами русской суконной промышленности и при Петрѣ этого не было; онъ опредѣленно указывалъ, что покупка иностранныхъ суконъ должна быть производима лишь въ томъ случаѣ, когда не хватало для нуждъ арміи того количества сукна, которое изготовлялось на русскихъ фабрикахъ. И крестьянинъ-публицистъ И. Т.

Посошковъ въ своемъ сочиненіи высказывалъ ту же мысль, говоря: „а и суконъ солдатскихъ, мнится мнѣ, у иноземцевъ покупать не надобно, потому что наши русскія сукна еще и дороже заморскихъ станутъ, обаче тыи деньги изъ царства вонъ не выйдутъ. Того ради и сукнами намъ потребно приниматися своими жъ, чтобъ тѣ деньги у насъ въ Россіи были". (*Посошковъ*, Книга о скудости и богатствѣ, стр. 55, М. 1911).

Для нѣмцевъ были забыты и завѣты Петра Великаго и пожеланія одного изъ лучшихъ сыновъ Россіи. Вообще при первыхъ преемникахъ Петра на суконную промышленность не обращалось вниманія. Всѣ заботы правительства сводились, главнымъ образомъ, къ удовлетворенію интересовъ сильныхъ персонъ и только въ случаѣ острой нужды принимались мѣры къ увеличенію количества вырабатывавшагося русскими фабриками сукна. Эти мѣры обусловливались и финансовыми затрудненіями правительства, такъ какъ заграничнымъ поставщикамъ приходилось выплачивать значительную сумму денегъ. Такими мотивами объясняются и мѣропріятія правительства въ царствованіе Анны Ивановны, когда въ указахъ вспоминался и Великій Преобразователь Россіи, и его заботы о развитіи суконной промышленности. Въ это время, несмотря на индифферентное отношеніе правившихъ круговъ, находились все-таки предприниматели, открывавшіе новыя фабрики, продолжали существовать и нѣкоторыя прежнія и можно предполагать, что фабриканты, претерпѣвая бюрократическую волокиту съ пріемкой товара, ограничивали продажу и выработку сукна. Правительству волей-неволей пришлось обратить вниманіе на суконную промышленность.

Въ 1732 году Сенатъ представилъ Императрицѣ докладъ о необходимости ревизіи суконныхъ фабрикъ и выясненія причинъ уменьшенія поставки сукна русскими фабрикантами для арміи. Стали приглашаться вскорѣ и „охочіе люди" для открытія новыхъ фабрикъ съ денежнымъ пособіемъ отъ правительства.

При обслѣдованіи фабрикъ оказалось, что были и крупныя предпріятія, гдѣ дѣло было поставлено очень хорошо. Такова фабрика русскаго предпринимателя Болотина, человѣка достойнаго вниманія во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ прошелъ суровую школу Петра Великаго, бывалъ за границей, зналъ иностранные языки, въ совершенствѣ изучилъ производство суконъ и сумѣлъ сдѣлать свою фабрику образцовой и комиссія, образованная въ 1741 году для упорядоченія суконнаго производства, нашла ее лучшей въ

Россіи и предприниматель былъ назначенъ директоромъ, на обязанности котораго лежали заботы объ улучшеніи суконной промышленности (*Николаевъ*, Суконная промышленность, стр. 30). Другимъ же директоромъ былъ назначенъ Іоганъ Шмидтъ, принадлежавшій къ числу ловкихъ дѣльцовъ того времени; ему удалось сдѣлаться не только сотоварищемъ Болотина, не только получить, какъ и первый, „ассесорскій рангъ“, но и жалованье въ размѣрѣ 500 рублей.

Однимъ изъ слѣдствій правительственныхъ заботъ о промышленности въ царствованіе Анны были мѣропріятія объ увеличеніи добыванія сырой шерсти, необходимой для выдѣлки суконъ, а потому „въ способныхъ мѣстахъ“, какъ напримѣръ: Тамбовѣ, Пензѣ, Симбирскѣ, Малороссіи, при содѣйствіи мѣстнаго населенія, по требованію правительства стали устраиваться овчарные заводы, которые должны были поставлять шерсть на суконныя фабрики. Вышеупомянутая комиссія находила также нужнымъ выписать изъ Германіи „добрыхъ барановъ“ и разводить породистыхъ овецъ въ указанныхъ пунктахъ Россіи и несомнѣнно это дѣло должно было давать предпринимателямъ большія выгоды. Всѣ перечисленныя мѣры, именно, вызовъ „охочихъ людей“ для открытія фабрикъ и заботы о разведеніи добрыхъ нѣмецкихъ барановъ показываютъ, что суконная промышленность требовала улучшеній, что нужда въ сукнахъ была сильна. На приглашеніе правительства скоро откликнулся охочій человѣкъ, это былъ генералъ фельдмаршалъ русской арміи, нѣмецъ Б. Х. Минихъ. Являясь сильной персоной въ составѣ правительства, онъ вскорѣ сумѣлъ получить въ Малороссіи огромныя земли съ селами и деревнями. Вслѣдъ за этимъ основываетъ тамъ (село Ракши) суконныя и другія фабрики. Цѣль ихъ устройства — польза для арміи и вотъ такимъ путемъ одинъ изъ неудачныхъ полководцевъ дѣлается русскимъ фабрикантомъ, генералъ-фельдмаршалъ становится поставщикомъ сукна для войска. Въ связи съ организаціей Минихомъ фабрично-заводской дѣятельности въ Малороссіи важенъ вопросъ и о рабочей силѣ, которую въ то время составляли приписанные къ промышленнымъ предпріятіямъ крестьяне. Многіе изъ нихъ бѣжали отъ тяжелыхъ работъ и на помощь помѣщикамъ пришелъ указъ 29 мая 1738 года, который запрещалъ принимать казаковъ и посполитыхъ, переходившихъ изъ слободскихъ полковъ и повелѣвалъ возвращать ихъ на прежнія мѣста.

Генеральная войсковая канцелярія придала этому указу очень

широкое толкованіе и примѣняла его къ Малороссіи, какъ запрещеніе обывателямъ переходить съ мѣста на мѣсто. Это толкованіе указа 1738 года сдѣлалось юридической нормой для урегулированія отношеній между владѣльцами и крестьянами въ Малороссіи до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны, когда снова было возстановлено право свободнаго перехода крестьянъ (см. *Василенко*, „Прикрѣпленіе крестьянъ въ Малороссіи“, статья въ изд. „Великая реформа“, т. I, стр. 122). Любопытно отмѣтить, что изданіе указа совпадаетъ съ фабричною дѣятельностью Миниха въ Малороссіи и можно съ увѣренностью сдѣлать предположеніе, что если не изданіе этого закона, то во всякомъ случаѣ толкованіе его, какъ указъ о закрѣпощеніи малороссійскихъ крестьянъ, несомнѣнно было не безъ вліянія Миниха. Извѣстенъ вѣдь случай, характеризующій его хозяйничанье въ Малороссіи: въ 1739 году, недовольный рѣшеніемъ суда по дѣлу, касавшемуся его имѣнія, онъ кричалъ на малороссійскихъ судей: „такихъ судей повѣсить, или бивъ кнутомъ, сослать въ Сибирь“. А о законахъ малороссійскихъ отозвался: „шельма писалъ, а каналья судилъ“ (*Соловьевъ*, кн. IV, стр. 1529). При такомъ отношеніи къ мѣстнымъ порядкамъ ему было не трудно, пользуясь властью, провести первую попытку закрѣпощенія крестьянъ, тѣмъ болѣе, что оно было нужно для личныхъ цѣлей. Въ правленіе Анны Леопольдовны онъ игралъ еще бо́льшую роль, а потому спѣшилъ выпросить у послушнаго ему правительства цѣлый рядъ привилегій и льготъ. Такъ, въ 1741 году Сенатъ разрѣшилъ ему „для вящаго фабрикъ размноженія дѣлать промѣну селами и деревнями“ (Сен. Арх. т. 2, стр. 388, 450). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Миниху вновь ходатайствовалъ о томъ, чтобы фабрики, заводы и маетности были оставлены ему въ наслѣдственное владѣніе и ради выгодъ тѣмъ самымъ отзывался любимой мечты „скончать свою жизнь въ Германіи“. Сенатъ разрѣшаетъ ему и это, при условіи, что фабрики и заводы будутъ содержаться „въ добромъ и порядочномъ учрежденіи“ (Сен. Арх., т. 3, стр. 483). Трудно опредѣлить, какъ далеко зашли бы стремленія ловкаго нѣмца, какъ онъ продолжалъ бы свою дѣятельность въ области суконной промышленности, но вступленіе на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны и сверженіе нѣмецкаго господства надъ Россіей положило конецъ и фабричной дѣятельности Миниха.

Если въ описываемое время встрѣчаемъ нѣмцевъ-фабрикантовъ, то нѣмцы-мастера были заурядным явленіемъ. Всѣ они находи-

лись въ привилегированномъ положеніи, получая значительно большую плату, а на горныхъ заводахъ нѣмецкіе мастера получали вознагражденіе въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ русскіе офицеры, служившіе тамъ же, въ качествѣ начальствующихъ лицъ. Такая высокая оцѣнка труда нѣмцевъ сдѣлалась обычнымъ явленіемъ въ Россіи и вѣроятно, и теперь слѣдуютъ принципу, „какъ не порадѣть родному человѣку".

V.

Богатство Россіи минералами привлекало уже и въ XVII вѣкѣ иностранцевъ, среди которыхъ встрѣчались и нѣмцы. Ими основывались въ Московскомъ государствѣ заводы при чемъ нѣкоторые предприниматели, какъ напр. А. Виниусъ, голландецъ Акема, гамбурженъ П. Марселисъ получали для разработки не только богатыя рудою мѣста, но и готовую рабочую силу, въ видѣ приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ (*Пичета*, „Поссесіонные крестьяне" сб. „Великая реформа", т. I, стр. 129—130). Кромѣ предпріятій иностранцевъ существовали и русскіе заводы, но ни тѣ, ни другіе не могли удовлетворять государственныхъ нуждъ, а потому до начала XVIII ст. Россія получала пушки и оружіе вообще главнымъ образомъ изъ-за границы. Великая Сѣверная война требовала большое количество военныхъ припасовъ и оружія и подъ давленіемъ военной необходимости Петръ Великій долженъ былъ позаботиться объ организаціи горно-заводской промышленности. Ему предстояло расширить добываніе металловъ и выработку необходимыхъ металлическихъ издѣлій. Отлично сознавая богатства страны, Петръ въ указѣ 1719 года, опредѣлявшемъ кругъ занятій бергъ-коллегіи, писалъ: „Русское государство предъ многими землями преизобилуетъ и потребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы, паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежитъ" (*Поповъ*, В. Н. Татищевъ и его время, стр. 32). Уралъ съ его колоссальными богатствами привлекъ вниманіе Петра. Здѣсь еще и раньше существовало добываніе желѣза и мѣди и въ концѣ XVII вѣка тамъ были частные заводы Демидова и нѣсколько казенныхъ.

Помощникомъ государя въ дѣлѣ расширенія и организаціи горнозаводской промышленности былъ нѣмецъ, НассауЗингенскій уроженецъ — Де-Геннинъ. Съ 1713 года онъ дѣлается сначала начальникомъ Петровскихъ, Повенѣцкихъ и Кончезерскихъ заводовъ, затѣмъ

ему поручается устройство Сестрорѣцкихъ, а съ 20-хъ годовъ и Уральскихъ.

Де-Геннинъ занялся на Уралѣ приведеніемъ въ порядокъ старыхъ заводовъ и постройкой новыхъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ и цѣлый штатъ служащихъ нѣмцевъ: старшій плавильный мастеръ изъ Германіи Гильдебрантъ, саксонцы: Блюэръ, Георгъ, Вакперъ, Готфридъ Генель, Берентъ Куперцъ, Циммерманъ, бергъ-совѣтникъ Михаэлисъ. Кромѣ того, партія саксонскихъ же искусныхъ штейгеровъ, прибывшихъ „для обученія горному дѣлу русской націи“: Лангъ, Корсъ, Беэръ, Дервель, двое Кейзеровъ изъ Ганновера, и также выходцы изъ Германіи: Фридрихъ и Христофель Вейдели, Х. Ухшпейгеръ, Яганъ Улихъ, Гельвихъ, Келлеръ, пухштейгеръ Дрибель, Іоганъ Лоренцъ, бергъ-гауръ Лейксенрингъ. (Сб. Р. И. О., т. 84, стр. 421—422.) Нѣмцы-мастера вмѣстѣ съ нѣмцемъ начальникомъ принялись за организацію заводовъ и прежде всего дали нѣмецкія названія всѣмъ учрежденіямъ, вѣдавшимъ горнозаводскимъ дѣломъ, должностямъ, приспособленіямъ и т. д. Такъ, главное управленіе горными заводами было переименовано въ Оберъ-бергъ-амтъ, служащія лица, въ зависимости отъ своей спеціальности, также получили нѣмецкія названія; отсюда у насъ появились: „вице-бергмейстеры“, „штейгеры“, „штенмейстеры“, „шмелцеры“, „пухштейгеры“, „шихтмейстеры“, „штенфервальтеры“, „бергъ-гауры“ и т. д. Вмѣсто горныхъ округовъ появились „дистрикты“ (Сб. Р. И. О., т. 84, стр. 395, 421—422). Наконецъ, всѣ техническія названія также зазвучали по-нѣмецки и многое изъ этого сохранилось даже и до сихъ поръ. Благодаря энергіи Петра Великаго, горнозаводская промышленность на востокѣ Россіи росла и развивалась. Виллимъ Геннинъ былъ большимъ поклонникомъ Преобразователя, являясь однимъ изъ дѣятельныхъ его сотрудниковъ. Съ 1720 по 1726 годъ были приведены въ порядокъ и открыты шесть мѣдныхъ и четыре желѣзныхъ завода, на что было издержано 333,689 руб. (Сб. Р. И. О., т. 84, стр. 405.) За четыре года было выплавлено 24.095 пуд. мѣди, и по мнѣнію Де-Геннина съ 1727 года можно было добывать ежегодно 9.000 пуд. мѣди и 130.000 пуд. желѣза. Приведенныя цифры показываютъ, что расширеніе горнозаводской промышленности шло быстрыми шагами, что несомнѣнно объяснялось прежде всего колоссальными богатствами Урала и Сибири, гдѣ предпринимательвстрѣчалъ дѣвственную почву, изобиловавшую минералами. Конечно, заводы могли бы удовлетворять вполнѣ государственныя

нужды, но нѣкоторыя обстоятельства тормозили дѣло. Первымъ изъ нихъ было отсутствіе хорошихъ путей сообщенія и возникавшая отсюда дороговизна провоза, вторымъ — та халатность и небрежность, которая господствовала въ отправленіи мѣди и желѣза на рынки: часто не доставлялись деньги на провозъ и товары лежали на пристаняхъ цѣлыми годами, а центральныя учрежденія и не заботились о скорѣйшей высылкѣ необходимыхъ суммъ.

Все это, конечно, не могло не отзываться на снабженіи государства необходимымъ запасомъ металловъ, да и правительство послѣ смерти Петра Великаго, повидимому, и не нуждалось въ нихъ, такъ какъ для казенныхъ запасовъ находило нужнымъ покупать мѣдь изъ Германіи, въ то время какъ своя лежала гдѣ-либо на пристаняхъ. Самъ де-Геннинъ, видя природныя богатства Сибири и Урала, писалъ, что „изъ-за моря такіе припасы выписывать ненадобно“, но Бергъ-коллегія находила, что если для военныхъ нуждъ будетъ необходима мѣдь, то лучше ее купить за границей, чѣмъ брать съ своихъ заводовъ. При Петрѣ правительство разсуждало иначе, но послѣ него стоявшимъ у власти нѣмцамъ интересы государства и горнозаводской промышленности были совершенно чужды, а потому они считали выгоднымъ для себя дѣломъ заставить русскую мѣдь лежать частью на пристаняхъ, частью употребить на чеканку монетъ, а для военныхъ надобностей купить мѣдь у прусскихъ купцовъ С. Рейха и Гедлера. Цѣна, назначенная этими поставщиками, была очень высокая и военная коллегія протестовала противъ покупки, заявляя, что „на обычныя артиллерійскія потребы“, мѣди достаточно и своей, если же она предназначается на „невѣдомыя потребы“, то покупать мѣдь по такой дорогой цѣнѣ не слѣдуетъ (см. Сб. Р. И. О., т. 69, стр. 827 до 836, т. 84, стр. 406—414). Но правительство всетаки совершило покупку, не обращая вниманія на чьи бы то ни было протесты. Объяснялось это тѣмъ, что нѣмцы—поставщики образовали цѣлую торговую компанію для ввоза въ Россію заграничныхъ товаровъ и имѣли защитниковъ и въ составѣ правительства, и въ лицѣ Прусскаго короля. Послѣдній оказывалъ большую поддержку „Берлинской компаніи“ и въ то время, когда пруссаки не могли во-время доставить всей закупленной мѣди, какъ требовалось заключенными условіями, а привезли только $^3/_4$ всего заказаннаго количества, король письменно просилъ кн. Меньшикова о томъ, чтобы отложить доставку остальной мѣди до слѣдующаго года (Сб. Р. И. О., т. 69, стр. 827—836) и просьба высокопоставленнаго ходатая

была уважена. Все это происходило два года спустя послѣ смерти Петра, а его завѣты были, какъ видимъ, забыты довольно основательно и угожденіе сильнымъ персонамъ сдѣлалось уже руководящей идеей экономической политики правительства.

Несмотря на всѣ препятствія, горнозаводское дѣло на Уралѣ и въ Сибири развивалось и къ 1734 году уже насчитывалось 11 казенныхъ и 19 частныхъ заводовъ, при чемъ изъ послѣднихъ бо́льшая часть принадлежала Демидовымъ (*Поповъ*, цит. сочин., стр. 135).

Съ 1734 года управленіе горнозаводской промышленностью въ восточной Россіи перешло въ руки извѣстнаго дѣятеля XVIII вѣка — В. Н. Татищева. Къ этому времени уже начало сказываться различіе между частными и казенными заводами. Послѣдніе при равнодушно-безразличномъ отношеніи правительства отстали во многомъ отъ частныхъ и Татищевъ долженъ былъ констатировать, что заводы Демидова вырабатывали вдвое больше желѣза (*Поповъ*, цит. соч., стр. 141).

Новый начальникъ занялся улучшеніемъ производства и предпринялъ открытую борьбу съ нѣмецкимъ засильемъ въ промышленности. Онъ хотѣлъ прежде всего замѣнить всѣ техническія нѣмецкія названія русскими, такъ какъ находилъ, что для русскихъ рабочихъ они трудны и непонятны, кромѣ того, онъ намѣревался и „Оберъ-бергъ-амтъ“ переименовать въ канцелярію главнаго правленія горными заводами. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу: „усмотря, что отъ бывшихъ нѣкоторыхъ саксонцевъ въ строеніи заводовъ всѣ чины и работы, яко же и снасти по-нѣмецки названы, которыхъ многіе не знали и правильно выговорить или написать не умѣли, сожалѣя, чтобы слава и честь отечества и его трудъ тѣми именами нѣмецкими утѣснены не были... *еще же изъ того и вредъ усмотря*, что незнающіе тѣхъ словъ впадали въ невинное преступленіе, а дѣлу во упущеніе, яко полномочный, всѣ такія названія оставилъ, а велѣлъ писать русскими“. Татищевъ составилъ также и горный уставъ, который долженъ былъ урегулировать горнозаводское дѣло и всѣ эти мѣропріятія представилъ на утвержденіе Кабинета Министровъ. Императрица Анна со своей стороны одобрила начинанія начальника заводовъ, но Биронъ, стоявшій въ это время на стражѣ нѣмецкихъ интересовъ, отказалъ въ ходатайствѣ и по выраженію Татищева „такъ сіе зло принялъ, что неоднажды говаривалъ, яко бы Татищевъ — главный злодѣй нѣмцевъ“. (*Поповъ*, цитир. сочин. стр. 149—150).

Горный уставъ остался неутвержденнымъ и попытка борьбы съ онѣмечиваньемъ горнозаводской промышленности, благодаря противодѣйствію бывшихъ въ составѣ правительства нѣмцевъ, окончилась неудачей. Биронъ на этомъ, конечно, не остановился, онъ не могъ примириться съ мыслью, что во главѣ уральскихъ и сибирскихъ заводовъ стоялъ злодѣй нѣмцевъ, ему нуженъ былъ единомышленникъ, съ которымъ вмѣстѣ онъ могъ бы безконтрольно распоряжаться одной изъ крупныхъ государственныхъ доходныхъ статей, а потому ловкій нѣмецъ и вызвалъ изъ Саксоніи оберъ-бергъ-гауптмана барона фонъ Шемберга, который былъ назначенъ главнымъ начальникомъ заводовъ. Въ связи съ этимъ произошли перемѣны и въ центральномъ управленіи горнымъ дѣломъ Россіи. Въ 1736 году былъ обнародованъ указъ объ учрежденіи генералъ-бергъ-директоріума, съ правами прежней бергъ-коллегіи, но съ характеромъ бюрократическимъ и непосредственною зависимостью отъ повелѣній Императрицы, за который стоялъ вершитель судебъ государства — Биронъ. Другими словами, этому ловкому дѣльцу нужно было сдѣлаться полнымъ хозяиномъ горно-заводской промышленности и всѣми способами эксплоатировать ее въ цѣляхъ наживы. Татищевъ долженъ былъ теперь стать подъ зависимость отъ барона, нѣмецкое засилье въ этой отрасли государственнаго хозяйства Россіи было проведено въ полномъ объемѣ и любимое дѣтище Петра Великаго — бережливаго и экономнаго хозяина — перешло въ руки нѣмецкихъ хищниковъ, видѣвшихъ въ уральско-сибирскихъ заводахъ не государственное достояніе, не жемчужину Русской короны, а доходную статью, которая должна была доставлять имъ средства, дозволенныя и недозволенныя.

Саксонскій баронъ, приступая къ управленію заводами, смотрѣлъ свысока на тогдашнее состояніе горнаго промысла въ Россіи, онъ былъ убѣжденъ въ малокультурности русскаго государства, гдѣ, какъ казалось, ему предстояла нелегкая миссія культуртрегера; съ этой мѣркой подошелъ къ новымъ своимъ обязанностямъ, которыя, по словамъ современниковъ, онъ не зналъ и техническая сторона производства ему была знакома очень слабо. Чрезъ нѣсколько времени фонъ Шембергъ увидѣлъ, что горнозаводское дѣло далеко не находится въ такомъ примитивномъ состояніи, какъ онъ предполагалъ, вмѣстѣ съ этимъ онъ нашелъ, что эта отрасль промышленности можетъ быть легко эксплоатируема, стоитъ только выпросить, въ компаніи съ Бирономъ, заводы въ свои руки.

Нужно замѣтить, что правительство въ это время колебалось

между двумя способами содержанія заводовъ: способомъ казенной разработки и отдачей заводовъ въ руки частныхъ лицъ, съ тѣмъ, чтобы они выплачивали за это извѣстную сумму денегъ. При энергіи казенная разработка давала значительные барыши (до 100.000 руб. на тогдашнія деньги), но такъ какъ правительство не могло взять въ свои руки всѣхъ заводовъ, то нѣкоторые изъ нихъ были переданы частнымъ русскимъ предпринимателямъ; это практиковалось только въ крайности, при отсутствіи у казны денегъ и при Петрѣ Великомъ, эта мѣра рекомендовалась и В. Де-Генниномъ, но только лишь для тѣхъ заводовъ, которые иначе стояли бы въ бездѣйствіи (Сб. Р. И. О. т: 84 стр. 406—408).

Барону Шембергу этихъ заводовъ было мало, ему хотѣлось получить въ свои руки всѣ и въ 1738 году онъ подалъ доношеніе Аннѣ Ивановнѣ, гдѣ отмѣчалъ, что по его мнѣнію горное дѣло „и по сіе число не особенно развилось.“ Саксонскій выходецъ находилъ, что казенная разработка заводовъ не вполнѣ достаточна для извлеченія государственныхъ доходовъ, онъ убѣжденъ, что правительство могло бы получать больше прибыли, если заводы стали бы совершенствоваться „и иждивеніемъ приватныхъ людей.“ Предпославъ такія соображенія, онъ предложилъ самые крупные и доходные — Гороблагодатскіе „на себя принять,“ съ тѣмъ, чтобы ему дали для расширенія производства казенныя деньги, которыя черезъ годъ онъ обѣщалъ возвратить. Аппетиты ловкаго нѣмца на этомъ не останавливались: онъ выражалъ желаніе получить земли въ Лапландіи и по Бѣлому Морю „для построенія вновь заводовъ“, мѣстность обширную: „отъ стороны восточной моря до Камы и по Бѣлому морю отъ 50 верстъ длиною“ (*Өирсовъ Н. Н.*, Торгово-промышленныя компаніи, Казань 1896, стр. 77) Шембергъ предлагалъ правительству отдать ему все наиболѣе крупное и цѣнное и не только во временное, но въ потомственное владѣніе, съ правомъ строить фабрики и заводы, съ правомъ безконтрольной торговли своими товарами. Для обезпеченія заводовъ рабочей силой баронъ на первое время просилъ приписать къ нимъ 1,000 душъ крестьянъ, далѣе онъ желалъ, чтобы отдаваемые ему заводы были освобождены отъ платежа всякихъ податей, налоговъ и пошлинъ, а равнымъ образомъ и всѣ припасы, нужные для дѣла.

Кромѣ того, онъ намѣревался сдѣлаться и продавцомъ жизненныхъ припасовъ для рабочихъ и потому просилъ, чтобы въ окрестностяхъ заводовъ была запрещена продажа вина, пива,

табаку и пр. — все это вмѣстѣ съ прочими харчами онъ хотѣлъ поставлять и продавать крестьянамъ самъ. Въ заключеніе, собиравшійся расхищать русскую промышленность нѣмецъ выражалъ свое согласіе слѣдить за россійскою нравственностью и удерживать рабочихъ „отъ непорядочныхъ поступковъ“! (*Өирсовъ*, цит. соч. стр. 78). Доношеніе Шемберга, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ изслѣдователь этого вопроса, проф. Н. Н. Өирсовъ, было написано въ такомъ самоувѣренномъ тонѣ, потому что онъ не расчитывалъ на отказъ, да его трудно было и ожидать.

Для разсмотрѣнія доношенія барона дѣло было передано въ комиссію, въ составъ которой вошли и нѣмцы, стоявшіе во главѣ управленія Россіей, и на обзорѣ хода работъ ея остановимся нѣсколько подробнѣе, чтобы выяснить, почему такіе факты, явно противорѣчившіе интересамъ промышленности, могли происходить въ описываемое время.

Конечно, комиссія нашла нужнымъ передать казенные заводы въ частныя руки, иначе нельзя было бы угодить Бирону, который самъ желалъ получать доходы съ заводовъ и потому всѣ согласились признать принципіально выгодной для государства передачу заводовъ частнымъ лицамъ. Это постановленіе должно было опубликовать и вотъ тутъ-то члены комиссіи не могли согласиться другъ съ другомъ. Примирителемъ ихъ явился Остерманъ, который помогъ уладить разногласія по поводу „неприличія“ внести въ манифестъ причины передачи казенныхъ заводовъ, а также освобожденіе всякихъ припасовъ, нужныхъ Шембергу, отъ пошлинъ. Попутно Остерманъ высказывалъ мнѣніе, что для развитія русской промышленности найдется много желающихъ, въ особенности среди иностранцевъ. Много споровъ возникло по поводу желанія барона сохранить за собою заводы и въ томъ случаѣ, если Россія будетъ вести войну съ соотечественниками саксонскаго нѣмца, но и здѣсь Остерманъ указалъ возможность примирить русскій патріотизмъ съ нѣмецкими интересами, заявивъ, что во время войны заводы будутъ находиться во владѣніи фонъ Шемберга, но доходъ будетъ поступать въ государственную казну. Такимъ образомъ, все было примирено и улажено Остерманомъ. Лишь одинъ пунктъ вызвалъ сомнѣніе нѣмцевъ: указомъ Петра Великаго 1714 года запрещалось начальствующимъ лицамъ принимать участіе въ горномъ промыслѣ и Шембергу, какъ генералъ-бергъ-директору, казалось невозможно было получить заводы. Остерманъ нашелъ выходъ и изъ этого затрудненія съ чисто-нѣмецкой беззастѣнчивостью: онъ за-

явилъ, что указъ Петра В. „къ сему дѣлу не приличествуетъ," а если такъ, то по его „малому мнѣнію" Императрица могла бы учинить „потребные указы, издать „добрые регламенты", которые разомъ уничтожили бы всякія сомнѣнія и затрудненія нѣмецкой комиссіи, желавшей отдать русскую горнозаводную промышленность на расхищеніе своему земляку. „Потребнаго" указа ждать пришлось недолго и 3-го марта 1739 года Шембергъ получилъ все, что хотѣлъ. За кулисами передачи въ полное распоряженіе нѣмцу наиболѣе доходной статьи русскаго народнаго хозяйства стоялъ фаворитъ Императрицы — Бирон. Поставивъ во главѣ дѣла фонъ Шемберга, человѣка не знавшаго техники производства, а въ особенности добыванія и обработки желѣза, онъ бралъ половину доходовъ себѣ, но, само собою разумѣется, и баронъ не былъ въ убыткѣ. Будучи начальникомъ горнаго дѣла въ Россіи, Шембергъ сталъ контролеромъ дѣятельности собственныхъ заводовъ, начальникомъ надъ самимъ собой и въ то же время пробовалъ еще завладѣть и другими заводами на Уралѣ и въ Сибири.

Раззореніе бар. Шембергомъ горнозаводской промышленности продолжалось съ 1739 по іюнь 1742 года. Итоги дѣятельности саксонскаго нѣмца были приблизительно таковы: правительству не была заплочена взятая сумма денегъ, за аренду заводовъ не было получено ни копѣйки, ни одного пуда желѣза не было продано въ Россіи, такъ какъ какъ всѣ запасы металла отправлялись имъ за границу, или, выражаясь языкомъ того времени, русское желѣзо „обратилось въ заморскій отпускъ". Какова была цифра долга казнѣ, точно не установлено; по словамъ В. Н. Татищева, она выражалась суммой въ 400.000 руб.,*)по мнѣнію изслѣдователей этой эпохи г. Рожкова и проф. Өирсова долгъ Шемберга равнялся 372,293 руб. на тогдашнія деньги. Вступленіе на престолъ Елизаветы Петровны положило конецъ хозяйничанью саксонскаго барона, который успѣлъ уже отправить всѣ деньги къ себѣ на родину. Правда, онъ былъ арестованъ и началось разслѣдованіе его дѣятельности и несомнѣнно оно было бы доведено до конца, но у него нашелся помощникъ въ лицѣ ловкаго авантюриста купца Еремѣя Мейера, который, будучи кредиторомъ русскихъ вельможъ, сумѣлъ задобрить ихъ подарками и дѣло было направлено къ ликвидаціи. Фонъ Шембергъ былъ освобожденъ и перебрался съ награбленнымъ добромъ изъ некультурной Россіи, куда онъ явился улучшать промышленность, въ родную ему Германію.

*) На нынѣшнія деньги отъ 3.600.000—до 4.000.000 руб. См. *Ключевскій*, Первый сборникъ статей, стр. 211. М. 1912.

За три съ половиною года хозяйничанья на горныхъ заводахъ этотъ нѣмецъ принесъ огромные убытки казнѣ, причинилъ трудно поправимое зло промышленности, сдѣлалъ огромный ущербъ русскому государственному хозяйству и посѣялъ въ правившихъ кругахъ русской бюрократіи нездоровыя сѣмена легкой и доступной спекуляціи.

VI.

Нѣмцы играли крупную роль не только въ горнозаводской и суконной промышленности, но удѣляли большое вниманіе и нашему богатому сѣверу. Еще въ эпоху самостоятельности Новгорода они познакомились съ пушнымъ и рыбнымъ богатствомъ побережья Бѣлаго моря и въ XVII вѣкѣ, съ возобновленіемъ торговыхъ сношеній Россіи съ нѣмецкими городами, они дѣлали попытки проникнуть туда и прибрать къ своимъ рукамъ доходные промыслы. Огромные запасы сырья привлекли ихъ исключительное вниманіе и заставляли создавать фантастическіе проекты завоеванія Московской Руси. Еще въ XVI вѣкѣ нѣкто Генрихъ Стаденъ, побывавшій въ Россіи и служившій Ивану Грозному, вернулся обратно въ Германію и представилъ императору Рудольфу II цѣлый планъ захвата сѣвера Россіи, при этомъ онъ указывалъ, что нападеніе должно было вестись именно со стороны Бѣлаго моря. (Истор. Вѣстн., 1905 г., стр. 539—542, май). Военныя операціи не были осуществлены и позднѣе,—въ XVII ст., нѣмцы стремятся къ мирному подчиненію края. Такъ, въ 1698 году торговый человѣкъ Небель представилъ Петру Великому свои соображенія о необходимости учредить промышленныя компаніи для эксплоатаціи и развитія старинныхъ русскихъ доходныхъ статей. Небель хлопоталъ не безкорыстно, ему хотѣлось получить право на разработку промысловъ и различныя привилегіи для себя. Царь отклонилъ проектъ ловкаго иностранца *(Өирсовъ,* цит. ст. стр. 65—66), тѣмъ болѣе, что у него уже былъ собственный планъ расширенія промысловъ съ помощью русскихъ предпринимателей. Въ 1704 году Петръ организовалъ промышленную компанію, во главѣ которой сталъ князь Меньшиковъ. Въ 1723 году правительство издало указъ объ организаціи китоловной компаніи опять-таки при помощи своихъ промышленниковъ и вообще Петръ не отдавалъ сѣверъ въ руки иностранцевъ и всѣми мѣрами поддерживалъ лицъ, желавшихъ принять участіе въ разработкѣ естественныхъ богатствъ Россіи. При такомъ оборотѣ дѣлъ нѣмцы старались подъ тѣмъ или инымъ видомъ проникнуть на промыслы.

Въ китоловную компанію попалъ одинъ нѣмецъ—бранденбургскій купецъ Вернизоберъ — и черезъ нѣсколько времени онъ, желая сдѣлаться монополистомъ китоловнаго дѣла, обратился къ Государю съ прошеніемъ, отдать ему промыслы въ аренду на 15 лѣтъ и Петръ отказалъ ему, мотивируя вредомъ и даже разореніемъ, которое этимъ будетъ причинено русскимъ промышленникамъ (*Оиргсовъ*, цит. соч. стр. 69 — 70). Послѣ смерти Петра уже некому было оберегать русскіе интересы и нѣмцы начинаютъ снова просить о разныхъ привилегіяхъ и понемногу проникать къ промысламъ. Въ 1729 году Небель, потерпѣвшій неудачу при Петрѣ и попавшій потомъ на русскую службу, пытался прибрать къ рукамъ китоловный промыселъ, но встрѣтилъ отказъ только потому, что оказался конкурентомъ болѣе сильнаго лица въ правящихъ сферахъ Вообще же нѣмецкія домогательства встрѣчались правительствомъ очень сочувственно. Нѣмецъ Гартонъ, уполномоченный Небеля, описываетъ свой пріемъ у Остермана по поводу дѣла своего патрона вотъ въ какихъ словахъ: „какъ я присланный проектъ его сіятельству графу Остерману вручилъ, то онъ мнѣ немедленно *и не читавъ онаго*, отвѣтствовалъ: „я бъ тѣмъ (добавимъ, нѣмецкимъ) интересантамъ которые, не требуя никакой государственной суммы, сіе (т. е. русскіе промыслы) въ доброе состояніе привести хотятъ, такую привилегію исходатайствовалъ, *которою они довольны были*“. Вотъ какъ разсуждали нѣмецкіе мастера, послѣ смерти Преобразователя Россіи, умѣвшаго сдерживать ихъ аппетиты, теперь они заботились о томъ, чтобы ихъ земляки-то „довольны были“, а заботы о государственномъ хозяйствѣ были отъ нихъ далеки!

Когда сѣверные промыслы поступили отъ частныхъ кампаній въ казну и въ теченіе нѣкотораго времени содержались ею (съ 1722—1731 г.), нѣмцы стали дѣлаться оптовыми покупателями и комиссіонерами по поставкѣ русскаго сырья на заграничные рынки. Изъ нихъ отмѣтимъ хотя бы гамбургскаго купца Говерса, который имѣлъ ходатая даже въ составѣ бюрократіи, въ лицѣ князя Меньшикова (Сб. Р. И. О. т. 69, стр. 212).

Въ 1730 году, когда правительство снова хотѣло передать промыслы въ частныя руки, конкурентами по эксплоатаціи богатствъ сѣвернаго края явились купецъ А. Евреиновъ и баронъ Шафировъ. Конечно, бюрократъ осилилъ московскаго купца и промыслы остались за Шафировымъ, хотя правда не надолго, до его смерти, а затѣмъ они переходятъ въ полное распоряженіе сак-

сонскаго нѣмца „извѣстнаго“ Шемберга. Послѣдній оказался не только „спеціалистомъ“ горнаго дѣла, но и „талантливымъ“ промышленникомъ, способнымъ усовершенствовать доходныя статьи государственнаго хозяйства. Бѣломорскіе промыслы были лишь цѣннымъ придаткомъ къ захваченнымъ уже горнымъ заводамъ и дѣятельность Шемберга и здѣсь носила такой же характеръ, какъ и въ восточной Россіи. Кромѣ убытковъ государство ничего не получило отъ барона, а все сырье направлялось имъ за границу. Покупателями были нѣмецкія фирмы и въ особенности крупныя операціи вела гамбургская фирма бр. Поппе, получая огромныя барыши. Уже послѣ ареста Шемберга предъявила правительству искъ, жалуясь на понесенные убытки вслѣдствіе прекращенія дѣятельности барона. Суть дѣла заключалась въ томъ, что бр. Поппе, „взирая на высокую привилегію Шембергу, повелѣли своему земляку, жившему въ Россіи, закупить сала, сколько въ 1742 году въ привозѣ будетъ“. Нѣмецкіе купцы даже заплатили ему и 10.000 руб. денегъ впередъ чрезъ своего повѣреннаго Меэра. Изгнаніе Шемберга, происшедшее такъ неожиданно, привело „паче всякаго чаянія“ братьевъ къ убытку и Сенатъ въ царствованіе Елизаветы Петровны долженъ былъ заняться ликвидаціей нѣмецкаго хозяйничанья на сѣверныхъ промыслахъ и, кажется, заплатить убытки гамбургской фирмѣ. (*Өирсовъ*, цит. соч. стр. 115—116).

Вообще дѣятельность нѣмецкихъ выходцевъ во второй четверти XVIII вѣка носила характеръ нападенія грабителей, которые, по павъ на короткое время въ русское государство, спѣшили забрать рѣшительно все, что могло ихъ обогатить, все, что въ промышленности было наиболѣе цѣнное и крупное и что могло попасть къ нимъ въ руки, при попустительствѣ правительства, въ которомъ видныя мѣста занимали ихъ соотечественники.

VII.

Разсмотрѣвъ роль нѣмцевъ въ исторіи русской промышленности до половины XVIII столѣтія, нельзя не притти къ тому заключенію, что культурныя заслуги ихъ предъ Россіей, которыми они такъ кичатся, думая, что они обратили ее въ европейское государство, заслуги, сдѣлавшіяся чуть ли не общепризнаннымъ мнѣніемъ, были на самомъ дѣлѣ ужъ не такъ велики: приносимыя ими техническія знанія покупались дорогою цѣной,—цѣной эксплоатаціи, а подъ часъ и разворенія промышленности. Одной изъ причинъ къ со-

данію взгляда на нѣмцевъ, какъ на насадителей культуры, было одностороннее и неправильное освѣщеніе вопроса, основанное на предвзятомъ мнѣніи и недостаточномъ изученіи историческаго матеріала, а потому до детальнаго и всесторонняго изслѣдованія прошлаго нашей промышленности нужно воздержаться отъ обычнаго и преувеличеннаго признанія за нѣмцами большаго вліянія и на развитіе производительныхъ силъ Россіи. Въ этомъ отношеніи авторитетные изслѣдователи, какъ проф. Довнаръ-Запольскій, совершенно справедливо указываютъ, что значеніе иностраннаго вліянія на русскую промышленность лучше не расширять.

Далѣе. Первоначальное общеніе съ нѣмцами на почвѣ торговаго обмѣна еще въ эпоху самостоятельности Великаго Новгорода доставляло имъ огромныя выгоды и они постепенно усваивали взглядъ на Россію, какъ на поставщицу необходимаго имъ сырья, и этотъ взглядъ сдѣлался своего рода традиціей, а потому въ XVI и XVII вв. нѣмцамъ было очень важно, чтобы Россія не шла по пути экономическаго развитія, чтобы они могли эксплоатировать ее для своихъ цѣлей. Отсюда стремленіе Ганзейскихъ городовъ не допустить иностранныхъ мастеровъ въ Московскую Русь, отсюда ихъ стремленія добиться разрѣшенія торговли съ Москвою послѣ разоренія Грознымъ нѣмецкаго двора въ Новгородѣ, съ тою же цѣлью отправлялся и рядъ посольствъ въ XVII в. (*Мартенсъ*, Трактаты съ Германіей, СПБ. 1880, стр. 76, 82 и др.), для наживы и обогащенія пріѣзжали нѣмцы въ XVII ст. и старались захватить въ свои руки доходныя статьи, основать промышленныя заведенія. На долю русскихъ выпадали лишь крупицы техническихъ знаній, то, чему можно было научиться отъ этихъ людей, смотрѣвшихъ на Россію презрительно, какъ на отсталую, и потому особенно выгодную для нихъ страну. Экономическая отсталость нашего государства была имъ нужна и потому реформы Петра Великаго въ сферѣ промышленности расходились съ нѣмецкими интересами и вызывали въ Германіи желаніе „помочь“ намъ совѣтами въ реформахъ государственнаго управленія, учеными трактатами и мнѣніемъ корифеевъ германской науки, доставкой дѣятелей въ центральныя учрежденія, снабдить насъ фабрикантами и мастерами. Такая предупредительность имѣла въ своей основѣ желаніе проникнуть во всѣ уголки русской жизни, приспособить Петровскую Русь для своихъ выгодъ и цѣлей.

Пока былъ живъ Петръ Великій, онъ старался охранить русскіе интересы отъ нѣмцевъ, сдерживать всякія попытки въ этомъ

направленіи выходцевъ изъ Германіи, но свѣтлый умъ энергичнаго царя-работника усматривалъ и тогда, въ первой четверти XVIII вѣка, желаніе нѣмцевъ задержать развитіе русской промышленности. Въ своемъ указѣ 1723 года онъ опредѣленно высказалъ мысль о томъ, что „прочіе народы сильно завидуютъ намъ и всѣми способами стараются уничтожить фабрики подкупами, какъ много опытовъ было". Позднѣе комиссія о коммерціи констатировала, что гамбуржцы и голландцы чинили всякія препятствія, чтобы мѣшать заведенію фабрикъ въ Россіи (*Өирсовъ*, цит. соч. 69).

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ протекало развитіе промышленности при Петрѣ, который смотрѣлъ на приглашенныхъ иноземцевъ, какъ на временное зло, и надѣялся освободиться отъ нихъ, какъ только Россія сдѣлаетъ успѣхи въ области промышленной техники. Со смертью Петра спали сдерживающія узы и нѣмцамъ, пробравшимся и въ составъ правившей бюрократіи, и въ центральныя учрежденія, и въ хозяева фабрикъ и заводовъ, и въ мастера промышленныхъ предпріятій открылся полный просторъ для устройства личныхъ дѣлъ, для обогащенія, для эксплоатаціи.

Молодое, хилое деревцо русской промышленности, выросшее подъ стекляннымъ колпакомъ государственной опеки, въ оранжереѣ Петровскаго меркантилизма, было предоставлено теперь въ полное и безконтрольное хозяйничанье нѣмцевъ. Они спѣшили занять почти всѣ вѣтви этого деревца и тянуть изъ нихъ соки и особенное вниманіе было оказано наиболѣе крупнымъ и выгоднымъ. Ко взгляду на Россію, какъ на рынокъ дешеваго сырья, присоединился теперь новый взглядъ, какъ на страну, гдѣ можно было быстро и легко нажиться. Послѣ Петра и до царствованія Елизаветы Петровны Россія была сборнымъ мѣстомъ ловкихъ дѣльцовъ, которымъ на родинѣ не давали ходу тѣ или иныя условія. Весь этотъ нѣмецкій сбродъ ютился въ Россіи, окружалъ русскій тронъ, пристраивался при помощи своихъ замляковъ къ теплымъ мѣстечкамъ и старался прибрать къ своимъ рукамъ ту или иную отрасль производства. Лишь благодаря тому, что ходъ экономическаго развитія шелъ, хотя и медленно, съ задержками, впередъ, благодаря жизненнымъ силамъ народа, благодаря огромному запасу естественныхъ богатствъ, русской промышленности удалось пережить эту тяжелую и мрачную страницу своего прошлаго.

Посмотримъ теперь на типъ нѣмца, выработавшійся въ исторіи отечественнаго производства еще въ первой половинѣ XVIII ст.

Если въ Петровскую эпоху можно было видѣть нѣмца-мастера, спеціалиста-техника, который за деньги служилъ Россіи, нѣмца-наемника, работавшаго изъ-за личныхъ выгодъ, то во второй четверти XVIII столѣтія нѣмецкій мастеръ превратился въ нѣмца-эксплоататора. Дѣйствительно, перечисляя всѣхъ выходцевъ изъ Германіи, находившихся на поприщѣ промышленности и объективно оцѣнивая ихъ дѣятельность, можно указать только лишь одного Де-Геннина, который былъ и остался настоящимъ мастеромъ Петровскихъ временъ, который въ своей дѣятельности имѣлъ въ виду и государственную пользу, всѣ же остальные, начиная съ представителей бюрократіи и чиновъ коллегій, кончая рядовымъ работникомъ, видѣли главную цѣль пребыванія въ Россіи въ возможно бо́льшей эксплоатаціи промышленныхъ предпріятій, въ наживѣ и благополучномъ возвращеніи на родину.

По мѣткому и о́бразному выраженію одного современника нѣмцы, точно комары, сосали кровь изъ русскаго народа и потомъ улетали въ свои края.

Проходило время, мѣнялись вѣка, а типъ нѣмца-дѣятеля нашей промышленности былъ и остался все тѣмъ же типомъ эксплоататора... И теперь во время борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ пусть историческое прошлое напомнитъ всѣмъ, кѣмъ были нѣмцы для Россіи и чѣмъ обязаны мы имъ за минувшіе вѣка, а народъ не забудетъ сковывавшаго нашу промышленность нѣмецкаго ига и при единеніи и дружной, усиленной работѣ, съумѣетъ покончить разъ навсегда „съ многоголовой нѣмецкой змѣей, которая опутала насъ сверху и снизу, снаружи и внутри“.

А. Вершинскій.

Май, 1915 года.

Нѣмецкая антикультура въ Прибалтійскомъ краѣ.

I.

Горсть нѣмцевъ, осѣвшая въ Прибалтійскомъ краѣ съ 13 го вѣка среди массы коренного населенія (латышей и эстовъ), все время занимала и донынѣ занимаетъ тамъ привилегированное положеніе. Не такъ давно почти вся земля принадлежала имъ, нынѣ еще —около половины всей земли, экономическая и политическая сила въ деревнѣ и въ городахъ и многое другое, о чемъ рѣчь будетъ ниже, въ ихъ рукахъ. За 700 лѣтъ эти нѣмецкіе выходцы, конечно, много поработали въ свою пользу и накопили много богатствъ. Они имѣли доступъ ко всѣмъ видамъ образованія. Естественно, что для своего узкаго круга и въ его духѣ выработалась у нихъ извѣстная старая культура, опредѣленныя традиціи, общественная дисциплина и т. д., при чемъ все это пропитано нѣмецкимъ національнымъ цементомъ. Этой узко-сословной и нѣмецко-національной культуры для себя—за Прибалтійскими нѣмцами никто не отрицаетъ и отрицать не можетъ.

Другое совсѣмъ дѣло, если нѣмецкое культуртрегерство разсматривать съ точки зрѣнія культурнаго развитія всего края и громаднаго большинства его населенія—коренной массы латышей и эстовъ, а также съ точки зрѣнія пользы всего государства. Съ этой основной и единственно исторически правильной точки зрѣнія вся исторія края, а также современная политика Прибалтійскаго нѣмечества должна быть признана по преимуществу *антикультурой*, отрицаніемъ культуры и борьбой противъ нея. А такъ какъ это нѣмечество постоянно твердитъ о своей культурной мис-

сіи не только въ Прибалтикѣ, но и во всей Россіи, то противъ этого слѣдуетъ энергически протестовать и разоблачать узко эгоистическій, сословный и шовинисткій характеръ нѣмецкой „культурной миссіи".

Настоящая великая война, захватившая въ районъ своихъ дѣйствій и часть Прибалтійскаго края (остальная часть его—ближній тылъ), въ числѣ многихъ другихъ вопросовъ поставила на очередь и Прибалтійскій вопросъ и, въ частности вопросъ о Прибалтійскомъ нѣмечествѣ. Къ сожалѣнію, въ русское общество проникаетъ мало свѣдѣній объ истинномъ положеніи нѣмецкаго вопроса въ Прибалтикѣ, въ связи съ освѣщеніемъ роли и положенія двухъ основныхъ національностей края—латышей и эстовъ, населяющихъ его съ незапамятныхъ временъ. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ существу этихъ очерковъ, не будетъ излишнимъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, что изъ себя представляютъ Прибалтійскіе нѣмцы по своему численному и соціальному составу, въ связи съ таковыми же данными о другихъ національностяхъ края. Только при наличности такихъ данныхъ можно составить себѣ надлежащую перспективу для характеристики Прибалтійскаго нѣмечества.

Несмотря на довольно обширную литературу о Прибалтійскомъ краѣ на латышскомъ, эстонскомъ и нѣмецкомъ а отчасти и на русскомъ языкѣ—въ ней до сихъ поръ не было исчерпывающей соціальной группировки населенія края по національностямъ и національной группировки по соціальнымъ группамъ. Недостатокъ этотъ восполненъ въ поучительной книгѣ „Прибалтійскіе нѣмцы" *) Г. И. Вираба, въ которой приводятся основныя статистическія данныя основанныя на всеобщей переписи 1897 г. и на нѣкоторыхъ новѣйшихъ частичныхъ переписяхъ. Здѣсь мы приводимъ его выводы.

По даннымъ всероссійской переписи 1897 года (несомнѣнно, частью устарѣвшимъ, но все же дающимъ извѣстную основную картину соотношеній, которыя старѣютъ медленнѣе, чѣмъ абсолютныя количества)—получается слѣдующая картина распредѣленія населенія трехъ Прибалтійскихъ губерній по національностямъ:

---

*) Юрьевъ, 1916.

	Курляндская губернія (%).	Лифляндская губернія (%).	Эстляндская губернія (%).	Всего (%).
Русскіе . .	37,956(5,63)	68,282(5,25)	20,865(5,05)	127,103 (5,33)
Поляки . .	19,676(2 92)	15,103(1,16)	1,237(0,30)	36,016 (1,51)
Литовцы.	16,526(2,45)	6,581(0 51)	68(0,02)	23,175 (0,97)
Латыши. .	505,544 75 00)	563,789(43,40)	472(0,11)	1,069,805 (81,93)
Эсты . . .	620(0,09)	518,509 39,91)	365,958(88,67)	885,147
Нѣмцы . .	38,326(5,68)	93,984(7.23)	15,915(3,86)	148,225 (6,21)
Евреи . .	51,171(7,59	29,765(2,29)	1,430(0,35)	82,366 (3,45)
Шведы .	87(0,01)	424(0,03)	5,768(1,40)	6,279 (0,26)
Проч. иностран. .	4,128(0,63)	2,868(0,22)	1,003(0,24)	7,999 (0,34)
ВСЕГО . .	674,034 (100)	1,299,365 (100)	412,716 (100)	2,386,115 (100)

Такимъ образомъ коренное населеніе края, латыши и эсты, по переписи 1897 года составляютъ 81,93% или свыше $^4/_5$ всего населенія края. Въ Курляндской губерніи, болѣе всего пострадавшей отъ нынѣшней войны, это коренное населеніе представлено латышами, которыхъ тамъ 75% или $^3/_4$ всего населенія губерніи, и которые теперь въ большинствѣ своемъ разсѣяны бѣженской волной по всей Россіи вплоть до восточной Сибири. Можно по одному этому представить себѣ, какой это ударъ для латышей, какъ націи, не говоря уже объ экономической разрухѣ! По имѣющимся свѣдѣніямъ и косвеннымъ указаніямъ, нѣмцы почти всѣ остались въ Курляндіи на мѣстѣ, не исключая даже такого офиціальнаго учрежденія, какъ Курляндская еванг.-лютеранская духовная консисторія, бывшая всецѣло въ нѣмецкихъ рукахъ.

Въ Лифляндской губ. коренное населеніе состоитъ изъ латышей и эстовъ, составляющихъ вмѣстѣ 83,31% или болѣе $^4/_5$ населенія губерніи. Наиболѣе однородное населеніе въ Эстляндской губ., гдѣ эсты составляютъ 88,67%, т.-е. почти $^9/_9$ всѣхъ жителей губерніи.

По приведенной таблицѣ нѣмцевъ въ Курляндской губ. 5,68% или около $^1/_{18}$, въ Лифляндской губ.—7,23% или около $^1/_{14}$ и въ Эстляндской губ.—3,86% или около $^1/_{26}$ всѣхъ жителей губерніи. Во всемъ же краѣ процентъ нѣмцевъ составляетъ всего лишь 6,21% или около $^1/_{16}$ всѣхъ жителей края! Въ настоящее время этотъ процентъ нѣмцевъ въ лучшемъ случаѣ стоитъ на томъ же уровнѣ, а вѣрнѣе всего—еще меньше, если судить по переписи Риги 1913 года.

Если же это такъ, если нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ всего менѣе полутораста тысячъ; если изъ коренныхъ жителей края, имѣющихъ свою сравнительно высокую культуру и обширную интеллигенцію, однихъ латышей противостоитъ нѣмцамъ въ послѣднее время около $1^1/_4$ милліоновъ (*всѣхъ латышей, живущихъ* компактной осѣдлой массой, включая и Летголу, т.-е. 3 уѣзда— Двинскій, Рѣжицкій и Люцинскій—Витебской губ., *нынѣ около* $1^3/_4$ *милліоновъ*), то почему же все-таки нѣмцамъ удавалось и удается до сихъ поръ играть такую крупную роль въ Прибалтійскомъ краѣ, вплоть до того, что широкая публика въ Россіи и даже часть русской интеллигенціи до сихъ поръ еще и весь-то край считаютъ „нѣмецкимъ"?

Причинъ тому много. Въ основѣ всѣхъ причинъ лежитъ прежде всего исторія края и соціально-экономическое положеніе въ немъ нѣмцевъ. Со времени завоеванія края нѣмецкими колонистами изъ нынѣшней Германіи въ 13 вѣкѣ и до половины 19-го столѣтія нѣмцы безраздѣльно господствовали въ краѣ, имъ принадлежала почти вся земля, они занимали командующее и монопольное положеніе въ городахъ, словомъ всецѣло владѣли экономическими и политическими позиціями въ краѣ, къ тому же — съ истинно нѣмецкимъ фанатизмомъ все и вся окрашивая въ нѣмецкіе націоналистическіе цвѣта, какъ будто коренного населенія тамъ и не бывало. Во время русскаго владычества краемъ высшія государственныя должности въ немъ—не говоря уже о низшихъ и среднихъ—занимались почти исключительно нѣмецкими дворянами, а господствовалъ всюду нѣмецкій языкъ. Только за послѣднія 25 лѣтъ началось усиленіе русскаго вліянія на управленіе краемъ и на его духовную жизнь.

Конечно, прибалтійткое нѣмечество обидѣлось на русскія „притѣсненія", но вынуждено было скрывать свое недовольство. Теперь же русскій „варварскій режимъ" критикуется безъ стѣсненій Курляндскимъ дворяниномъ, владѣльцемъ Курмаленскаго имѣнія, Курл. губ., Сильвіо фонъ Бредрихомъ, въ берлинскихъ газетахъ и брошюрахъ.

Коренное же населеніе края—латыши и эсты—за всѣ $6^1/_2$ вѣковъ безраздѣльнаго нѣмецкаго господства, до середины 19 столѣтія, оставалось въ безправномъ положеніи рабовъ—крестьянъ, не имѣя, конечно, абсолютно никакого вліянія на управленіе краемъ ни съ экономической, ни съ политической, ни съ культурной стороны. Латышскій и эстонскій языки открыто презирались нѣм-

цами, а самихъ латышей и эстовъ они считали (и считаютъ, такъ же какъ и всѣхъ „не нѣмцевъ", въ томъ числѣ и русскихъ) низшими расами, неспособными къ самостоятельной культурѣ. „Ein gebildeter Lette ist ein Unding" (образованный латышъ—это нелѣпость) провозглашалъ еще въ 1870 г. въ газетѣ „Zeitung für Stadt und Land" вліятельный нѣмецко-балтійскій публицистъ, при дружной поддержкѣ всей своей аудиторіи. Это означало: если латышъ (или эстонецъ) и достигъ высшаго образованія, то онъ тѣмъ самымъ превращается въ нѣмца (все обученіе въ краѣ тогда было нѣмецкое, не исключая и высшаго образованія въ Дерптскомъ—нынѣ Юрьевскомъ университетѣ) и выходитъ изъ рядовъ своего народа. — Конечно, какъ только латышское и эстонское крестьянство поднялось на извѣстную ступень матеріальнаго благосостоянія и положило основу латышской и эстонской городской буржуазіи, появилась у нихъ и своя національная интеллигенція, которая стала во главѣ упорной борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ и за свою національную культуру и за права родного языка. Началось это движеніе въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія; оно все ширилось и росло, параллельно съ поразительнымъ подъемомъ всей матеріальной и духовной культуры воспрянувшихъ отъ вѣкового гнета двухъ маленькихъ народовъ, и не прекращается и по сей день. Хотя за послѣднія 50 лѣтъ быстраго роста латышская и эстонская экономическая и духовная культура развилась и расширилась до неузнаваемости, однако и вѣковой противникъ—сплоченное, экономически сильное и національно по прежнему непримиримое и несносно-высокомѣрное нѣмечество—этотъ старый противникъ все еще очень силенъ. Силенъ не только тѣмъ, что у него есть, но и властными вліяніями извнѣ и во-внѣ. Онъ по прежнему сѣетъ всюду незримо и неуловимо легенду о томъ, чего давно уже нѣтъ и въ поминѣ,—что вся Прибалтійская культура есть культура нѣмецкая и плодъ нѣмецкихъ рукъ и усилій! Объ этомъ даже съ трибуны Государственной Думы еще въ 1913 году невозмутимо твердилъ Курляндскій депутатъ баронъ Фелькерзамъ.

Произведшая сильное впечатлѣніе у всѣхъ клятвенная рѣчь Курляндскаго депутата латыша Я. Ю. Гольдмана въ памятномъ засѣданіи Государственной Думы 26 іюля 1914 года, дышавшая такой ненавистью къ „вильгельмизму" и вся пропитанная запахомъ крови, захлестывающей берлинскаго тирана—явилась отраженіемъ настроенія пославшаго его народа.

Культурность и сравнительное благосостояніе широкихъ массъ

коренного населенія, Прибалтійскаго края, созданы трудомъ его вопреки упорному противодѣйствію нѣмецкаго правящаго меньшинства, особенно мѣстнаго дворянства; не благодаря, какъ говорилъ баронъ Фелькерзамъ, а именно вопреки, ниже это будетъ пояснено подробнѣе. Правящее и экономически сильное нѣмецкое меньшинство всегда смѣшивало свое экономическое и политическое преобладаніе съ культурнымъ—что явно неправильно.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ вышеуказанной рубрикѣ переписи населенія въ Прибалтикѣ подъ названіемъ „прочіе и иностранцы“ около двухъ третей составляютъ лица германскаго подданства (конечно, нѣмецкой національности), съ небольшой примѣсью австрійскихъ нѣмцевъ. Изъ этихъ иностранныхъ нѣмцевъ большинство были горожане (между прочимъ, предпріятія ихъ донынѣ все еще „ликвидируются“ въ незанятой германцами части Прибалтики, при чемъ лишь весной 1916 года на мѣсто ликвидаторовъ прибалтійскихъ нѣмцевъ были поставлены менѣе родственныя лица); не мало было иностранныхъ нѣмцевъ—преимущественно пруссаковъ—разными управляющими имѣній, лѣсничими, таксаторами-землемѣрами и т. п., изъ коихъ многіе незадолго до объявленія войны куда-то „безъ вѣсти пропали“; при занятіи нѣмцами Курляндіи, въ 1915 году, мѣстные жители въ нѣсколькихъ мѣстахъ среди германскихъ солдатъ и лейтенантовъ узнали—старыхъ знакомыхъ, служившихъ недавно въ мѣстныхъ имѣніяхъ.

Поучительны данныя о соціальномъ составѣ каждой изъ главныхъ національностей Прибалтійскаго края: русскихъ, латышей, эстовъ и нѣмцевъ: они иллюстрируютъ соціально-экономическое преобладаніе нѣмцевъ въ краѣ, ихъ сравнительную однородность, сплоченность и вытекающую отсюда силу (засилье).

Латыши и эсты въ Приб. краѣ состоятъ преимущественно изъ земледѣльцевъ: изъ латышей (по даннымъ 1897 года) 79,03%, а изъ эстовъ—86,73%. Городской классъ у латышей составляетъ около $^1/_5$ всего ихъ числа, а у эстовъ—$^1/_8$. Лицъ высшаго класса пока среди нихъ мало—соотв. 0,0017% и 0,0014%. Это по даннымъ 1897 года. Нынѣ эти соотношенія, навѣрное, сильно измѣнились: городской классъ увеличился за счетъ земледѣльцевъ, а число лицъ высшаго сословія возросло, въ связи съ быстрымъ ростомъ экономическаго значенія сихъ національностей.

Изъ *русскихъ* больше половины состоитъ изъ лицъ городского класса. Къ высшему классу относится по даннымъ 1897 года около 10% всѣхъ русскихъ края: это, повидимому, главнымъ об-

разомъ чиновники. Земледѣльцевъ среди русскихъ около $^1/_4$ (больше всего ихъ въ Иллукстскомъ уѣздѣ, Курл. губ., вклинивающемся въ Витебскую и Ковенскую губ.). Въ послѣднее время, въ виду колонизаціонныхъ попытокъ, ихъ навѣрное будетъ больше. Особенно возросло число русскихъ рабочихъ въ Ригѣ, а также число русскихъ служащихъ—низшихъ и среднихъ—на жел. дорогахъ, въ почтѣ, въ полиціи и др. правительственныхъ учрежденіяхъ, за счетъ вытѣсняемыхъ оттуда, въ виду волны націонализма, мѣстныхъ уроженцевъ, не-русскихъ. Процентный составъ высшаго класса русской національности (чиновниковъ) въ настоящее время тоже долженъ быть значительно выше чѣмъ въ 1897 году.

Среди прибалтійскихъ *нѣмцевъ*, по тѣмъ же даннымъ 1897 г., число земледѣльцевъ съ ихъ семьями (т.-е. лицъ, фактически занимающихся земледѣльческимъ трудомъ, такъ какъ помѣстные дворяне причисляемы нами къ высшему классу),—составляетъ лишь всего 5% или $^1/_{20}$ всѣхъ нѣмцевъ*). Нѣмцы-горожане (городской классъ изъ купцовъ и мѣщанъ по званію) составляютъ 67,57% или около $^7/_{10}$ всѣхъ прибалт. нѣмцевъ, при чемъ, какъ уже указано выше, во всемъ вообще городскомъ классѣ нѣмцы составляютъ болѣе зажиточные и экономически сильные слои его.

Наконецъ, очень силенъ среди нѣмцевъ высшій классъ (въ томъ числѣ большинство—дворяне)—въ среднемъ около 20% или $^1/_5$ всѣхъ прибалт. нѣмцевъ. Вмѣстѣ съ горожанами—тоже по преимуществу экономически сильными—это составитъ около 90% или $^9/_{10}$ всѣхъ прибалт. нѣмцевъ. Такимъ образомъ, прибалтійское нѣмечество почти сплошь состоитъ изъ элементовъ, сильныхъ экономически (почти всѣ имѣнія края, многія городскія недвижимости, торговыя и промышленныя предпріятія, выгодныя должности, либеральныя профессіи и т. д.) и не менѣе сильныхъ политически (дворянскіе ландтаги, вѣдающіе также и земскимъ хозяйствомъ, городскія самоуправленія, все церковное управленіе края, школьный надзоръ.

Въ настоящее же время нѣмецкое бюргерство покорно идетъ въ поводу у всесильнаго руководящаго дворянства. Реакціонная и шовинистская идеологія Прибалтійскаго дворянства—выученика прусскаго юнкерства—покорно воспринята и бюргерствомъ.

---

*) Ихъ было бы гораздо меньше, если бы не было особой Гиртенгофской нѣмецкой колоніи, съ давнихъ временъ, недалеко отъ Крейцбурга—тѣхъ самыхъ, коихъ нынѣ выселили.

Проводится она въ прессѣ общими для дворянства и бюргерства нѣмецкими „литератами“, среди коихъ либеральнаго публициста и съ огнемъ не сыщешь. Высшій классъ, во главѣ съ дворянствомъ, опредѣляетъ политическіе взгляды всего прибалтійскаго нѣмечества, равно какъ и неизмѣнно непримиримое и высокомѣрное отношеніе этого нѣмечества къ коренному населенію края.

Въ разноплеменномъ и разноязычномъ государствѣ если и есть національные антагонизмы, то обыкновенно въ томъ смыслѣ, что какая-либо національность, приписывающая себѣ главную или державную роль, обижаетъ какую-нибудь меньшую національность, напр. венгры румынъ и сербовъ, поляки въ Галиціи русинъ, нѣмцы въ Австріи чеховъ, нѣмцы въ Пруссіи поляковъ. Въ Россіи, напр., нигдѣ нельзя говорить объ угнетеніи русскихъ какою-либо меньшей національностью, это было бы „противорѣчіемъ въ самомъ себѣ“. Ибо малую національность въ морѣ большой—трудно мыслить угнетательницей. Но совершенно исключительное положеніе занимаютъ прибалтійскіе нѣмцы: ихъ всего тамъ около 150 тысячъ, 5 съ лишнимъ проц., а они умудрились создать „засилье“, насолить всѣмъ другимъ національностямъ края; они поставили себя такъ, что отъ нихъ приходится отбиваться, какъ отъ сильнаго противника! Они—нѣчто въ родѣ государства въ государствѣ, какъ бы „державная нація“ края, которая другихъ только терпитъ. Вопросъ этотъ глубоко своеобразенъ. Соціальный и національный элементы, вкупѣ съ особенностями нѣмецкаго духа, создали трудную задачу для ихъ правильнаго уразумѣнія непосвященному. Взять хотя бы поразительный фактъ, что *все* это нѣмечество, безъ различія соціальныхъ положеній сплоченно и упорно слѣдуетъ однимъ и тѣмъ же лозунгамъ во всѣхъ вопросахъ общественности—по указкѣ дворянства (юнкерства). На общихъ дедукціяхъ съ принципіальныхъ высотъ тутъ далеко не уѣдешь. Пора и русскому обществу больше вникать въ эти вопросы края. Между тѣмъ, иногда какъ бы боятся, что это просто „мѣстный націонализмъ“, и что поэтому—стоитъ ли „вмѣшиваться“. Это глубоко невѣрно. Это вовсе не вопросъ только на національную тему. Это—нѣчто неизмѣримо большее.

Только въ „Новомъ“ и „Вечернемъ Времени“, было обращено вниманіе на разсужденія германскихъ руководящихъ круговъ о мотивахъ аннексіи Курляндіи—разсужденія, въ которыхъ застрѣльщиками являются переселившіе въ германское подданство прибалтійскіе нѣмцы, а также нѣкоторые предатели изъ Курляндскихъ

нѣмцевъ, еще не успѣвшіе отрясти прахъ русскаго подданства съ ногъ своихъ. Часть этихъ „разсуждающихъ“ находятъ, что лучше, пожалуй, оставить Курляндію Россіи, въ виду той роли, которую съ пользой для „родной“ Германіи играли русскіе бюрократы изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, соотвѣтственно вліяя на политику Россіи: чтобы и впредь оттуда, изъ Прибалтики, поставлялись такіе бюрократы на вліятельные посты въ Россіи. Не даромъ сами же балты характеризовали когда-то свою реакціонную роль въ Россіи изреченіемъ, блещущимъ всей прусской грубостью и откровенностью: „Wir sind die Mameluckеn im Lande!“ (Мы—мамелюки въ странѣ)—нѣчто въ родѣ наемныхъ кондотьеровъ средневѣковья. Разсужденія эти проливаютъ столь интересный свѣтъ на роль прибалтійскихъ и всякихъ иныхъ нѣмцевъ въ Россіи, что, казалось бы, хоть теперь настала пора заняться и Прибалтійской проблемой, въ сущности, важнѣйшей въ окраинномъ вопросѣ въ Россіи, послѣ проблемы польской.

Пробужденію интереса въ русскомъ обществѣ къ этому своеобразному и многострадальному краю и къ его подлиннымъ нуждамъ посвящены эти бѣглые, не претендующіе на систематичность очерки.

II.

Изъ вышеизложеннаго уже видно, что та культурная дифференціація по соціально-экономическому положенію и образованію, которая присуща всѣмъ культурнымъ народамъ міра, съ особенной силой проявилась у народностей, населяющихъ Прибалтійскій край. Если же имѣть въ виду, что коренное населеніе—эсты и латыши—лишь за послѣднія 50—60 лѣтъ могли пользоваться свободнымъ трудомъ и заняться своимъ культурнымъ строительствомъ, то нынѣшній сравнительно высокій уровень ихъ культуры долженъ свидѣтельствовать о безспорной культуро- и жизнеспособности этихъ націй.

Между тѣмъ Прибалтійское нѣмечество, въ лицѣ своихъ руководящихъ круговъ, всегда прилагало всяческія усилія, чтобы выставить себя, нѣмцевъ, единственными носителями и творцами прибалтійской культуры, которую они и именуютъ именно *нѣмецкой* культурой. То же самое они продолжаютъ и теперь, и не только въ Россіи, но и за-границей, особенно же въ Германіи. Въ этомъ

нѣмецкомъ освѣщеніи и до сихъ поръ коренное населеніе края третируется свысока, какъ „наши мужики“ (unsere Bauern). Постоянно дается понять, что это—„низшая раса“. Впрочемъ, за время нынѣшней войны выяснилось, что нѣмцы всего міра, во главѣ съ германцами, считаютъ весь міръ, кромѣ нѣмцевъ, „низшей расой“.

При той поразительной неосвѣдомленности, которая замѣчается въ Россіи относительно этнографическаго состава ея окраинъ и вообще окраинной культуры, во время оно прибалтійскимъ нѣмцамъ было легко распространять свои легенды о коренныхъ жителяхъ края. Особенно же эти превратныя свѣдѣнія преподносились „кому надлежитъ“ въ Петроградѣ, тогда еще Петербургѣ, при помощи пресловутыхъ баронскихъ связей и закулисныхъ вліяній. Теперь, благодаря раскрывшей многое военной грозѣ, это стало нѣсколько труднѣе, такъ какъ волею судебъ Прибалтійскій край сдѣлался ареной войны и ближнимъ тыломъ, и многое въ немъ стало яснымъ и явнымъ.

Что такое представляютъ изъ себя народы т. н. финскаго племени, къ которому принадлежатъ и населяющіе часть Прибалтійскаго края эсты, это обыкновенно сравнительно хорошо извѣстно т. н. „широкой публикѣ“. А откуда взялись и что изъ себя представляютъ латыши, болѣе многочисленная изъ двухъ коренныхъ національностей Прибалтійскаго края, это обыкновенно остается неизвѣстнымъ той же „широкой публикѣ“, и ходячее мнѣніе причисляетъ ихъ вообще къ „чухнамъ“—собирательное имя съ пренебрежительнымъ оттѣнкомъ для всѣхъ нерусскихъ народностей на побережьѣ Рижскаго и Финскаго заливовъ. А то еще смѣшиваютъ ихъ съ нѣмцами („вѣдь это—одно и тоже“, говоритъ средній обыватель: „вѣра у нихъ всѣхъ лютеранская“). Какъ-то пришлось прочесть въ одной латышской газетѣ повѣсть двухъ латышей-интеллигентовъ о томъ, какъ имъ въ концѣ концовъ пришлось уѣхать изъ облюбованаго города на Кавказѣ изъ-за приставанія къ нимъ, какъ къ „нѣмцамъ“. Пуцыковичъ въ своемъ начальномъ учебникѣ географіи прямо поучалъ, что латыши—это пастушескій народъ, питающійся, кромѣ мяса, еще ягодами и грибами, и тамъ же помѣстилъ и изображеніе „латыша“ съ длиннѣйшими космами волосъ и бороды, одѣтаго не то въ звѣриную шкуру, не то въ рубище. Приблизительно въ такомъ же духѣ аттестуютъ латышей въ Германіи и наши „соотечественники“—прибалтійскіе нѣмецкіе „литераты“, иногда еще добавляя, что по

существу это—разбойники, и что, молъ, страшно трудно бороться за „нѣмецкое дѣло“ и „нѣмецкую культуру“ при наличіи въ краѣ такой „низшей расы“.

Среди народовъ индо-европейской семьи—именуемой нѣмецкими учеными, конечно, „индо-германской“—есть группа балтскихъ (или летско-балтскихъ) народовъ, главными представителями которой являлись древніе пруссы, литовцы и латыши. Пруссы давно уже вымерли, также какъ нѣкоторыя болѣе мелкія народности этой группы. Истребили пруссовъ, также какъ балтійскихъ славянъ, тѣ же германцы, занявъ ихъ прародину, нынѣшнюю Пруссію. Уцѣлѣвшіе два народа этой древней группы—литовцы и латыши—нынѣ нерѣдко такъ и именуются „литовско-латышской“ группой или даже племенемъ. Уже во времена Тацита эти народы занимались земледѣліемъ, а ко времени нашествія нѣмцевъ въ Прибалтійскій край—тогдашнюю Ливонію—тамъ была уже сравнительно высокая своя культура. На мѣстѣ ея „культуртрегеры“ живо „наладили“ крѣпостное рабство, которое фактически прекратилось только въ серединѣ прошлаго столѣтія.

Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ литовско-латышской старины, профессоръ Владивостокскаго Восточнаго Института П. Шмидтъ справедливо приписываетъ балтійскимъ народамъ знаменательную роль въ судьбахъ созданія единаго русскаго государства. Когда германцы послѣ долгой борьбы окончательно поработили, а затѣмъ и истребили западныхъ (балтійскихъ) славянъ, они въ своемъ стремленіи на Востокъ наткнулись на вышеупомянутые балтскіе народы, въ борьбѣ съ коими ушло много столѣтій (самое мощное и долгое сопротивленіе оказали древніе пруссы). Такимъ образомъ, балтскіе народы сыграли роль щита для русскихъ, принявшаго волею судебъ на себя тевтонскіе удары*). Въ то время Русь боролась съ татарами, и безъ защиты барьера изъ балтскихъ народовъ русскіе находились бы межъ двухъ огней. Тѣснимые не только татарами, но и германцами, русскіе не могли бы распространиться столь далеко и широко и основать единое государство. Слѣдовательно, въ утвержденіи Великой Россіи балтскіе народы

*) Мы не можемъ въ этомъ согласиться съ авторомъ—меченосцы поработили эстовъ и латышей, „щитомъ“ для русскихъ они быть не могли, м. б. только ослабили ударъ—щитомъ же и мечемъ противъ нѣмецкаго нашествія явился Господинъ Великій Новгородъ, долго и побѣдоносно отстаивавшій отъ западныхъ притязаній русскія земли.
Редакція.

сыграли огромную историческую роль. Въ этой великой борьбѣ народовъ погибли пруссы, голядь или галиндиты, ятвяги, курши, земгальцы, селійцы и др., между тѣмъ какъ литовцы и латыши выжили и перенесли всѣ ужасы. Литовцы даже, какъ всѣмъ извѣстно, основали сильное государство.

Прошлое и настоящее латышскаго народа сплошная борьба съ нѣмецкимъ засильемъ. Отбиваясь отъ своего „внутренняго нѣмца"—прибалтійскаго нѣмецкаго засилья, латышская интеллигенція понимала, а народъ историческимъ чутьемъ угадывалъ, что питающіе корни этого внутренняго германизма восходятъ въ исторію и простираются въ германизмъ внѣшній – германское всенѣмечество.

Борьба съ Германіей въ нынѣшнюю великую войну, между прочимъ, понимается народомъ, какъ борьба съ историческимъ врагомъ не только славянства, но и „литовско-латышской группы". Было бы неправильно объяснять особый энтузіазмъ латышей въ этой войнѣ только чисто мѣстными впечатлѣніями отъ непріязненной „нѣмецкой сущности": корни этого энтузіазма, какъ мы видѣли, гораздо шире, глубже и исторически обоснованнѣе. Когда будетъ сокрушенъ германскій милитаризмъ и сломлена германская надменность и грубая сила, словомъ, когда историческій тевтонъ будетъ укрощенъ и призванъ къ порядку—тогда будетъ обуздана и несносная гордыня, заносчивость и непримиримость съ „нисшими расами" и у прибалтійскихъ нѣмцевъ. Можетъ быть тогда они попросятъ соціальнаго мира и сотрудничества и у себя дома—у другихъ національностей Прибалтійскаго края. Тѣмъ болѣе, что внѣ этого пути для нихъ нѣтъ и не можетъ быть спасенія въ новой, возрожденной, свободной отъ германскаго засилья Россіи. До сихъ же поръ они неизмѣнно и безъ исключеній отвергали и демонстративно презирали, даже ненавидѣли этотъ путь.

III.

Оставивъ по военнымъ обстоятельствамъ свой родной городъ Ригу и пріѣхавъ лѣтомъ 1915 года въ Москву, я удивился, почему это во второй столицѣ Россіи нигдѣ не видно русской аристократіи? Между прочимъ, почему здѣсь ни на улицѣ, ни въ другихъ публичныхъ мѣстахъ никакъ не удается увидѣть русскаго дворянина—крупнаго землевладѣльца, помѣщика? Гдѣ же, наконецъ, осіянные сознаніемъ своей важности отцы города Москвы

и московская духовная и денежная аристократія? Вѣдь ихъ всѣхъ въ Москвѣ должно быть гораздо больше, чѣмъ въ Ригѣ!? Конечно, сплошь да рядомъ встрѣчалъ я въ Москвѣ людей, которые, судя по всему, высокообразованы и богаты. Но они среди прочей публики не держатъ себя, какъ повелители и зевсы, ничѣмъ не даютъ знать, что въ ихъ рукахъ та или иная власть и сила.

Прежде всего они—просто люди и въ обществѣ не требуютъ по отношенію къ себѣ больше уваженія и вниманія, чѣмъ вообще человѣкъ обязанъ человѣку.

Въ Ригѣ же и вообще въ Прибалтійскомъ краѣ этихъ сильныхъ міра (а также воображающихъ себя сильными и „высшими“) можно было узнать сразу, уже издалека. Сразу можно было узнать помѣщика-барона, отца города (штадтъ-рата) изъ нѣмецкихъ патриціевъ, нѣмецкаго капиталиста, нѣмецкаго „литерата“ и даже нѣмецкаго интеллигента, осіяннаго той или иной служ-бой у важныхъ сородичей. Всѣхъ ихъ можно узнать по походкѣ, по выраженію лица, по тому, какъ они взираютъ на „толпу“ „не-нѣмцевъ“ (Plebs!), по шествію ихъ среди этой „толпы“, какъ будто они ходятъ не среди людей, а среди грязныхъ животныхъ, гдѣ малѣйшее прикосновеніе можетъ осквернить. Какъ индійскій браминъ, этотъ представитель „избранной расы“ съ брезгливой миной ждетъ, чтобы „не-нѣмецъ“ далъ ему дорогу.

„Мы—и вы! Сперва мы—потомъ, быть можетъ, и вы!“—это выраженіе и осуществленіе надменности, высокомѣрія, привиллегированнаго положенія среди „массы“, это искусство на всякаго изъ иного круга смотрѣть свысока, говорить свысока и соотвѣтственно держать себя въ личной и общественной жизни,—это есть особая виртуозность, въ которой Прибалтійское привиллегированное нѣмечество, пожалуй, не знаетъ себѣ соперниковъ нигдѣ.

Было бы ошибочно думать, что привиллегіями пользовался и пользуется въ Прибалтикѣ только баронъ и фонъ: ими пользовался и отчасти пользуется и нѣмецкій бюргеръ. Тѣмъ болѣе, если припомнить, что, кромѣ юридическихъ привиллегій, существуютъ и чисто фактическія, за которыя у нихъ принято цѣпко держаться. Это испытали не только коренные жители края, но и русскіе.

Еще долго спустя послѣ присоединенія Риги къ Россіи, русскій купецъ не имѣлъ права торговать въ Ригѣ. Заниматься тамъ торговлей, промышленностью и ремеслами—это была исключительная привиллегія нѣмцевъ, какъ таковыхъ, не только русско-подданныхъ, но

и иностранцевъ. Иностраннаго нѣмца принимали, какъ своего и равнаго себѣ, а русскаго купца или ремесленника гнали. Какъ въ Германіи во времена Берне и Гейне въ городахъ было еврейское „гетто", обособленный кварталъ, гдѣ евреи единственно и могли селиться и торговать, такъ и въ Ригѣ рижскій магистратъ отвелъ для русскихъ купцовъ небольшой четыреугольный участокъ земли—за стѣнами города и городской чертой, вдали отъ удобныхъ путей сообщенія—и только тамъ русскіе купцы имѣли право устраивать небольшія лавки и торговать. Этотъ четыреугольникъ еще теперь сохранился въ Ригѣ, въ Московскомъ предмѣстьѣ возлѣ толкучки, какъ свидѣтель нѣмецкаго могущества въ краѣ—неотапливаемые деревянные бараки, гдѣ нынѣ евреи складываютъ малоцѣнный, старый хламъ, купленный на торгахъ.

Отецъ одного виднаго рижскаго адвоката и латышскаго общественнаго дѣятеля какъ-то разсказывалъ, какимъ путемъ ему пришлось въ дни его молодости брать барьеръ, поставленный нѣмецкими привиллегіями. Еще мальчикомъ своими родителями былъ онъ отданъ въ ученье къ мельнику. Но чтобы его впослѣдствіи, по выучкѣ, оффиціально признали подмастерьемъ, а затѣмъ и мастеромъ мельничнаго ремесла, онъ обязанъ былъ представить въ мельничный цехъ такое „удостовѣреніе": „Dass der Müllerlehrling P. G. von ehrlichen deutschen Eltern geboren" *) и. т. д. Слѣдовательно,—продолжалъ старый П. Г., еще и теперь волнуясь при этихъ воспоминаніяхъ,—долженъ, былъ лгать мельникъ, должны были лгать мои родители, надо было отречься отъ своей національности и вносить въ документъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія, чтобы латышскій мальчикъ могъ быть допущенъ къ изученію мельничнаго ремесла и затѣмъ къ занятію таковымъ?

Когда еще существовала южно-африканская бурская республика, европейцы возмущались обычаемъ трансвальскаго города Іоганнисбурга, строго воспрещавшимъ неграмъ ходить по троттуарамъ городскихъ улицъ: троттуаръ предназначался тамъ лишь для жителей бѣлой расы. Негры со своими женщинами должны были шагать по мостовой, рядомъ съ лошадьми и мулами. А такъ какъ на алмазномъ и золотомъ промыслѣ богатѣли всѣ, не исключая и негровъ, то на такое шествіе были обречены также великолѣпныя

---

*) Что ученикъ мельничнаго ремесла П. Г. родился отъ честныхъ *нѣмецкихъ* родителей.

барыни—милліонерши въ дорогихъ нарядахъ. Въ противномъ случаѣ ихъ таскали въ полицію для наложенія штрафа.

Въ девяностыхъ годахъ, въ то же время, когда Іоганнисбургскіе негры шествовали по мостовымъ рядомъ съ мулами,—также и въ Ригѣ въ утренніе часы, когда школьники отправлялись въ школы, каждый день можно было наблюдать, какъ какой-то господинъ маленькаго роста, съ портфелемъ подъ мышкой мелкими быстрыми шагами спѣшилъ по серединѣ улицы, по мостовой, въ свое бюро. Этотъ небольшой господинъ, рядомъ съ извозчичьими лошадьми шагавшій по грязной подчасъ мостовой, былъ редакторъ нѣмецкой газеты „Heimath“ Густавъ Пиперсъ. Почему же онъ не ходилъ по троттуару, какъ всѣ? А потому, что на троттуарѣ черезъ каждые 10—20 шаговъ „нечаянно“ попадался ему навстрѣчу или сзади черезчуръ активный гимназистъ или другой молодой человѣкъ, который „совершенно нечаянно“ толкалъ его ранцемъ или локтемъ или же столь же „нечаянно“ наступалъ на ногу. Чтобы избѣжать такихъ „нечаянныхъ“ тумаковъ, редактору Пиперсу пришлось принять за правило—ходить по мостовой, а не по троттуару. Но и тутъ его не покидалъ злой рокъ: какъ за древнимъ пророкомъ, за нимъ появлялась „откуда-то“ толпа болѣе юныхъ школьниковъ, эскортомъ шествовавшихъ по обѣимъ сторонамъ его по троттуарамъ и хоромъ возглашавшихъ: „пи-пи-пи-пи-пи!“ Съ такимъ „пипиканьемъ“ они сопровождали его вдоль всей улицы; и такъ изо дня въ день. Проклялъ ли редакторъ Пиперсъ, подобно библейскому пророку, сихъ мальчишекъ и „нечаянныхъ“ молодыхъ людей, неизвѣстно, но медвѣди ихъ не растерзали, а родители, конечно, оставались довольны, такъ какъ мальчишки и молодые люди творили волю ихъ. То были сыновья, „wohlerzogene Jugend“, нѣмецкихъ отцовъ, которымъ все это было извѣстно и которые радовались такому „пониманію патріотизма“ со стороны своихъ дѣтей. Когда кого-либо изъ этихъ мальчиковъ спрашивали, почему онъ такъ дѣлаетъ, онъ простодушно поясняль: „Ja, warum schreibt er gegen die Deutschen!“ („А почему онъ пишетъ противъ нѣмцевъ!“).

Въ чемъ же состояла вина редактора Пиперса? Онъ редактировалъ въ Ригѣ газету на нѣмецкомъ языкѣ, которая выступала противъ разнаго рода привиллегій прибалтійскихъ нѣмцевъ, требовала соотвѣтствующихъ реформъ въ краѣ и равноправнаго сотрудничества всѣхъ національностей, а также заступалась за права латышей и русскихъ. А такого „отщепенца“ изъ нѣмецко-балтійской сплоченной семьи надо было проучить. Такихъ людей нѣмцы

всегда подвергали дружному бойкоту, считали ихъ „vogelfrei“, лишенными „огня и воды“, такого человѣка всякій нѣмецъ могъ и долженъ былъ третировать и презирать. Хотя крайне рѣдко, но все же попадались среди прибалтійскихъ нѣмцевъ такіе „отступники“. Извѣстный нѣмецкій гуманистъ на исходѣ „философскаго вѣка“ Готлибъ Меркель, боровшійся за уничтоженіе крѣпостного права, все же не былъ единственнымъ, испытавшимъ на себѣ негодованіе и бойкотъ со стороны своихъ сородовичей.

Газета Пиирса „Heimath“, конечно, просуществовала недолго. Читателями ея были почти только „не нѣмцы“—латыши и эстонцы. Газета вынуждена была прекратить свое существованіе, такъ же какъ въ свое время прекратилась редактировавшаяся Вейнбергомъ „Baltische Zeitung“, а въ новѣйшее время либеральная рижская нѣмецкая газета „Rigasche Neueste Nachrichten“: все за недостаткомъ читателей.

Такого рода либеральныя нѣмецкія газеты читались почти только не-нѣмцами. Поддерживая либеральныя „реформаторскія“ газеты на нѣмецкомъ языкѣ, латыши и эсты исходили изъ той характерной для прибалтійскихъ порядковъ мысли, что нѣмецкая сила и власть въ краѣ настолько велика, что, стоитъ пытаться улучшить положеніе коренныхъ жителей края при помощи нѣмецкой прессы либеральнаго направленія. Но вскорѣ, конечно, всѣ разувѣрились въ какой бы то ни было возможности установить взаимное пониманіе съ руководящими нѣмецкими кругами и воздѣйствовать на ихъ безнадежно упорное и застывшее „общественное мнѣніе“.

Газету противоположнаго направленія латыши, какъ и всѣ вообще, встрѣчаютъ съ извѣстнымъ шумомъ, критикуютъ ее, затѣваютъ горячія полемики. У прибалтійскихъ же нѣмцевъ другая тактика. Своихъ заблудшихъ овецъ они душатъ потихоньку, безмолвно, въ темнотѣ. „Todtschweigen!“ (Абсолютно замолчать!)—вотъ краткая сущность этой тактики. Не упоминать ни словомъ, что такая либеральная газета вообще существуетъ, не приводить даже ея названія. Пусть пишетъ, что угодно: не отвѣчать, не оспаривать, никакой полемики съ ней! И дѣйствительно—этотъ способъ всегда оказывался удачнымъ для выживанія „заблудшей овцы“.

Когда то кричавшіе „пи-пи-пи“ мальчики теперь въ зрѣломъ возрастѣ. Они занимаютъ видное положеніе на государственной и общественной службѣ въ дворянствѣ и вообще въ нѣмецкомъ обществѣ края. Ихъ путь, ихъ стремленія и идеалы ясно предопредѣлены со школьныхъ временъ, со временъ „пи-пи-пи“.

Въ 1905—6 гг. мы ихъ видѣли въ роли руководителей карательныхъ экспедицій противъ латышей, гдѣ они отмѣчали въ проскрипціонной спискахъ и предназначали крестиками къ разстрѣлу подлинныхъ, но больше всего мнимыхъ революціонеровъ—такихъ мѣстныхъ дѣятелей, съ которыми у нихъ были личные счеты. Приведемъ одинъ примѣръ. Въ Зербенѣ, Лифляндской губ., такимъ крестикомъ разстрѣла былъ отмѣченъ всѣми уважаемый и вполнѣ умѣренный усадьбовладѣлецъ Пелексъ, образованный самостоятельный сельскій хозяинъ, который, въ качествѣ уполномоченнаго отъ волости, въ свое время велъ судебныя дѣла противъ мѣстнаго помѣщика. Революціонеры, переходившіе изъ волости въ волость, „отмѣнили“ и Зербенское волостное правленіе и потребовали выдачи волостныхъ капиталовъ—нѣсколько тысячъ рублей. Но потомъ оказалось, что революціонеры другъ другу не довѣряютъ храненія этихъ денегъ, и тогда, по настоянію нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей, деньги были переданы „на храненіе“ довѣренному лицу волости—тому же Пелексу: мѣстные жители знали, что Пелексъ въ случаѣ утраты возмѣститъ полностью. Пелексъ же съ революціонерами не имѣлъ ничего общаго, а, наоборотъ, былъ противъ ихъ „мѣропріятій“. Но разъ его просили представители волости, онъ и сберегъ у себя общественныя деньги, вѣдь иначе онѣ, будучи унесены революціонерами, все равно пропали бы для волости, пошли бы на цѣли революціи. Но вотъ—пришла въ 1906 году карательная экспедиція—и Пелекса разстрѣляли: кто представилъ проскрипціонный списокъ съ крестикомъ около имени Пелекса, не требуетъ поясненій. Нынѣ Зербенскій баронъ и пасторъ по распоряженію военныхъ властей высланы изъ Прибалтійскаго края...

То море клеветы на латышей, которой наводнили единоплеменную Германію прибалтійскіе нѣмцы послѣ 1905 года, наиболѣе рельефно отражается въ заграничномъ изданіи „Die lettische Revolution“. Нынѣ изданныя въ Германіи измѣнникомъ Сильвіо фонъ Бредрихомъ*) и присными многочисленныя брошюры уже договариваютъ до конца и, не стѣсняясь, заодно объявляютъ дикарями и всѣхъ русскихъ. Стокгольмъ наводненъ нынѣ этой литературой, и интересующіеся могутъ ее тамъ достать.

*) Сильвіо фонъ Бредрихъ до 1907 г. помощникъ Гольдингенскаго уѣзднаго начальника. Въ 1908 г. съ Мантейфелемъ, Фирксомъ и Каулемъ основалъ „общество для скупки земли“. Общество это скупало земли и перепродавало ихъ нѣмецкимъ колонистамъ. Ренниковъ „Въ странѣ чудесъ“ стр. 126. *Ред.*

Когда въ 1906 году военно-полевые суды въ Прибалтійскомъ краѣ приговорили къ разстрѣлу многихъ латышей, рижская нѣмецкая газета „Düna-Zeitung“, органъ дворянства, въ числѣ прочихъ рыцарскихъ глумленій надъ поверженными противниками, преподнесла своимъ читателямъ повидимому пріятную для нихъ вѣсть, что „лучшія перчатки выходятъ изъ человѣческой кожи“. Мы, знакомые съ этой культурной идеологіей прибалтійскихъ юнкеровъ, во всякомъ случаѣ нисколько не удивились звѣрствамъ прусскихъ юнкеровъ въ эту войну; не удивлялись также патріотизму германскихъ ученыхъ, выяснявшихъ вопросъ использованія человѣческихъ труповъ для добыванія жира въ голодающей Германіи. Можетъ быть и перчатки уже есть тамъ изъ человѣческой кожи, благонадлежащій совѣтъ былъ преподанъ въ 1906 году вполнѣ дружественной печатью со „сторожевого поста нѣмецкой культуры на Востокѣ“...

IV.

Въ чемъ проявлялось въ исторіи крѣпостное право, это всѣмъ извѣстно. Поэтому объ этой сторонѣ нѣмецкой культуры въ Прибалтійскомъ краѣ распространяться не приходится. Слѣдуетъ только добавить, что тамъ крѣпостное право приняло наиболѣе лютыя въ мірѣ формы, отчасти благодаря расовой розни между помѣщиками нѣмцами и крестьянами—латышами и эстами. Это было форменное рабство, гдѣ за мужикомъ „низшей расы“ не признавалось даже той минимальной доли человѣческихъ правъ, которая волей неволей признавалась въ силу извѣстнаго этическаго минимума—за крѣпостными той же національности, какъ и помѣщики.

Вниманія заслуживаетъ лишь та борьба (повидимому, тоже „Kulturkampf“?), которую прибалтійское дворянство вело противъ всѣхъ попытокъ правительства и противъ рѣдкихъ гуманистовъ изъ среды самихъ помѣщиковъ, желавшихъ улучшить положеніе крестьянъ.

Еще въ 1765 году, по приказанію Императрицы Екатерины II Лифляндскій ландтагъ вынужденъ былъ ввести, правда на бумагѣ только, нѣкоторыя улучшенія въ бытъ крѣпостныхъ крестьянъ. На дѣлѣ эти измѣненія, санкціонированныя волею Императрицы, нисколько не примѣнялись, и крестьянскіе голодные бунты продолжались по прежнему и усмирялись тоже по прежнему. Но подъ давленіемъ прямыхъ приказаній изъ Петербурга, „въ дней Александровыхъ

прекрасное начало", въ 1804 году Лифляндскій ландтагъ вынужденъ былъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, сдаться и принять новое положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ Лифляндской губерніи. Большая заслуга въ этомъ благомъ дѣлѣ принадлежитъ помѣщику Сиверсу, впослѣдствіи государственному дѣятелю при Александрѣ I. Суть новаго положенія заключалась въ нижеслѣдующемъ: были возстановлены шведскіе вакенбухи, согласно которымъ твердо были нормированы крестьянскія повинности въ пользу помѣщика повинности, примѣнительно къ доходности земли, т. е. положенъ предѣлъ эксплоатаціи крѣпостного труда. За наличными крестьянами-усадьбовладѣльцами было признано право неотъемлемаго наслѣдственнаго пользованія тѣми поземельными участками, которые находились въ ихъ распоряженіи къ тому времени. Помѣщикъ не могъ уже по своему усмотрѣнію выгнать хозяина изъ усадьбы или присоединить крестьянскую землю къ своей, мызной землѣ. Сообразно съ этимъ проведена была точная черта, отдѣляющая неприкосновенную крестьянскую землю отъ мызной земли. Эти границы крестьянскаго „земельнаго фонда" помѣщикъ не могъ уже передвигать. Помѣщикъ, правда, юридически оставался по прежнему собственникомъ всей земли, но уже съ вышеозначенными существенными ограниченіями. Пользованіе крестьянъ, какъ сказано, было наслѣдственное. Крестьянинъ—хозяинъ усадьбы былъ освобожденъ и отъ тѣлеснаго наказанія.

Понятно, что этотъ законъ, напоминавшій прибалтійскимъ крѣпостникамъ ненавистныя имъ шведскія времена и значительно улучшившій положеніе крестьянъ въ Лифляндіи, вызвалъ цѣлую бурю протестовъ со стороны помѣщиковъ. Заработала баронская мысль, какъ бы вывернуться изъ непривычнаго положенія. Имъ на помощь пришли, съ одной стороны, усиленіе реакціи по всей Европѣ послѣ ликвидаціи Наполеоновской эры, а съ другой стороны—модный въ то время принципъ Адама Смита о „свободной конкуренціи" и „свободномъ договорѣ", какъ регуляторѣ хозяйственнаго благополучія всѣхъ и каждаго.

И вотъ, имъ удалось провести законы 1817—1819 гг. объ „освобожденіи" крестьянъ трехъ Прибалтійскихъ губерній отъ крѣпостной зависимости. Согласно этимъ законамъ вся земля снова поступила въ полное распоряженіе помѣщиковъ, безъ всякихъ ограниченій, а крестьянамъ была дарована личная свобода. Помѣщики снова стали распоряжаться, какъ имъ угодно, крестьянской землей, которую столь мудро взяло было подъ свою защиту Лиф-

лянское крестьянское Положеніе 1804 года, при „освобожденіи“ крестьянъ отмѣненное. Крестьянамъ было предоставлено пользоваться тѣмъ или инымъ участкомъ земли только на основаніи „свободнаго договора“ съ помѣщикомъ. А насколько этотъ договоръ могъ быть обоюдно „свободнымъ“, объ этомъ распространяться, конечно, излишне. Размѣръ повинностей за землепользованіе новымъ закономъ не было установлено, какъ въ Положеніи 1804 года. Прибалтійское дворянство торжествовало полную побѣду*). Сдѣлка была оборудована блестяще для нихъ, помимо того, имѣлась лицемѣрная фраза о великодушіи дворянства, по своему доброму почину выхлопотавшаго для крестьянъ личную свободу.

А засимъ, умилившись надъ собственнымъ великодушіемъ, дворянство незамедлительно приступило къ „дѣлу“. Крестьянскія усадьбы, полностью или частью, присоединялись къ мызной землѣ; лучшія усадьбы порой объединялись въ полумызки (фольварки). Сидѣвшіе на этой землѣ крестьяне, по „свободному договору“ выгонялись, съ обращеніемъ ихъ въ безземельныхъ батраковъ или съ предоставленіемъ имъ въ пользованіе худшихъ и даже вовсе необработанныхъ участковъ: начинай сызнова, впредь до приведенія участка въ такой видъ, что снова явится основаніе выгнать тебя и присоединить культивированный участокъ къ имѣнію. Сотни и тысячи крестьянскихъ усадебъ исчезали безслѣдно. Въ теченіи 40 лѣтъ въ Лифляндской губ. было „аннексировано“ такимъ образомъ около 5000 крестьянскихъ усадебъ. Эта система выселенія (Sprengsystem) привела къ крайней нищетѣ весьма многихъ, понизила общій экономическій уровень крестьянства и поселила въ немъ неискоренимое озлобленіе противъ помѣщиковъ. Арендная плата (преимущественно барщиной) ничѣмъ не была ограничена и вздувались неукоснительно.**). За 20—30 лѣтъ послѣ „освобожденія“ крестьянство такъ обнищало, что начались голодные бунты, а засимъ и кровавыя усмиренія. Это и была вся суть и премудрость нѣмец-

*) „Только теперь они окончательно завоевали край“—признается ихъ же историкъ.

**) Пріобрѣвъ свободу безъ земли, крестьянинъ былъ лишенъ свободы передвиженія, т. е. былъ въ худшемъ положеніи, чѣмъ птицы небесныя. До 1832 года переселеніе въ города было вовсе запрещено. Даже для переселенія изъ волости въ волость нужно было согласіе помѣщика и вол. правленія, а также свидѣтельство объ уплатѣ податей и повинностей, за 3 года впередъ. Ограниченія передвиженія отпали лишь въ 1863 году.

кой соціальной политики въ краѣ, и таковы ея хваленые результаты. Просвѣщенные уроки шведскаго законодательства и Положеніе 1804 года не только были забыты, но и упорно и злобно игнорировались, ибо не вмѣщались міросозерцаніе балтійскихъ культуртрегеровъ.На этомъ пресловутомъ „освобожденіи“ крестьянъ исполнились слова г-жи Манонъ, произнесенныя ею во время французской революціи при восхожденіи на эшафотъ: „Свобода! Какія преступленія совершаются твоимъ именемъ!“

Послѣ того, какъ выяснялось и для правительства, что крестьяне, получивъ „свободу“, окончательно обнищали, особенно же послѣ неоднократныхъ волненій и кровавыхъ усмиреній въ сороковыхъ годахъ, въ 1845 году былъ изданъ законъ объ аграрномъ устройствѣ Лифляндскихъ крестьянъ, снова отдѣлившій крестьянскую землю отъ мызной, проведшій снова эту спасительную „красную черту“ 1804 года. Но, какъ указано, со времени „освобожденія“ тысячи крестьянскихъ усадебъ уже были стерты съ лица земли и „аннексированы“ помѣщиками и пропали для крестьянскаго земельнаго фонда. Новый законъ предписалъ сдавать крестьянскую землю въ аренду (или продавать) не иначе, какъ только членамъ крестьянскихъ обществъ. Условія же аренды или продажи по прежнему не нормировались, а предоставлялись все тому же пресловутому свободному соглашенію, т. е. могли односторонне устанавливаться помѣщикомъ по его усмотрѣнію. Единственно лишь барщинный видъ аренды ограничивался предѣлами, установленными въ вакенбухахъ 1804 года. Денежная же аренда—впослѣдствіи, послѣ 1860 г., единственный законный видъ аренды—не нормировалась закономъ.

Всѣ эти основныя положенія съ измѣненіями и дополненіями вошли въ Положеніе о Лифляндскихъ крестьянахъ 1860 года, дѣйствующее до сихъ поръ. Особымъ узаконеніемъ 1864 года устанавливались основанія продажи крестьянамъ Лифл. губ. земельныхъ участковъ въ собственность, опять таки на условіяхъ свободнаго соглашенія съ помѣщиками. Съ изданіемъ аграрнаго закона о курляндскихъ крестьянахъ, въ Курляндіи, установился, въ основныхъ чертахъ, такой же аграрный строй, какъ въ Лифляндіи. Положеніе же о крестьянахъ Эстляндской губ. 1856 года, исходящее тоже изъ купленнаго такой дорогой цѣной принципа неприкосновенности земельнаго фонда, находящагося въ пользованіи членовъ волостныхъ обществъ, во многомъ отличается отъ двухъ другихъ, оно не въ пользу эстляндскихъ крестьянъ. Этотъ законъ

даже не отмѣнилъ барщину, а лишь ограничилъ ее слегка. Только законами 1859 и 1863 г. барщина была запрещена, но это опять таки не касалось мызной земли ($^1/_2$ всей зем. прощади Эстл. губ.); да и на крестьянской землѣ допускалась частью ($^1/_2$) барщинная аренда. Въ силу всѣхъ этихъ условій Эстляндское крестьянство значительно отстало отъ своихъ сосѣдей, придавленное полу-крѣпостническими аграрными отношеніями.

Лишь послѣ этихъ реформъ прибалтійское крестьянство стало мало по малу приходить въ себя отъ того „освобожденія“, которое запутало его въ свои сѣти съ двадцатыхъ годовъ 19 столѣтія.

Но послѣ него царилъ въ краѣ 40 лѣтъ такой соціальный строй, который далъ поводъ одному историку выразиться, что съ „освобожденіемъ“ крестьянъ 1817—19 г.г. въ Прибалтикѣ воцарилось рабство въ худшей своей формѣ. А еще другой историкъ характеризуетъ эпоху съ двадцатыхъ до шестидесятыхъ годовъ 19 вѣка такими словами: „Прибалтійскій край—небо для дворянъ, рай для пасторовъ, золотое дно для иностранцевъ и адъ для крестьянъ.“

Читателямъ, незнакомымъ съ Прибалтійскимъ краемъ, не лишне будетъ пояснить, что тамъ крестьянскіе земельные участки больше, чѣмъ надѣлы крестьянъ во внутреннихъ губерніяхъ. Прежде всего, однако, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что латышскіе и эстонскіе крестьяне живутъ не деревнями, а хуторами величиною отъ 20 до 100 десятинъ на усадьбу. Есть и болѣе мелкіе участки, но ихъ меньшинство (бобыльскіе и солдатскіе уч., 1—6 и 1—3 дес. въ Лифлянд. губ.). Усадебныя строенія находятся обыкновенно посереди̇нѣ усадебной площади, чаще всего обсаженныя фруктовыми и иными деревьями.

Такой поземельный обычай существуетъ у названныхъ народовъ съ незапамятныхъ временъ, и, повидимому, они никогда не жили на общинныхъ началахъ, по деревнямъ. Это одна изъ самобытныхъ особенностей латышей и эстовъ, отличающая ихъ аграрный бытъ отъ русскаго и нѣмецкаго, гдѣ преобладаетъ деревня, а у русскихъ и общинный строй. Слѣдовательно, этотъ порядокъ, которому край въ значительной степени обязанъ своей теперешней сельско-хозяйственной культурой, отнюдь не есть продуктъ „нѣмецкой культуры“, какъ ошибочно полагаютъ нѣкоторые публицисты.

Понятно, что у крестьянина, пользующагося усадьбой вышеуказанныхъ среднихъ размѣровъ, и при крѣпостномъ правѣ и

въ эпоху „свободной“ барщины 1820—1860 годовъ долженъ былъ имѣться извѣстный мертвый и живой инвентарь, т.-е. свое движимое имущество: оборудованіе помѣщеній, с.-х. орудія, извѣстное число лошадей, коровъ, овецъ, свиней, телѣгъ и пр., а также, въ лучшемъ случаѣ, и извѣстный запасъ хлѣбозъ, сѣна, соломы и др. продуктовъ до слѣдующаго урожая. Ибо у такого усадьбохозяина, въ силу отношеній къ помѣщику, должно было быть извѣстное налаженное хозяйство. Вѣдь это онъ обязанъ былъ заботиться, чтобы въ имѣніе ходило на барщину опредѣленное число рабочихъ, съ лошадьми и безъ таковыхъ. Онъ, а не помѣщикъ, обязанъ былъ кормить и одѣвать этихъ рабочихъ, а также снабжать ихъ рабочимъ инвентаремъ. Хозяинъ безъ извѣстнаго имущества и инвентаря не былъ бы въ состояніи отбывать барщину и всѣ вообще повинности по отношенію къ помѣщику. Помѣщику это было выгодно въ томъ отношеніи, что онъ не имѣлъ дѣло съ каждымъ рабочимъ въ отдѣльности, а лишь съ хозяиномъ. Такъ было помѣщику легче эксплоатировать трудъ безземельныхъ батраковъ. Этимъ усадебнымъ строемъ и объясняется, что прибалтійскіе крестьяне, освободившись отъ барщинныхъ отношеній и перейдя на денежную аренду, черезъ небольшой промежутокъ времени уже могли частью приступить къ первоначальнымъ взносамъ и операціямъ по выкупу усадебъ у помѣщиковъ.

Прежде чѣмъ приводить тѣ ростовщическія суммы, которыя латышскіе и эстонскіе крестьяне переплачивали, въ силу все того же „свободнаго договора“, помѣщикамъ, посмотримъ—какъ же распредѣлена земля между помѣщиками и крестьянами?

Въ *Лифляндской* г. мызной (частно-владѣльческой помѣщичьей) земли всего 1.597.288 десятинъ (изъ нихъ удобной земли—1.259.678 дес.), принадлежащихъ владѣльцамъ всего лишь 729 дворянскихъ вотчинъ. Такимъ образомъ, помѣщикамъ принадлежитъ 47,59% всей площади земли въ губерніи. Въ среднемъ на одну дворянскую вотчину приходится 2.199 дес. земли. Крестьянской земли въ Лифл. губ.—1.517.362 дес., т.-е. около 45,1%, всей земельной площади. На нее приходится 43.864 крестьянскихъ усадьбы (въ *среднемъ* около 35 дес. на усадьбу). Безземельный же пролетаріатъ составляетъ около двухъ третей всей крестьянской массы! Для обезпеченія хоть части ихъ землей до сихъ поръ, несмотря на горькіе плоды 1905 года, не сдѣлано рѣшительно ничего. Часть вышеозначенныхъ усадебъ продана (около 26.000), остальныя сдаются въ аренду на крайне стѣснительныхъ условіяхъ. Помимо

того, часть крестьянъ арендуетъ участки мызной земли, и, наконецъ, часть сидитъ на солдатскихъ участкахъ (1.231 уч., по 1—3 дес.) и на бобыльихъ участкахъ (6.970 уч. 1—6 дес.).—Казенныхъ имѣній въ Лифл. губ. сравнительно немного.

Въ *Курляндской* губ. помѣщичьей (мызной) земли 979.705 дес. или около 40% всей зем. площади губерніи. Земля эта распредѣлена между 569 дворянскими вотчинами, въ среднемъ по 1 722 дес. на каждую. Но эта средняя цифра не даетъ никакого представленія о тѣхъ многочисленныхъ огромныхъ латифундіяхъ, которыя принадлежатъ отдѣльнымъ владѣльцамъ, особенно въ ближайшихъ къ Пруссіи уѣздамъ: онѣ доходятъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ каждая. Есть уѣзды въ Курляндіи, большая часть которыхъ пранадлежитъ всего нѣсколькимъ дворянскимъ родамъ, а девяти дворянскимъ родамъ принадлежитъ болѣе одной десятой всей Курляндіи! Площадь всей крестьянской земли въ Курляндіи составляетъ 898.249 дес. (37%). Нормальныхъ крестьянскихъ хозяйствъ тамъ около 25.900, со *средней* величиной около 40 десят. Однако, въ Курляндіи много крестьянскихъ участковъ величиной около 100—120 дес. земли. Помимо того, солдатскихъ уч. около $1^1/_2$ тыс., а бобыльихъ—около $6^1/_2$ тыс. (приблиз. 1—3—4 дес.). Сельскаго пролетаріата, безземельныхъ крестьянъ, такъ же много, сравнительно съ обезпеченными землей, какъ и въ Лифляндіи, т.-е. около $^2/_3$. Это особенно рѣжетъ чувство мѣры и справедливости при наличіи названныхъ латифундій. Да тутъ еще стали наводнять губернію нѣмецкими колонистами, особенно во время губернаторства Набокова*), какъ будто бы больного вопроса своихъ же безземельныхъ крестьянъ вовсе и не существовало. Около 40% всѣхъ Курляндскихъ усадебъ проданы уже крестьянамъ. Въ Курляндіи особенно много казенныхъ имѣній: отдѣленные отъ нихъ крестьянскіе участки находятся въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ усадьбы, пріобрѣтенныя крестьянами у помѣщиковъ.

Въ *Эстляндіи* 502 дворянскихъ имѣнія занимаютъ 857.425 дес. (въ среднемъ по 1.708 дес. каждое) или 60% всей земли, а крестьянская земля лишь 342.474 дес. или около $^1/_3$ всей площади. Крестьянскихъ участковъ, вмѣстѣ съ мелкими, ниже усадебной нормы—всего около 25.000. Вообще эстляндскія крестьянскія усадьбы мельче, чѣмъ въ двухъ вышеупомянутыхъ губерніяхъ.

---

*) Въ Курляндскихъ брошюрахъ, издающихся въ Берлинѣ, Набокова называютъ: „der deutschfreundliche Gouverneur“.

Чтобы еще болѣе отмѣтить вопіющую несправедливость въ распредѣленіи земель въ Прибалтійскомъ краѣ, разобьемъ всю землю на двѣ группы: 1) крупное землевладѣніе (въ томъ числѣ, кромѣ помѣщичьихъ, и казенныя и городскія имѣнія и имѣнія дворянск. обществъ) и 2) среднее и мелкое землевладѣніе. Оказывается, что въ Лифляндіи къ первой группѣ относится 2.112.313 дес. (55,7%), а ко второй—лишь 1.667.870 дес. (44,3%); въ Курляндіи еще неравномѣрнѣе: къ первой группѣ—1.505.028 дес. (62%), а ко второй—922.612 дес. (38%).

Вотъ изъ какихъ историческихъ и современныхъ условій съ неизбѣжностью вытекаютъ безпрерывныя жалобы коренного населенія Прибалтійскаго края на крайне ненормальныя аграрныя отношенія, на обездоленность безземельныхъ массъ и на ростовщическія условія выкупа и аренды крестьянскихъ усадебъ. Все это понялъ и доложилъ куда слѣдуетъ уже сенаторъ Манассеинъ послѣ ревизіи 1883 года. Но—очевидно, кто-то безотвѣтственный нашептывалъ другое, и до сихъ поръ аграрный вопросъ въ краѣ остается неразрѣшеннымъ.

V.

„Die deutschen Ostseeprovinzen“ (нѣмецкія остзейскія провинціи)—это названіе является излюбленнымъ у прибалтійскихъ нѣмцевъ при обсужденіи чего-либо въ положеніи края. Какъ мы уже видѣли, нѣмецкій правящій классъ дѣйствительно былъ неограниченнымъ распорядителемъ въ краѣ въ продолженіе многихъ столѣтій. Въ настоящее же время главная сила нѣмечества въ краѣ сопряжена съ крупнымъ землевладѣніемъ. Не только сила экономическая, но и политическая, такъ какъ главнѣйшія привилегіи все еще связаны съ этимъ землевладѣніемъ. Достаточно сказать, что съ нимъ связана исключительная власть въ мѣстномъ „земскомъ“ самоуправленіи (безъ земства въ общепринятомъ смыслѣ этого термина): Лифляндскій и Эстляндскій ландтаги и соотв. уѣздныя собранія, замѣняющія земства, составляются только изъ владѣльцевъ дворянскихъ имѣній, т.-е. находятся всецѣло въ рукахъ дворянства, съ устраненіемъ всѣхъ прочихъ сословій. Кромѣ того, небольшую долю участія въ этомъ „земскомъ“ дѣлѣ принимаютъ Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія.

Какъ мы уже видѣли, дворянскихъ имѣній въ Курляндской

губерніи всего 569, въ Лифляндской—729 и въ Эстляндской—502, при чемъ ихъ владѣльцамъ принадлежитъ добрая половина всей земельной площади края. Вотъ въ рукахъ этихъ нѣсколькихъ сотень латифундаріевъ и находится все „самоуправленіе“ въ Лифляндской и Эстляндской губ. (въ Курляндіи этого „земскаго“ самоуправленія нѣтъ, а есть лишь дворянское сословное самоуправленія, земскими же дѣлами тамъ вѣдаетъ бюрократическій распорядительный комитетъ). Въ виду такой двойной роли Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дворянскихъ ландтаговъ, дворянства и именуются „рыцарствомъ и земствомъ“ (Ritterschaft und Landschaft). Земскіе же сборы и повинности несутъ не только сіи распорядители судебъ „всей земли“ но главнымъ образомъ тѣ же крестьяне, не получая взамѣнъ отъ этого „самоуправленія“ почти что ничего. Напр. всѣ заботы о народномъ образованіи, часть врачебной помощи и почти все общественное призрѣніе (чисто земскія функціи) лежатъ все на той же крестьянской волости. Изъ дорожной повинности напр. въ Лифляндіи 96,3% падаетъ на крестьянъ, и лишь 3,7% на „рыцарей и земцевъ“—помѣщиковъ. А относительно всѣхъ вообще земскихъ повинностей это соотношеніе равно 91,7 : 8,3! Несмотря на то, что на эти „земскіе“ порядки Прибалтики указывается уже давно, со временъ ревизіи сенатора Манассеина въ 1883 г., и что вносился и внесенъ и теперь соотв. проектъ реформы въ Гос. Думу—разрѣшеніе этого вопроса до сихъ поръ не подвинулось ни на шагъ впередъ.

Указанныя дворянскія вотчины принадлежатъ почти исключительно нѣмецкимъ дворянамъ. Русскихъ и латышскихъ владѣльцевъ таковыхъ—ничтожное меньшинство. Нѣмецкое дворянство и все вообще руководящее нѣмецкое общество, организованное въ патріотическіе ферейны (нынѣ закрытые) зорко слѣдило (и слѣдитъ), чтобы ни одно имѣніе не ускользнуло изъ нѣмецкихъ рукъ и не перешло къ „не-нѣмцу“; въ случаѣ необходимости деньги не жалѣлись и неизмѣнно откуда-то появлялись на выручку. И дѣйствительно, случаи такого „дезертирства“ нѣмецкихъ имѣній являются крайне рѣдкимъ исключеніемъ. Сплоченность и круговая національная порука въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, прямо изумительна по своей выдержкѣ и цѣпкости.

Слѣдовательно, самоуправленіе края, призванное замѣнять земство, является чисто нѣмецкимъ и дворянскимъ. Да еще полъ края принадлежитъ тѣмъ же нѣмцамъ, равно какъ и руководя-

щая роль во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ—какъ же этой кучкѣ нѣмцевъ, составляющей всего 5—6% всего населенія края, не возгордиться и не объявить весь край „нѣмецкимъ"—„die deutschen Ostseeprovinzen"! Вѣдь говорилъ же, напр., Людовикъ XIV, что Франція—это онъ самъ и есть. Принципъ деспотизма и узурпаціи одинъ и тотъ же, и какъ тамъ, такъ и тутъ, въ Прибалтикѣ, онъ находитъ себѣ опору въ существующемъ порядкѣ вещей, измѣненія котораго жаждетъ весь „край", за исключеніемъ указанной олигархіи „счастливыхъ владѣльцевъ".

Ужъ если говорить о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ, то вотъ подлинный объектъ для приложенія соотвѣтствующихъ усилій, да еще подъ самымъ окномъ въ Европу, у порога Пруссіи, всегда зарившейся на этотъ „передовой постъ нѣмечества на Востокѣ". Но у насъ почему-то начали съ другого конца и сочли достаточнымъ снять нѣмецкія вывѣски и воспретить изъясняться по нѣмецки. Послѣ войны вывѣски опять появятся и будетъ снова разрѣшена нѣмецкая рѣчь, и никто, конечно, противъ этого ничего имѣть не будетъ. Но исчезнетъ ли все вышеозначенное подлинное нѣмецко-дворянское засилье и соціальная неправда—вотъ въ чемъ главный вопросъ, это главнымъ образомъ интересуетъ „не-нѣмцевъ".

Правда, для военно-политическаго оздоровленія такого важнаго района, какъ Прибалтика, оттуда выслано въ Сибирь и др. мѣста не мало бароновъ, нѣмецкихъ пасторовъ и другихъ ярыхъ нѣмцевъ, слишкомъ демонстративно высказывавшихъ свои германскія симпатіи, которыхъ оказалось столь много среди прибалтійскаго нѣмечества, особенно среди руководящихъ слоевъ его. Это—подлинная борьба съ нѣмецкимъ засильемъ. Но это мѣра временная, послѣ войны высланные вернутся (ужъ, конечно, не „раскаянными"!), а многіе возвращены уже теперь. Эти мѣры, конечно, нисколько не затрагиваютъ того корня—соціально-экономическаго и политическаго преобладанія нѣмцевъ въ краѣ,—на основѣ котораго вырастаетъ и питается подлинное и опасное для государства нѣмецкое засилье въ краѣ. Около этого корня все еще ходятъ кругомъ да около и рѣшительно ни въ чемъ не пытаются подорвать всей мощью законодательной власти его зловредной силы и значенія.

Правильно заявляетъ К. К. Арсеньевъ въ „Вѣстникѣ Европы" по поводу Прибалтійскихъ дѣлъ: „Опасность, противъ которой слѣдуетъ реагировать, заключается въ томъ, что корпорація прибалтійскихъ дворянъ сохраняетъ въ своихъ рукахъ ничѣмъ не

оправдываемое господствующее вліяніе на дѣла цѣлаго края. Здѣсь противъ нея долженъ быть направленъ настоящій крестовый походъ, но руководимый не національными антипатіями, а справедливою заботою о правахъ и интересахъ народной массы... Чтобы сокрушить нѣмецкую твердыню въ Прибалтійскомъ краѣ... достаточно понять несостоятельность системы, давно потерявшей всѣ свои политическіе и нравственные устои."—Слѣдуетъ все-таки добавить къ этому указанію К. К. Арсеньева, что, кромѣ того, безусловно и во всякомъ случаѣ слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду тѣ особенности нѣмецкой національной сущности, о которыхъ говорилось выше, и разъ на всегда отрѣшиться отъ отождествленія балтійско-нѣмецкаго вопроса съ національнымъ вопросомъ вообще, а въ упраздненіи ихъ привилегій видѣть лишь соціальный актъ.

Но, съ другой стороны, одно лишеніе крупныхъ землевладѣльцевъ края ихъ политическихъ привилегій и преобладанія не разрѣшило бы вопроса, при наличіи того вопіющаго факта, что около двухъ третей всего крестьянства лишено земли и служитъ батраками у крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ. Всѣхъ ихъ поголовно надѣлить землей, конечно, невозможно, но „разгрузка" безземельности во всякомъ случаѣ необходима. Изъ какого фонда взять землю—этотъ вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ легче разрѣшить, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ.

VI.

Прибалтійское руководящее нѣмечество никогда не скрывало, что борьба его за удержаніе нѣмецкимъ дворянствомъ всего вышеуказаннаго крупнаго землевладѣнія есть не только экономическая, но и національная политика,—есть въ то же время и борьба за сохраненіе и укрѣпленіе нѣмечества въ краѣ. Неудивительно поэтому, что о сохраненіи преобладанія дворянства нѣмецкое бюргерство радѣетъ не меньше, чѣмъ само это дворянство.

Въ виду этого, всякая борьба латышскаго и эстонскаго крестьянства за землю есть не только аграрная борьба, но и національная: за свое національное существованіе и за угрожающее таковому нѣмецкое преобладаніе въ видѣ крупнаго землевладѣнія кучки дворянскихъ родовъ и сопряженныхъ съ нимъ политическихъ и общественныхъ привилегій.

Несмотря на долгую борьбу, положеніе въ краѣ, какъ уже

указано, очень и очень далеко отъ этой соціальной правды и справедливости.

И уроки всего многовѣкового сожительства съ Прибалтійскимъ нѣмечествомъ таковы, что мѣстные «не-нѣмцы» вполнѣ въ правѣ смотрѣть съ недовѣріемъ и враждой на все, что исходитъ отъ этого руководящаго нѣмечества, какъ самой организованной силы мѣстнаго нѣмечества.

Выше мы видѣли, что такое было «освобожденіе» прибалт. крестьянъ въ 1817—19 г.г. и каковы были его послѣдствія. Латышскому и эстонскому крестьянству предстоялъ трудный путь —такъ или иначе утвердиться на землѣ—это былъ вопросъ жизни и смерти. А такъ какъ въ аграрной сферѣ все было оставлено на усмотрѣніе «свободнаго договора», то единственный способъ обрѣсти землю подъ ногами—въ прямомъ и образномъ смыслѣ—былъ—выкупать по мѣрѣ силъ землю за цѣну, какую свободно назначитъ ея владѣлецъ. Это постепенно и дѣлалось—но за безумно дорогую цѣну.

Для характеристики этого процесса остановимся на одной лишь Лифляндіи, какъ самой крупной и характерной изъ 3 Прибалтійскихъ губерній.

Мы уже видѣли, какой адъ воцарился въ аграрномъ быту крестьянъ за первыя 30—40 лѣтъ послѣ ихъ освобожденія безъ земли. Въ эту эпоху обнищанія о сколько-нибудь замѣтномъ выкупѣ земли не могло быть рѣчи, да и дворянство, не ограниченное пока «красной чертой», по большей части не имѣло разсчета продавать крестьянскіе участки. Денежное хозяйство только еще пробивало себѣ путь. За время съ 1823 по 1861 годъ въ Лифляндіи было продано всего 388 крестьянскихъ участковъ (усадебъ), общей площадью въ 22.852 дес. Только съ изданіемъ Положенія о Лифляндскихъ крестьянахъ 1860 года началась болѣе оживленная продажа крестьянскихъ усадебныхъ участковъ, въ связи съ изданіемъ и другихъ законовъ, болѣе или менѣе обезпечивающихъ крестьянскія права, какъ-то—о свободѣ передвиженія (1863 г.), о волостномъ самоуправленіи (1866 г.), нѣкоторыя ограниченія въ эксплоатаціи арендаторовъ, законъ 1864 г. объ обезпеченіи крестьянъ землей на основаніи свободнаго соглашенія. Кромѣ того, установленіе неприкосновенности крестьянской земли все равно связывало помѣщиковъ въ безграничной перетасовкѣ и эксплоатаціи этой земли, а усиленіе денежнаго хозяйства и отмѣна барщиннаго труда еще болѣе толкали ихъ

на продажу крестьянской земли. Въ Лифл. губ. съ 1857 до 1861 г. было продано крестьянамъ 209 усадебныхъ участковъ, а съ 1862 до 1866 г. уже 2010 уч. (123.849 дес.), 1867—71 г.—4318 уч. (226.676 дес.), 1872—76 г.—5995 уч, (289011 дес,), 1877—81 г.—3133 уч. (141782 дес.), 1882—86 г.—2765 уч, (128283 дес.). Указанное время было самое горячее, особенно семидесятые годы; крестьяне прямо набрасывались на землю, принимая всѣ условія, какія диктовали помѣщики. Послѣдніе получали на этой операціи громадныя деньги. Цѣны соотвѣтствовали самымъ высокимъ спекулятивнымъ цѣнамъ внутреннихъ губерній. При совершеніи купчей деньгами вносилось отъ 10—20%. Уплата остальной суммы разсрочивалась на 15—20 лѣтъ, съ уплатой обыкновенно 6% годовыхъ, но безъ погашенія. Сроки эти потомъ еще удлинялись, такъ какъ оказывалось, что крестьянинъ, въ погонѣ за землей, вступалъ въ такіе договоры, что нечего было и думать о погашеніи капитальнаго долга въ такой короткій срокъ. Онъ едва успѣвалъ вносить проценты и % на %, и съ тоской и опаской вынужденъ былъ созерцать въ долговой книжкѣ неподвижную изъ года въ годъ капитальную сумму долга. Продленіе разсрочки платежа зависѣло, конечно, отъ доброй воли помѣщика: неуплата долга въ срокъ, давала ему право немедленно пустить усадьбу съ молотка. Однако, этимъ правомъ помѣщики пользовались сравнительно рѣдко, такъ какъ продленіе разсрочки приносило имъ лишніе и сравнительно высокіе проценты на неопредѣленное время.

Очень часто часть долга или даже весь долгъ уплачивало помѣщику Лифл. дворянское кредитное общество, дѣлаясь такимъ образомъ кредиторомъ крестьянина подъ залогъ усадьбы въ этомъ кред. обществѣ. Этотъ безличный кредиторъ, хотя взималъ меньшій %, оказывался болѣе безпощаднымъ въ случаѣ просрочки, и много кр. усадебъ пущено имъ съ молотка и пускается въ эти грозные и трудные дни военнаго времени.

Къ 1900 году за проданные крестьянскіе участки Лифляндскіе помѣщики получили наличными 33.867.786 руб. (около 84% задолженной суммы), а за крестьянами (Лифл. губ.) осталось всего долга 38.262.169 руб., или около половины всей покупной суммы (12.543.969 руб. помѣщикамъ и 25.718.200 р. дворянскому кредитному обществу). Громадность переплатъ на однихъ процентахъ очевидна. До чего тяжко дается преодолѣніе разставленныхъ «свободнымъ соглашеніемъ» сѣтей, видно изъ того,

что къ 1897 году въ Лифляндіи изъ проданныхъ крестьянамъ 24.000 усадебъ, окончательно было выкуплено всего 4.451.

Не надо забывать при этомъ, что самъ законъ предоставлялъ помѣщикамъ разныя привилегіи (о нихъ рѣчь будетъ ниже), что ограничивало покупщика, а фактическая цѣнность усадьбы соотвѣтственно уменьшалась. Эти ограниченія заботливо и неукоснительно повторялись еще и въ купчихъ контрактахъ, для вящшаго назиданія, и вопреки указаніямъ Сената далеко не всегда соотвѣтственно уменьшалась покупная сумма. Мало того, помѣщикъ, по аккуратному нѣмецкому принципу, не рѣдко оговаривалъ въ «свободномъ договорѣ» купли, что такія-то ограниченія остаются на усадьбѣ и въ случаѣ отмѣны соотв. привилегій дворянскихъ имѣній въ будущемъ. Эта аккуратность, впрочемъ, не помогла, такъ какъ нынѣ, въ годину войны съ Германіей, эти частно-правовыя привилегіи дворянскихъ вотчинъ отмѣнены, со спеціальнымъ указаніемъ, что всякія вышеупомянутыя оговорки въ контрактахъ теряютъ обязательную силу и почитаются недѣйствительными. Но сколько «злой крови» было порождено этими ограниченіями въ свое время, то знаютъ лишь Прибалтійскіе крестьяне...

Къ девяностымъ годамъ прошлаго столѣтія продажа кр. усадебъ круто пошла на убыль, а въ послѣднее время почти пріостановилась, особенно послѣ памятнаго 1905 года, когда нѣмцы усиленно занялись укрѣпленіемъ позицій нѣмечества въ краѣ—какъ-будто онѣ и безъ того не были опутаны проволочными загражденіями всякихъ привилегій. Въ четырехлѣтіе 1882—86 гг. было продано въ Лифл. губ. 2.765 крест. усадебъ, а за послѣдующія 15 лѣтъ (1887—1901)—почти столько же (2.865).

Остальныя усадьбы (правда, меньшинство) остались въ арендномъ пользованіи крестьянъ, которое весьма слабо защищено закономъ. Минимальный законный срокъ аренды всего 6 лѣтъ. А тамъ можно увеличивать арендную плату и ухудшать всѣ прочія условія по усмотрѣнію. Можно выставить арендатора тоже по усмотрѣнію, лишь съ соблюденіемъ указаннаго мизернаго срока. Мѣстами фактически вводится даже барщинная аренда, запрещенная закономъ. Многіе изъ такихъ арендныхъ контрактовъ являются сплошнымъ издѣвательствомъ, и если жадные до «земли» арендаторы, тѣмъ не менѣе ихъ подписываютъ и остаются жить въ усадьбѣ, то это объясняется понятной привязанностью къ родному уголку, гнѣздышку отцовъ, политому

ихъ и своимъ потомъ, а съ другой стороны, безвыходнымъ положеніемъ (куда же все-таки дѣваться? Не всѣмъ же бѣжать въ Бразилію или переселяться въ Сибирь на свободныя земли, порывая съ родиной); кромѣ того, теплится еще и наивная надежда отчаянія—авось «имѣніе» не пойдетъ противъ элементарнѣйшаго человѣческаго чувства и не станетъ настаивать на буквальномъ исполненіи всѣхъ пунктовъ контракта. И впрягается арендаторъ-крестьянинъ въ ярмо «свободнаго договора», работаетъ, какъ волъ и все на что-то надѣется.

Время отъ времени образчики такихъ крѣпостническихъ арендныхъ контрактовъ украшаютъ освѣдомительныя страницы латышской печати, читателямъ которой все это и безъ того хорошо извѣстно. А за этими предѣлами никто о нихъ—кромѣ развѣ суда въ нѣкоторыхъ случаяхъ—такъ и не узнаетъ ничего.

Для примѣра приведемъ одинъ такой образчикъ изъ латышской печати. Въ іюлѣ мѣс. сего 1916 года владѣлецъ им. Голговскъ, Валкскаго уѣзда, Лифляндской губ., объявилъ «своимъ» 40 крестьянамъ-арендаторамъ новые арендные контракты, съ обычнымъ законнымъ предвареніемъ, что въ случаѣ ихъ непринятія арендаторы въ Юрьевъ день (23 апр.) будутъ выселены изъ арендуемыхъ ими усадебъ. Арендная плата повышена на 20—30 и до 50% противъ предыдущей. Среди пунктовъ контракта имѣются такіе:

§ 3. Если для осушенія мызныхъ (помѣщичьихъ) полей, луговъ или лѣсовъ необходимы новыя канавы и таковыя проходили бы черезъ землю арендатора, то сіи канавы роются пополамъ съ арендаторомъ. По вырытіи онѣ должны содержаться въ порядкѣ арендаторомъ однимъ. Въ противномъ случаѣ арендаторъ платитъ 25 руб. штрафа, а канавы очищаются за его счетъ.

Арендаторъ не имѣетъ права продавать и вообще выпускать изъ своего хозяйства солому, подстилку, сѣно, клеверъ и прочія кормовыя травы.

§ 4. Арендаторъ обязанъ ремонтировать, а если нужно, то и вновь возвести хозяйственныя постройки за свой счетъ, за что ему никакого вознагражденія не причитается.

§ 6. Если арендаторъ по истеченіи срока арендnаго контракта не оставитъ во время арендуемую усадьбу, онъ теряетъ право на какія бы то ни было требованія по отношенію къ помѣщику и, кромѣ того, уплачиваетъ 100 руб. штрафа.

§ 8. Если арендаторъ или кто-либо изъ обитателей его усадьбы будутъ настигнуты на собираніи травы (на корню, ручнымъ способомъ) въ предѣлахъ имѣнія (мызы), то онъ, арендаторъ, платитъ 5 руб. штрафа и кромѣ того возмѣщаетъ весь убытокъ.

§ 10. За каждое засохшее фруктовое дерево арендаторъ обязанъ уплатить 1 рубль, за ягодный кустъ—50 коп., за издѣльное дерево—10 руб. Если имѣніе (мыза) вырубитъ лѣсъ на землѣ арендатора, то охрана срубленныхъ деревьевъ, впредь до ихъ вывоза, лежитъ на арендаторѣ.

§ 11. Если арендаторъ или кто-либо изъ обитателей его усадьбы разведетъ костеръ въ помѣщичьемъ лѣсу или болотѣ, то арендаторъ обязанъ уплатить 25 руб. штрафа.

§ 14. Арендаторъ обязанъ чинить всѣ дороги въ предѣлахъ имѣнія (мызы), кои не принадлежатъ къ разряду почтовыхъ и приходскихъ. При первомъ неповиновеніи арендаторъ уплачиваетъ штрафу 10 руб., при второмъ—25 руб., а при третьемъ—выгоняется изъ арендуемой усадьбы.

§ 20. По первому требованію мызнаго управленія арендаторъ во всякое время обязанъ явиться въ мызу, въ противномъ случаѣ онъ уплачиваетъ 25 руб. штрафа.

§ 21. За правильное исполненіе сего контракта арендаторъ отвѣчаетъ всѣмъ своимъ настоящимъ и будущимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ.

§ 23. Всѣ сборы по заключенію сего контракта уплачиваетъ арендаторъ одинъ.

Коментаріи къ сему «свободному соглашенію», излишни. О контрактахъ на арендуемые участки мызной земли, которая въ этомъ отношеніи не защищена закономъ даже въ скромной долѣ крестьянской земли,—лучше умолчать: все равно никто изъ небалтійцевъ не повѣритъ.

Что за великолѣпный тонъ какого-то владѣтельнаго князя. Прежде всего, конечно, «обязанъ» во всемъ одинъ лишь арендаторъ. Даже договорную неустойку называетъ не по имени, а на манеръ уголовнаго законодателя—«штрафомъ». Однихъ «штрафовъ» набрано во всемъ «кодексѣ» на 226 руб. 50 коп. Введена отвѣтственность арендатора за продѣлки всѣхъ «обитателей». § 4 феодальнаго кодекса гордо игнорируетъ законъ о вознагражденіи за постройки, а § 3 отмѣняетъ законъ о воспрещеніи барщины—это, въ сущности, пріѣлось, но законъ вѣдь не для всѣхъ писанъ, по феодальному воззрѣнію.

Продавъ значительное число крестьянскихъ усадебъ, дворянство спохватилось, что такимъ образомъ, несмотря даже на тяжелыя условія выкупа, коренное земледѣльческое населеніе слишкомъ упрочитъ свои позиціи въ жизни края и что тѣмъ самымъ изъ рукъ дворянства и предводимаго имъ нѣмечества выскользнетъ часть его власти. Какъ уже сказано, особенно послѣ 1905 г., продажа арендныхъ участковъ почти вовсе прекратилась. Арендаторы тщетно добивались таковой. А принудительная продажа (выкупъ) этихъ участковъ до сихъ поръ еще не установлена, хотя этотъ вопросъ и выдвигался латышскими и эстонскими депутатами въ Госуд. Думѣ.

Если изнывающіе подъ бременемъ вѣчныхъ платежей и переплатъ собственники усадебъ весьма часто находятся во всяческой зависимости отъ помѣщика, то эта зависимость еще больше въ отношеніяхъ арендатора къ своему феодалу. Послѣдній это отлично учитываетъ, такъ же какъ непрекращающійся доходъ отъ все возрастающей арендной платы. Съ другой же стороны, слабая законная защита арендатора, полная необезпеченность его положенія при произвольныхъ арендныхъ контрактахъ и перспектива потери всего вложеннаго труда въ случаѣ удаленія изъ усадьбы, могущаго произойти черезъ каждыя 6 лѣтъ,—все это парализуетъ энергію земледѣльца и вредно отражается на культурѣ хозяйства, а также вноситъ свой минусъ во все хозяйство края.

Между тѣмъ неоспоримъ тотъ фактъ, что латышскій и эстонскій крестьянинъ, пріобрѣвъ землю въ собственность, своимъ упорнымъ трудомъ значительно парализовалъ тяжкія условія выкупа и добивался сравнительно высокаго уровня своего хозяйства, вопреки земельной политикѣ помѣщиковъ (а не благодаря ей, какъ они все еще имѣютъ смѣлость повторять, ссылаясь на свою «нѣмецкую культуру»). Мѣстное крестьянство вскорѣ доказало на дѣлѣ, что оно можетъ не только конкурировать съ помѣщикомъ въ сельскомъ хозяйствѣ, но и превзойти его. Болѣе богатые бароны позволяютъ себѣ національную роскошь, въ ущербъ экономическому процвѣтанію ихъ имѣній, и ставятъ въ свои имѣнія управляющими и арендаторами своихъ сородичей, объднѣвшихъ отпрысковъ дворянства и вообще нѣмцевъ,—въ томъ числѣ и иностранцевъ. Но такую роскошь—для поощренія «нѣмецкаго дѣла» могутъ себѣ позволять лишь крупные магнаты.

Ставъ болѣе или менѣе на собственныя ноги, латышскіе и эстонскіе крестьяне быстро усваивали все то, что подготовила

практическая наука о раціональномъ сельскомъ хозяйствѣ. Сельскохозяйственныя машины, искусственное удобреніе, культура болотъ и другой неудобной земли, дренажъ, садоводство, пчеловодство, птицеводство, а въ особенности скотоводство и молочное хозяйство—все это вводилось и культивировалось въ обширныхъ размѣрахъ. Крестьянство съ полнымъ довѣріемъ воспринимало всѣ тѣ указанія, которыя давались на безчисленныхъ спеціальныхъ лекціяхъ, собесѣдованіяхъ, испытаніяхъ и курсахъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Слѣдуетъ, однако, оговориться, что все это было возможно лишь на почвѣ поголовной грамотности народа и извѣстнаго уровня общаго культурнаго развитія его. Опытъ показываетъ, что безъ этихъ предпосылокъ никакая ученая агрономія далеко не уѣдетъ на такой практикѣ, наталкиваясь не только на отсутствіе сноровки и выдержки, но и на недовѣріе по существу и соотвѣтственную косность консервативной массы.

Балтійскіе молочные продукты и «Курляндскія молочныя» пользовались до войны широкой извѣстностью, такъ же какъ знаменитая «курляндская колбаса» и ветчина.

Латышскій и эстонскій земледѣлецъ уже освободился отъ обычнаго бича крестьянъ—засилья скупщиковъ. Свои продукты зернового, фруктоваго и молочнаго хозяйства и скотоводства, а также огородничества—если они не предназначены для дальней отправки, напр., въ Петроградъ,—онъ самъ привозитъ въ городъ на рынокъ (или на сельскіе рынки, которыхъ теперь, съ развитіемъ сельскихъ центровъ, развелось не мало). И объ стороны, конечно, остаются въ выигрышѣ. Кромѣ того, устраненію излишнихъ посредниковъ содѣйствовали различные кооперативы, особенно молочные. Отчасти этимъ приходится объяснить, почему, напр., въ Ригѣ даже въ скромной и неказистой столовой можно получить не только дешевые, но и вкусные доброкачественные обѣды. Продовольственныя лавки въ Прибалтикѣ торгуютъ, главнымъ образомъ, колоніальными продуктами и не въ силахъ взвинтить цѣны на сельскіе продукты. Все это, конечно, относится къ нормальнымъ, невоеннымъ временамъ.

Жизнеспособность—при извѣстныхъ географическихъ и коммуникаціонныхъ условіяхъ—даже и мелкаго, парцеллярнаго землевладѣнія въ Прибалтикѣ тоже можно считать доказанной. Въ вышеозначенномъ дѣлѣ здороваго снабженія рынковъ есть и «капля ихъ меду» и довольно крупная. Яркій примѣръ этого—клубничная культура въ Ассернѣ, на Рижскомъ взморьѣ. Тамъ

есть цѣлая колонія арендаторовъ, сидящихъ каждый на $^1/_3$—1 десятинѣ земли. Эти квадратики приморскихъ песковъ они обратили въ цвѣтущіе огороды клубники и снабжаютъ ею не только все 50—60-тысячное сезонное населеніе взморья и курортовъ, но и Петроградъ, куда въ теченіе клубничнаго сезона отправлялось ежедневно по парѣ вагоновъ съ клубникой. Потребители этой клубники врядъ ли знаютъ, что въ счетъ цѣны вошла и доля земельной ренты, уплачиваемой колоссальному майоратному владѣльцу почти всего Рижскаго взморья барону Фиркcу за то, что онъ не возбраняетъ маленькимъ арендаторикамъ на пустынныхъ пескахъ вызывать къ жизни цвѣтущія плантаціи клубники.

Среднее и мелкое землевладѣніе рвется къ простору и кипучей дѣятельности, оно способно оживить и освѣжить всю экономическую и общественную жизнь деревни, и ему надлежитъ дать дорогу въ будущемъ. Крупныя же латифундіи бароновъ висятъ подавляющимъ грузомъ на этой молодой силѣ и противодѣйствуютъ раскрѣпощенію живыхъ земледѣльческихъ силъ двухъ маленькихъ земледѣльческихъ по преимуществу народовъ—латышей и эстовъ. Двѣ трети крестьянства въ Прибалтикѣ какъ безземельные, обречены на вѣчное батрачество въ крупныхъ имѣніяхъ и въ крестьянскихъ усадьбахъ; они рвутся къ своему уголку земли, но тщетно. Въ послѣднія два десятилѣтія они массами стали покидать сельскій трудъ, переселяясь въ города съ ихъ развитой промышленностью и поступая тамъ на фабрики. Многіе отчаявшись пристроиться на родинѣ, переселились во внутреннія губерніи, въ Сибирь и въ Америку (Канаду, Бразилію, Соед. Штаты). До войны такихъ выселенцевъ-латышей, обездоленныхъ въ своей родной землѣ во славу нѣмецкихъ латифундій, насчитывалось около четверти милліона. За ними послѣдовало и не мало разоренныхъ «свободными соглашеніями» арендаторовъ. А недостатокъ рабочихъ рукъ въ сельскомъ хозяйствѣ дѣлался все грознѣе и грознѣе. Послѣ же войны онъ станетъ еще ощутительнѣе.

Въ виду всѣхъ отмѣченныхъ аграрныхъ золъ, отравляющихъ издавна атмосферу Прибалтійской деревни, въ первую голову необходимо надѣленіе безземельныхъ крестьянъ землею за счетъ обширнѣйшихъ латифундій, конечно, за справедливое вознагражденіе; необходима принудительная продажа по узаконенной нормѣ непроданныхъ арендныхъ участковъ, а также возвращеніе крестьянамъ самовольно присоединенныхъ къ мызамъ крестьянскихъ зе-

мель (по данным сенатора Монассеина до 1883 г. путемъ самовольнаго уничтоженія крестьянскихъ усадебъ и присоединенія ихъ къ мызной землѣ, а также «исправленіемъ границъ» у крестьянъ отобрано 174.428 дес.). Стоитъ только сопоставить, напр., такія явленія: въ Курляндіи изъ 400.000 земледѣльцевъ около 280.000 безземельныхъ; а, съ другой стороны, болѣе одной десятой части всей площади Курляндіи (218.916 десятинъ) принадлежитъ девяти дворянскимъ родамъ, т.-е. приблизительно столько же, сколько имѣется земли у 3.500 крестьянскихъ хозяйствъ средняго размѣра (если имѣть въ виду, что средняя площ. крестьянской усадьбы въ Курляндіи составляетъ около 40 дес.) *). Указанныя 9 латифундій имѣютъ слѣдующую площадь, согласно даннымъ Степанова: 11.747. дес., 13.166 дес., 15,065 дес., 15,200 дес., 15,400дес., 18.519 дес., 20.040 дес., 46.597 дес. и 63.182 дес., т.-е. всѣ вмѣстѣ составляютъ указанную площадь въ 218.916 дес. Между прочимъ, послѣднее изъ указанныхъ 9 крупнѣйшихъ имѣній (Дондангенъ, 63.182 дес., принадл. бар. Остенъ-Сакену) **) въ десять разъ больше той крестьянской земли, которая въ свое время была отдѣлена отъ него т. н. «красной чертой».—Согласно тѣмъ же даннымъ, въ Курляндіи изъ 569 дворянскихъ вотчинъ 293 меньше 1.000 десятинъ, а 276 — больше 1.000 дес. Изъ послѣднихъ 276 крупныхъ имѣній составляютъ:

Площадь въ	1.000—2.000	дес.—	130	имѣній.
»	2.000—4.000	» —	91	»
»	4.000—6.000	» —	29	»
»	свыше 6.000	» —	26	»

Вообще о Курляндскихъ дворянскихъ вотчинахъ можно сказать, что онѣ, за рѣдкими исключеніями, гораздо больше соотвѣтствующей крестьянской земли, тогда какъ въ сущности должно было

*) См. объ этомъ вышедшую въ Митавѣ въ 1899 г. книгу М. Н. Степанова „Землевладѣніе и землепользованіе въ Курляндской губ.“.

**) „Въ чьихъ рукахъ нашъ пограничный районъ Балтійскаго моря? Въ рукахъ нѣмецкихъ дворянъ, живущихъ замкнутою жизнью.... Въ Виндавскомъ у., гдѣ море омываетъ берега русскихъ владѣній съ 2 сторонъ расположено цѣлое герцогство Остенъ-Сакеновъ, въ 60,000 десятинъ, тѣхъ самыхъ Остенъ-Сакеновъ, 34 однофамильца которыхъ живутъ въ Германіи, а одинъ даже оказался недавно у насъ дезертиромъ“. Ренниковъ „Въ странѣ чудесъ“ стр. 124.

бы быть обратное соотношеніе. Только казенныя имѣнія тамъ обычно меньше соотвѣтствующей крестьянской земли.

Наконецъ, солидный земельный фондъ для разбивки на средніе и мелкіе участки и для продажи безземельнымъ крестьянамъ представляютъ многочисленныя казенныя имѣнія. Часть изъ нихъ уже мобилизована для этой цѣли, но весьма незначительная.

Вмѣстѣ съ аграрной реформой въ упомянутомъ духѣ, отнали бы сразу и всѣ политическія привилегіи крупнаго дворянскаго землевладѣнія, питающія обособленность и непримиримость Прибалтійскаго нѣмечества, и сгущенная «нѣмецкой культурой» нездоровая атмосфера взаимной озлобленности значительно разрядилась бы. И только тогда высокомѣрная баронская олигархія оставила бы свои олимпійскія позиціи и пошла бы на совмѣстную работу съ другими сословіями и національностями края.

Несмотря на вопіющую земельную нужду большинства крестьянъ Прибалтійскаго края, нѣмецкое дворянство стало наводнять край нѣмецкими колонистами, особенно послѣ столь обиднаго для нихъ 1905 года, ихъ же вышеочерченной аграрной политикой вызваннаго. Незадолго до войны, въ Курляндіи систематически не возобновлялись арендные контракты съ латышами на непроданныхъ участкахъ, латыши выгонялись изъ насиженныхъ усадебъ и на ихъ мѣсто сажались нѣмцы-колонисты, сыгравшіе нынѣ всѣмъ извѣстную роль при нашествіи германцевъ въ Курляндію.

Первая попытка колонизаціи края нѣмцами (именно пруссаками) относится къ шестидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія, послѣ тѣхъ крупныхъ аграрныхъ реформъ 1860—1866 гг., о которыхъ говорилось выше.

По отмѣнѣ барщины, въ указанное время, нѣмецкіе помѣщики стали выписывать с.-х. батраковъ изъ Пруссіи, ссылаясь на то, что тѣ будутъ лучше латышскихъ батраковъ, но это не оправдало ожиданій.

Латышскій крестьянинъ-рабочій лѣтомъ выходитъ на работу съ восходомъ солнца. Пруссакъ же захотѣлъ сперва напиться своего добраго кофе, а затѣмъ уже, часамъ къ 7—8 стать на работу, когда, напр., во время сѣнокоса уже солнце палитъ во всю, роса начинаетъ сходить, а коса беретъ хуже. Пріемы работы пруссаковъ тоже оказались неподходящими—во время бороньбы пруссакъ, напр., не ходилъ за бороной, а садился на лошадь верхомъ. Не прошло и полгода, какъ бароны стали своихъ земля-

ковъ потихоньку сплавлять обратно въ Германію. Оставшіеся тутъ разбрелись кто куда.

Болѣе способные прусскіе пришельцы все же устраивались ремесленниками, мызными служащими (подъ громкимъ названіемъ «Gutsbeamten»—«мызные чиновники») и даже управляющими имѣніями. Другіе переселились въ городъ и занялись колбаснымъ и конфектнымъ производствомъ.

Можно было бы ожидать, что здѣсь въ Прибалтійскомъ краѣ, въ сильнѣйшей твердынѣ нѣмечества въ Россіи, эти прусско-нѣмецкіе пришельцы при благосклонномъ содѣйствіи своихъ братьевъ по крови и языку— всесильныхъ прибалтійскихъ бароновъ, утвердятся особенно прочно, пріобрѣтутъ земельную собственность, ибо какъ разъ къ тому времени (въ 60-хъ годахъ) Прибалтійскіе помѣщики были весьма склонны продавать землю и особенно крестьянскіе усадебные участки. Для устраненія законныхъ препятствій въ то время легко было бы баронамъ натурализовать этихъ пруссаковъ и даже приписать ихъ къ волостямъ. А участки обширнѣйшихъ мызныхъ земель, все равно сдававшіеся въ аренду, могли пріобрѣтаться и лицами, не принадлежащими къ волостному обществу, такъ какъ ограниченіе круга покупателей и арендаторовъ членами сихъ обществъ относилось лишь къ крестьянской землѣ. Такимъ путемъ прибалтійское дворянство могло бы замѣтно онѣмечить край. Но ничего такого не случилось. Прибалтійская деревня какъ была, такъ и осталась латышской и эстонской, и въ этомъ стихійномъ и даже незамѣтномъ отбитіи и парализованіи прусско-нѣмецкой волны большая заслуга названныхъ двухъ націй. Съ тѣхъ поръ, какъ латыши и эсты стали пріобрѣтать землю и основывать свое среднее и мелкое землевладѣніе, и до предшествовавшей войнѣ колонизаціи, почти ни одинъ нѣмецкій колонистъ не пріобрѣлъ земли въ Прибалтійскомъ краѣ. (Особое мѣсто занимаетъ Гиршенгофская нѣмецкая колонія на границѣ Витебской и Лифляндской губ., гдѣ нѣмецкіе колонисты осѣли уже давно, но между прочимъ находятся на гораздо болѣе низкомъ уровнѣ культуры во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ ихъ же сосѣди—латыши). Въ то время, въ 60-ые годы, нѣмецкіе бароны еще, повидимому, не такъ увлекались пангерманскими идеями, и деньги стояли все же на первомъ планѣ. А прусско-нѣмецкіе земляки не хотѣли и не были бы въ силахъ платить такія цѣны и на такихъ условіяхъ, какъ болѣе выносливые и привязавшіеся къ землѣ латыши и эсты. Это было какъ разъ въ то время, когда на Югѣ Россіи и въ

Польшѣ нѣмецкая колонизація шла полнымъ ходомъ, но при гораздо болѣе низкихъ цѣнахъ на землю. Нѣмецкія культурныя способности въ сельско-хозяйственной сферѣ оказались гораздо ниже, чѣмъ латышскія и эстонскія.

Нѣмецкіе колонисты только тогда стали прочно осѣдать въ Прибалтійскомъ краѣ и пріобрѣтать землю цѣлыми колоніями, когда незадолго до войны извѣстная компанія колонизаторовъ изъ курляндскихъ нѣмецкихъ дворянъ, во главѣ съ государственнымъ измѣнникомъ Сильвіо фонъ-Бредрихомъ и высланнымъ нынѣ въ Сибирь барономъ Мантейфелемъ и Кауллемъ, базируясь на какой-то «таинственный» колонизаціонный фондъ, стали отдавать нѣмецкимъ колонистамъ землю вдвое дешевле себѣстоимости, вдвое дешевле подлинной цѣнности земли—съ прямой цѣлью колонизовать Курляндію нѣмцами.

На эту откровенную колонизацію Курляндіи нѣмцами (Нижней Курляндіи, т.-е. той части ея, которая ближе всего къ прусской границѣ) латышская печать указывала все время, ставя вопросъ: что должна означать такая тактика, когда вдругъ всѣмъ латышскимъ арендаторамъ, кореннымъ жителямъ края, отказываютъ арендные контракты и не возобновляютъ ихъ ни за какія деньги (а нѣмецкимъ колонистамъ землю продаютъ за полцѣны),—увольняютъ въ имѣніяхъ латышскихъ батраковъ, латышскихъ служащихъ и лѣсниковъ, а на ихъ мѣсто всюду ставятъ нѣмецкихъ колонистовъ? Вопросъ этотъ, конечно, стоитъ только поставить, и отвѣтъ на него сразу дается самъ собою. А курляндская (по преимуществу нѣмецкая) администрація во главѣ съ нѣмцелюбивымъ губернаторомъ Набоковымъ («dem deutschfreundlichen Gouverneur Nabokoff», какъ нынѣ въ Берлинѣ откровенничаетъ тотъ же Сильвіо фонъ-Бредрихъ)—смотрѣли на это съ благожелательнымъ нейтралитетомъ.

Когда курляндскій латышскій депутатъ Я. Ю. Гольдманъ въ Госуд. Думѣ поднялъ тревогу по этому поводу, дворянскій депутатъ отъ Курляндіи баронъ Фелькерзамъ пояснилъ, что нѣмецкихъ колонистовъ дворянство ввозитъ оттого, что латышскихъ батраковъ нѣтъ (при двухъ третяхъ безземельнаго крестьянства!). Далѣе баронъ Фелькерзамъ заявилъ, что число нѣмецкихъ колонистовъ въ Нижней Курляндіи не превышаетъ 2—3 тысячъ. Между тѣмъ упомянутый Сильвіо фонъ-Бредрихъ, душа всей этой колонизаціи (ему и книги въ руки!) въ своей брошюрѣ «das neue Ostland» («Новая Восточная провинція», т.-е. Курляндія), не-

давно вышедшей въ Берлинѣ, радостно и откровенно удостовѣряетъ, что его компаніи удалось до войны населить въ Курляндіи около 20.000 нѣмецкихъ колонистовъ. Кто же изъ этихъ двухъ курляндскихъ дворянъ «ошибся»: баронъ Фелькерзамъ или Сильвіо фонъ-Бредрихъ?.

Сильвіо фонъ-Бредрихъ въ упомянутой своей брошюрѣ признаетъ, что цѣлью его компаніи, дѣйствительно, было колонизовать Курляндію нѣмцами. Далѣе, онъ спѣшитъ дать совѣты германскому правительству, какъ слѣдовало бы повести колонизацію Курляндіи, чтобы она превратилась въ настоящую нѣмецкую землю. Онъ заявляетъ, что Курляндское дворянство обѣщало, на случай присоединенія Курляндіи къ Германіи, отдѣлить отъ каждаго имѣнія третью часть для поселенія на ней нѣмецкихъ колонистовъ. Половину латышей-усадьбовладѣльцевъ Бредрихъ предлагаетъ выгнать немедленно изъ ихъ усадебъ, каковыя передать нѣмецкимъ колонистамъ; а остальную половину латышей, надѣется онъ, со временемъ вытѣснятъ нѣмцы сами. Такой же порядокъ авторъ брошюры предусматриваетъ для Лифляндіи и Эстляндіи.

Такъ дѣлитъ разоткровенничавшійся курляндскій дезертиръ шкуру непойманнаго медвѣдя, выдавая головой свою «компанію» колонизаторовъ.

VIII.

При присоединеніи Прибалтійскаго края къ Россіи были торжественно признаны и утверждены разнообразнѣйшія привилегіи мѣстнаго дворянства, равно какъ и бюргерства, словомъ—привилегіи Прибалтійскихъ нѣмцевъ, какъ правящаго слоя. А накопилось этихъ привилегій цѣлый лѣсъ, путемъ постепеннаго историческаго наслоенія.

Основнымъ актомъ о привилегіяхъ, гдѣ онѣ сведены въ извѣстную систему, Прибалтійское дворянство считаетъ (и постоянно на него ссылается) т. н. «Привилегію Сигизмунда Августа», короля польскаго и великаго князя литовскаго, данную въ Вильнѣ 28 ноября 1561 года, т.-е. во время польскаго владычества въ Ливоніи, подъ слѣдующимъ торжественнымъ титуломъ: Privilegia Nobilitatis Sigismundo August Rege circa subjectionem universae

Livoniae indulta. Datum, Vilnae, tertia sexta post festum. St. Catharinae, anno 1561».

Подлинность этой привилегіи не разъ оспаривалась и возбуждала сомнѣніе не только у писателей противнаго прибалтійскому дворянству лагеря, но и шведскими королями, въ эпоху шведскаго владычества краемъ. Во всякомъ случаѣ, подлиннаго экземпляра ея никто не видалъ. Когда шведскій король Густавъ Адольфъ, которому Ливонское рыцарство представило копію Сигизмундовой привилегіи на предметъ утвержденія, усумнился въ существованіи самой привилегіи и потребовалъ ея подлинника, рыцарство созналось, что подлинникъ «утерянъ» и достать его невозможно. «Исторія эта темна и непонятна»—таковъ выводъ безпристрастныхъ историковъ, и покуда прямо не доказано существованіе подлинной привилегіи, ее слѣдуетъ въ сущности считать несуществующей.

Но это—вопросъ чисто академическій и историко-юридическій. На самомъ же дѣлѣ привилегіи эти фактически признавались въ полномъ объемѣ, и дворянство пользовалось ими, а уцѣлѣвшей ихъ частью пользуется и по сей день, а часть эта весьма солидна. Выше неоднократно уже приходилось упоминать разные элементы этихъ привилегій. Систематическое ихъ изложеніе потребовало бы цѣлаго особаго труда и не входитъ въ задачи настоящихъ очерковъ. Для насъ важно лишь въ общихъ чертахъ отмѣтить ихъ существованіе и самыя выдающіяся проявленія, что отчасти уже сдѣлано, въ предшествующихъ главахъ. Между прочимъ, было уже указано, какая громадная привилегированность связана съ крупнымъ дворянскимъ землевладѣніемъ, не только въ публично-правовой сферѣ, но и въ чисто экономическомъ значеніи, и какъ черезъ это искусственно питается и укрѣпляется въ краѣ нѣмечество и нѣмецкое засилье.

Изъ частно-правовыхъ привилегій, связанныхъ съ дворянскими вотчинами Прибалтійскаго края, болѣе всего порождали безконечныя столкновенія привилегіи, указанныя въ ст. 883 и 892 мѣстныхъ гражданскихъ законовъ (ч. III Св. узак. губ. Остз.). Согласно этимъ статьямъ, дворянскимъ вотчинамъ Лифляндіи и Курляндіи принадлежалъ цѣлый рядъ особыхъ правъ, коихъ была лишена вся остальная земля, въ томъ числѣ, конечно, и вся крестьянская земля. Эти права, исключительно принадлежавшія дворянскимъ вотчинамъ, таковы: 1) право винокуренія и пивоваренія, право продажи водки и пива и съѣстныхъ при-

пасовъ, а равно право устраивать и содержать корчмы и шинки; 2) право охоты и рыбной ловли; 3) право устраивать мѣстечки и фабрики; 4) право устраивать ярмарки.

Всѣ эти особыя права дворянскихъ вотчинъ нынѣ, въ 1916 году, отмѣнены законодательнымъ порядкомъ,—отмѣнены въ томъ смыслѣ, что указанныя права впредь являются принадлежностью всякаго землевладѣльца, а не только владѣльцевъ дворянскихъ вотчинъ.

Больше всего дохода приносила помѣщикамъ «пьяная привилегія». Въ Прибалтійскомъ краѣ до войны было великое изобиліе сельскихъ корчемъ. Пьянство было сильно развито и служило для помѣщиковъ золотымъ дномъ. Да и городскія питейныя заведенія представляли крупный рынокъ сбыта для помѣщичьихъ пивоваренъ. На самой захудалой сельской корчмѣ обыкновенно красовалась благородная вывѣска: «такого-то барона (графа, князя, фона) такая-то корчма», что отнюдь не считалось предосудительнымъ. Не даромъ всѣ нѣмецкіе депутаты въ Гос. Думѣ такъ рьяно возставали противъ законопроекта о правѣ волостного общества постановлять о закрытіи корчемъ. Мобилизовалась вся тяжелая артиллерія юридическихъ доводовъ въ пользу священнаго и неприкосновеннаго «частнаго имущественнаго права» помѣщиковъ. Никому изъ нихъ и въ голову не приходило, что народное пьянство есть въ высокой степени не «частное», а публичное явленіе. Когда въ 1900 году въ краѣ была введена казенная винная монополія, съ чѣмъ отпало право дворянскихъ кабаковъ торговать водкой, то Прибалтійскому «рыцарству и земству» удалось выхлопотать себѣ вознагражденіе въ 10 милліоновъ рублей за сію ускользнувшую выгоду, а по подсчету проф. Озерова—даже 26 милл. руб... Винная монополія была введена во всей Россіи, и никто, кромѣ лишь прибалтійскихъ бароновъ, никакого вознагражденія не получилъ и, насколько извѣстно, и не просилъ *). Одни только благородные

*) При введеніи винной монополіи въ Россіи, по подсчету проф. Озерова, около 140,000 частныхъ хозяйствъ лишились своего дохода полностью или частью: винокуренные заводчики, владѣльцы оптовыхъ винныхъ складовъ, трактирщики, рестораторы, корчмари, (собственники или арендаторы сихъ питейныхъ заведеній) и др. Также и крестьянскія общества и многіе русскіе помѣщики потерпѣли матеріальный ущербъ въ видѣ ускользнувшей выгоды или прямого убытка. Напр. крестьянскія общества Тверской губ. за 1900 годъ, такимъ образомъ потеряли 161.000 руб. деньги, которыя у нихъ могли бы идти и на культурныя нужды. И никто никакого вознагражденія отъ казны не получалъ.

рыцари Прибалтійскаго края сочли допустимымъ добиваться и получить вознагражденіе. Между прочимъ, въ Государственномъ Совѣтѣ (дореформенномъ), гдѣ этотъ вопросъ обсуждался, большинство было противъ выдачи этого вознагражденія. Получивъ это вознагражденіе, заправилы «страны чудесъ» на самомъ дѣлѣ, почти никакого ущерба не понесли, такъ какъ корчмы ихъ торговали не менѣе бойко, а арендная плата съ корчмарей взималась уже въ двойномъ и тройномъ размѣрѣ—и ничего: выдержали корчмари вполнѣ.

Право охоты на землѣ крестьянъ-собственниковъ въ Лифляндіи и Курляндіи принадлежало, въ силу привилегіи помѣщиковъ, не этому собственнику, а помѣщику. Доходило до того, что баронская охотничья компанія гнала своихъ зайцевъ по полямъ крестьянъ; и крестьянинъ не имѣлъ права стрѣлять въ привилегированнаго зайца даже тогда, когда тотъ обгладывалъ его фруктовый молоднякъ. Результатомъ этой привилегіи была масса судебныхъ процессовъ и много ненужнаго взаимнаго озлобленія.

Всѣ эти привилегіи обыкновенно вносились и въ купчіе контракты при продажѣ крестьянскихъ усадебъ и съ оговоркой, что онѣ сохраняются за помѣщикомъ и въ случаѣ ихъ законодательной отмѣны. Нынѣ при отмѣнѣ сихъ привилегій постановлено, что подобныя записи въ крѣпостныхъ книгахъ и контрактахъ почитаются недѣйствительными.

Слѣдуетъ отмѣтить съ глубокимъ удовлетвореніемъ, что означенныя привилегіи дворянскихъ вотчинъ отмѣнены съ тѣмъ, что за нихъ не причитается никакого вознагражденія.

Заодно съ этимъ отмѣнено и право помѣщиковъ принудительно отчуждать (за вознагражденіе) часть проданной отъ имѣнія земли въ случаѣ необходимости таковой для прокладки дорогъ, канавъ, и др. меліоративныхъ сооруженій, нужныхъ для имѣнія. Такого права опять-таки не имѣлъ никто въ Россіи и, пожалуй, и во всемъ мірѣ, такъ какъ право принудительнаго отчужденія обыкновенно признается лишь за государствомъ для какой-либо государственной или общественной цѣли, но никакъ не для выгоды отдѣльныхъ лицъ.

Въ общемъ, эти отмѣненныя нынѣ привилегіи сами по себѣ не представляли въ новѣйшее время большой цѣнности для помѣщиковъ. Самая доходная изъ нихъ—пьяная привилегія, съ упраздненіемъ пьянства въ Россіи, потеряла всякую цѣнность. Но принципіальное значеніе этой отмѣны очень велико. А право учреждать промышленныя заведенія, устраивать ярмарки и мѣстечки, безъ

сомнѣнія, все же играетъ важную роль въ хозяйственной жизни, и предоставленіе его всѣмъ землевладѣльцамъ послужитъ несомнѣнно къ оживленію ея. Кромѣ того, эта отмѣна важна, какъ первый шагъ въ сторону упраздненія всѣхъ вообще привилегій въ краѣ, а такихъ осталось, какъ уже указано выше, не мало.

Въ связи съ отмѣной привилегій рыбной ловли, законодатель упустилъ изъ виду одну весьма странную привилегію эстляндскихъ помѣщиковъ и оставилъ ее неотмѣненной: ст. 1032 прибалтійскихъ гражданскихъ законовъ предоставляетъ владѣльцамъ прибрежныхъ имѣній въ Эстляндіи исключительное (съ устраненіемъ всѣхъ остальныхъ) право рыбной ловли въ морѣ на разстояніи 3 верстъ отъ берега. А ст. 1029 постановляетъ, что названный владѣлецъ прибрежнаго имѣнія не обязанъ оставлять бечевникъ на взморьѣ и распоряжается и пользуется береговой полосой одинъ, съ устраненіемъ всѣхъ и каждаго. Поэтому, напр., въ Везенбергскомъ уѣздѣ рыбаки не могли выѣхать въ море: помѣщикъ ихъ не пускалъ черезъ «свою» прибрежную полосу въ удобномъ для берегового оборудованія мѣстѣ. Такъ далеко не заходитъ ни одна частно-правовая система, ибо море и взморье не гостиная, куда можно не пускать «посторонних̀ъ», а также не вотчина. Даже въ Пруссіи море и береговая полоса находятся въ общемъ пользованіи, по публичному праву, такъ же какъ и въ древнемъ Римѣ по «праву народовъ». Между тѣмъ, въ источникахъ этой статьи и 1029 упоминаются: обычай (чей?!) и... циркулярное распоряженіе Прибалтійскаго Генералъ-Губернатора... Нечего сказать—солидныя «историческія основы!»

Между прочимъ, съ отмѣной привилегій охоты прекратятся такіе случаи, когда иной крестьянинъ вынужденъ былъ превращать устроенный молодой фруктовый садъ снова въ пахоту, въ виду того, что зайцы обгладывали рѣшительно всѣ деревца, а стрѣлять «баронскихъ зайцевъ» онъ не имѣлъ права. Одному курляндскому крестьянину, такимъ образомъ, было причинено убытка на нѣсколько тысячъ рублей, а искать было не съ кого. Впрочемъ, если бы даже курляндцы рѣшились нарушить заячью привилегію, все равно стрѣлять было бы не изъ чего, ибо въ послѣдніе годы губернаторъ Набоковъ латышамъ рѣдко разрѣшалъ хранить огнестрѣльное оружіе, а нѣмецкіе колонисты (не говоря уже о баронахъ и ихъ служащихъ, державшихъ цѣлые арсеналы)—могли обзаводиться оружіемъ безпрепятственно *).

*) См. Ренниковъ „Въ странѣ чудесъ“ стр. 131—134.

Къ числу фактическихъ привилегій Прибалтійскаго дворянства относится почти полная свобода ихъ отъ дорожной повинности. Мы уже видѣли, что на крестьянствѣ лежитъ 96,3% всей дорожной повинности, а на дворянствѣ—3,7%. Вообще въ Прибалтійскомъ краѣ хорошія дороги. Но на самомъ дѣлѣ всѣ лучшія дороги ведутъ лишь изъ имѣнія въ имѣніе и приспособлены именно для нуждъ имѣній (мызъ). Изъ болѣе крупныхъ имѣній дороги расходятся во всѣ стороны. Нѣкоторыя изъ нихъ ведутъ исключительно въ какой-нибудь подмызокъ помѣщика, на луга или поля имѣнія и служатъ только для нуждъ помѣщика. Крестьяне же обязаны эти дороги чинить и содержать въ исправности. Помѣщикъ даетъ лишь матеріалъ для мостовъ и гравій, да еще «спеціалистовъ», которые всегда отсутствуютъ—и правильно, ибо крестьяне, къ сожалѣнію, сами имѣли слишкомъ много возможности «наспеціализироваться» въ этомъ дѣлѣ. Не даромъ, оказывается, что, въ виду траты времени и вслѣдствіе нарядовъ на работу (рабочихъ съ лошадьми), дорожная повинность обходится ежегодно каждой крестьянской усадьбѣ въ 100—200 рублей, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и значительно больше. Дороги же проселочныя изъ тѣхъ, по которымъ приходится ѣздить по преимуществу крестьянамъ, официально вовсе и не признаются за «дороги» и забота о нихъ не нормирована никѣмъ; если хочешь—исправляй самъ.

Въ Курляндіи за послѣдній годъ передъ войной замѣтно усилились кары за недостаточную якобы починку дорогъ. Нѣмецкая уѣздная администрація прямо свирѣпствовала. Теперь, когда по этимъ улучшеннымъ дорогамъ германцы легко и удобно обслуживаютъ свои войска въ занятой Курляндіи, съ горечью и злобой вспоминаешь эту внезапную дорожную горячку недавняго прошлаго.

Какъ уже отмѣчено выше, Прибалтійскія волости во многомъ несутъ чисто земскія повинности, изъ которыхъ набирается внушительная сумма въ расходномъ бюджетѣ волостного хозяйства. Нынѣ волостные финансы трещатъ по всѣмъ швамъ, а источники дохода весьма ограничены. Между тѣмъ, дворянскія имѣнія, занимающія около половины всей площади края, не входятъ въ составъ волости, не участвуютъ въ ея расходахъ (такъ же какъ и сельскія торговыя и промышленныя заведенія), тогда какъ часть тѣхъ земскихъ услугъ, которыя оказываетъ волость, идетъ и въ пользу имѣній и этихъ предпріятій торговли и промышленности. Зато помѣщики имѣютъ право своей

мызной полиціи, которая никакихъ услугъ никому, кромѣ помѣщика, не оказываетъ. Между прочимъ, въ земскомъ проектѣ латышско-эстонскихъ депутатовъ, внесенномъ въ Госуд. Думу, предусмотрѣно включеніе мызы (и сельскихъ торг. и пром. заведеній) въ составъ волости, какъ мелкой земской единицы. Какая судьба постигнетъ этотъ проектъ, неизвѣстно.

* *
*

Когда въ правительственныхъ сферахъ или въ Государственной Думѣ поднимается вопросъ о какой-либо реформѣ въ Прибалтійскомъ краѣ—нѣмецкіе депутаты (или внѣ Думы—очередные баронскіе ходатаи) ссылаются на то, что нигдѣ въ Россіи крестьяне не живутъ такъ хорошо, зажиточно и культурно, какъ въ Прибалтійскомъ краѣ, сравнительно же высокій культурный уровень крестьянства нѣмецкое представительство и ихъ ходатаи стремятся поставить себѣ, дворянству, въ заслугу. Выше уже была подробнѣе выяснена ошибочность этого разсужденія. Ибо все то, что достигнуто латышскимъ и эстонскимъ земледѣльцемъ, отвоевано у бароновъ кровнымъ потомъ и упорнымъ трудомъ, несмотря на систематическое противодѣйствіе всяческому прогрессу.

Однажды въ Государственной Думѣ бар. Фелькерзамъ утверждалъ, что значительныя сбереженія латышскихъ крестьянъ получились отчасти отъ того, что они втридорога продаютъ усадьбы, столь дешево купленныя у помѣщиковъ. Прирость цѣнности усадьбы есть неизбѣжный результатъ указанной интенсификаціи с.-х. культуры, а также непрерывнаго вздорожанія земли вообще, но отнюдь не можетъ служить доказательствомъ, что баронъ ее когда-то дешево будто-бы продалъ. Мы уже отмѣтили, что въ эпоху усиленной продажи усадебъ помѣщиками, ихъ же сородичи, нѣмецкіе колонисты не рѣшались подвергаться этому благодѣянію изъ-за цѣнъ и условій выкупа, а предпочитали обзаводиться землей въ Волыни, въ Бессарабіи и въ Польшѣ.

Въ Прибалтійскомъ краѣ, благодаря его культурному, экономическому и географическому положенію, цѣнность сельскаго хозяйства могла возрастать быстрѣе. Большое значеніе имѣетъ для поднятія с.-хоз. культуры также усадебная (хуторская) система, издавна существовавшая у латышей и эстовъ. Кромѣ того,

Прибалтійскій край занимаетъ выгодное географическое положеніе у моря и у «окна въ Европу», съ такими крупными портами, какъ Рига, Ревель и Либава, а въ послѣднее время и Виндава. Находясь на міровомъ перекресткѣ, латышскій и эстонскій крестьянинъ легче могъ воспринимать полезные примѣры у такихъ образцовыхъ крестьянствъ, какъ датское и скандинавское: въ послѣднее время оттуда перенималось мѣстными агрономами много поучительнаго, что неукоснительно популяризировалось въ народѣ.

Но во всемъ этомъ, право, нѣтъ никакой заслуги со стороны дворянства, и врядъ ли даже барону Фелькерзамъ станетъ утверждать обратное. Не нѣмцы же въ самомъ дѣлѣ поселили латышей въ Прибалтикѣ и не они дали урокъ усадебной системы: послѣдняя была у латышей еще задолго до пріѣзда тевтонскихъ рыцарей въ устье Двины. Врядъ ли окажется заслугой дворянства и то, что при развитіи промышленности и транспортныхъ средствъ въ край земледѣльцы могли сбывать продукты по болѣе высокимъ цѣнамъ и тѣмъ улучшать свое положеніе.

IX.

Съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, вмѣстѣ съ фактическимъ освобожденіемъ крестьянъ и съ отчасти ограниченіи передвиженія, а съ другой стороны — съ паденіемъ цехового строя въ городахъ, туда стали все больше переселяться и латыши и эсты. До 1832 года прибалтійскимъ крестьянамъ вовсе было запрещено селиться въ городахъ, несмотря на состоявшееся личное освобожденіе отъ крѣпостной зависимости. А до шестидесятыхъ годовъ, при крайнемъ упадкѣ всей экономической жизни крестьянъ и при оставшихся многочисленныхъ путяхъ для передвиженія, весьма немногіе изъ нихъ успѣли основаться въ городахъ. При цеховомъ строѣ, напр., для занятія ремесломъ или торговлей надо было обязательно отречься отъ своей національности и зачислиться въ нѣмцы.

Но и послѣ удаленія этихъ препятствій латышскіе ремесленники и купцы могли дѣйствовать въ весьма узкихъ рамкахъ. Не было связи съ массой публики (которая и покупала и заказывала только у нѣмцевъ), не было никакой поддержки, а для расширенія предпріятія не было капитала и отсутствовалъ самый нервъ торговли—кредитъ (т.-е. отсутствовалъ именно для «не-нѣмца», какъ такового). Латышскій торговецъ —

только въ силу того, что онъ не нѣмецъ—нерѣдко вынужденъ былъ быть свидѣтелемъ, какъ хорошая прибыль уходила къ нѣмцу. Нѣмецкіе капиталисты и ихъ кредитныя учрежденія оказывали кредить латышу лишь при условіи его онѣмеченія и отказа отъ какого бы то ни было національнаго общенія съ нарождающейся латышской буржуазіей—или же когда латышъ почему-либо былъ необходимъ нѣмцамъ.

Но было довольно рискованно кредитоваться у нѣмцевъ. Могло вѣдь случиться, что латышъ съ умысломъ или безъ всякаго умысла «согрѣшитъ» передъ «нѣмецкимъ дѣломъ», и тогда нѣмецкая кредитная помощь могла превратиться въ гибель.

Вообще нѣмецкій бюргеръ напоминалъ не-нѣмцу при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, что его только терпятъ въ средѣ купцовъ и ремесленниковъ.

Силу воздѣйствія «разгнѣванной» нѣмецкой кредитной помощи испыталъ на себѣ, между прочимъ, знаменитый въ свое время въ Ригѣ латышскій архитекторъ Бауманъ, этотъ рижскій «строитель Сольпесъ». На этомъ характерномъ случаѣ стоитъ остановиться поближе.

Съ паденіемъ разныхъ другихъ пережитковъ средневѣковой старины, пали и рижскіе валы, опоясывавшіе городъ, какъ старинную крѣпость. На мѣстѣ валовъ выросли ряды новыхъ красивыхъ домовъ, т.-е. весь новый городъ, со временемъ затмившій древнюю сердцевину Риги. Эти дома на грани стараго и новаго города («предмѣстій») служатъ нынѣ украшеніемъ Риги и въ этомъ большая заслуга также и архитектора Баумана, по планамъ котораго строились почти всѣ лучшіе дома этой полосы. Нѣсколько домовъ Бауманъ построилъ и на свой счетъ, для чего, конечно, пришлось кредитоваться въ рижскихъ нѣмецкихъ кредитныхъ учрежденіяхъ (латышскихъ тогда еще не было).

Но затѣмъ арх. Бауманъ имѣлъ неосторожность быть избраннымъ въ гласные Рижской Городской Думы. Будучи человѣкомъ прямого, открытаго и пылкаго характера, онъ не воздержался отъ критики нѣмецкихъ отцовъ города, указывая на ихъ односторонне нѣмецкую и «патриціанскую» политику въ городскомъ хозяйствѣ—на словахъ и въ спеціальной брошюрѣ. Къ этому нѣмецкіе общественные дѣятели не привыкли, это была дерзость. Надо было освободиться отъ такого протестанта, который къ тому же слишкомъ хорошо все понималъ и зналъ. И освободились.

Держатели облигацій на Бауманскіе дома—все нѣмцы—дружно потребовали немедленной уплаты по нимъ. Сразу всѣмъ Бауманъ, конечно, уплатить не могъ, и его прекрасные дома были проданы съ торговъ.

Двадцать лѣтъ спустя, когда у латышей уже были свои кредитныя учрежденія, такія явленія были бы невозможны. Первая латышская ссудо-сберегательная касса въ Ригѣ основана въ 1883 г. Первое латышское общество взаимнаго кредита—около 1897 г., а первый латышскій банкъ (въ Митавѣ)—лѣтъ 5—6 тому назадъ. Въ послѣднее время латышскихъ кредитныхъ учрежденій было довольно много, разныхъ типовъ. Сумма ихъ балансовъ съ 1913 на 1914 г. достигала около 40 милліоновъ рублей.

Такъ уже завелось въ Прибалтійскомъ краѣ, съ легкой руки нѣмецкихъ шовинистовъ, что даже капиталъ окрасился въ національные цвѣта и сыгралъ крупную роль въ самооборонѣ «не-нѣмцевъ» противъ господства нѣмцевъ. При указанномъ расцвѣтѣ денежныхъ учрежденій и накопленіи своихъ капиталовъ, латыши сдѣлались тоже извѣстной силой въ городахъ и могли достигнуть кое-чего болѣе крупнаго. Они уже не зависѣли отъ нѣмцевъ и ихъ денежныхъ учрежденій—и это означало очень много, какъ мы видѣли изъ печальной судьбы Баумана. Въ строительной области, и въ частности въ домостроительствѣ они заняли дома-дворцы сихъ учрежденій въ Ригѣ, могущіе украшать не только Ригу, но и любую столицу.

Борьбу за свое право участія въ городскомъ самоуправленіи латыши и эсты начали со времени упраздненія въ Прибалтійскихъ городахъ средневѣковыхъ магистратовъ и введенія въ нихъ новаго городового положенія. Нѣмецкіе отцы города привыкли устраиваться въ муниципальномъ хозяйствѣ по-семейному, имѣя въ виду прежде всего интересы зажиточнаго нѣмечества; городскія же должности распредѣлялись между своими. Латыши и эсты, обрѣвшіе экономическую силу, пытались проникнуть въ этотъ «семейный архивъ» и разрушить его, съ тѣмъ, чтобы добиться справедливаго распредѣленія участія въ городскихъ дѣлахъ между разными національностями. Началась борьба на выборахъ, дотолѣ совершенно неизвѣстная, которая дѣлалась съ каждымъ четырехлѣтіемъ все ожесточеннѣе. Со временемъ появились и результаты: въ меньшихъ городахъ—въ Венденѣ, Тукумѣ, Фридрихштадтѣ, Виндавѣ, Вольмарѣ побѣдили латыши, въ Валкѣ, Ревелѣ и др.—эсты. Однако, въ главныхъ центрахъ—въ

Ригѣ, Митавѣ, Юрьевѣ и отчасти въ Либавѣ (кромѣ лишь Ревеля) нѣмцы крѣпко держатся и до сихъ поръ, несмотря на то, что, напр., въ Ригѣ изъ полумилліона слишкомъ жителей (по переписи 1913 года) нѣмцевъ оказалось всего 69.016 чел., а латышей 218.097 чел. и русскихъ—99.603 чел.

Естественно, что при такой сравнительной малочисленности нѣмцамъ не легко удерживать свое господствующее положеніе и приходится, кромѣ своего сильнаго экономическаго положенія и образцовой сплоченности, еще прибѣгать и къ другимъ средствамъ, не всегда благовиднымъ. Напр., Рижскій нѣмецкій избирательный комитетъ функціонируетъ непрерывно, а не только во время выборовъ и предвыборной борьбы. Послѣ каждыхъ состоявшихся выборовъ онъ дѣятельно начинаетъ готовиться къ слѣдующимъ выборамъ. Собственники большихъ домовъ фиктивно продаютъ другимъ нѣмцамъ, не имѣющимъ избирательнаго ценза, пятую, даже десятую доли своихъ домовъ, и вотъ уже на каждый такой домъ вмѣсто одного является нѣсколько нѣмецкихъ избирательныхъ голосовъ. Въ Баускѣ (Курл. губ.) при послѣднихъ выборахъ за день до выборовъ были арестованы многіе латышскіе избиратели «впредь до выясненія причинъ задержанія». Когда выборы благополучно кончились побѣдой нѣмцевъ, арестованныхъ латышей освободили, не предъявивъ никакого обвиненія, такъ какъ «причины задержанія», конечно, заранѣе были извѣстны каждому. Жалоба по этому поводу у «дружественнаго нѣмцамъ» губернатора Набокова осталась безъ послѣдствій, а выборы были признаны произведенными правильно. Въ Виндавѣ (Курлянд. губ.), гдѣ на выборахъ побѣдили латыши, тотъ же Набоковъ не утвердилъ избраннаго городского головулатыша и въ концѣ концовъ самъ назначилъ городскимъ головой нѣмца, не знавшаго даже русскаго языка, который является обязательнымъ въ официальныхъ дѣлахъ городского самоуправленія.

Отчасти нѣмецкое господство въ городахъ, особенно въ Ригѣ, держится и потому, что среди ихъ противниковъ не установилось еще такой сплоченности и единодушія, какъ среди нѣмцевъ, дѣйствующихъ всегда какъ одинъ человѣкъ.

X.

Евангелическо-лютеранское церковное управленіе, по ученію Лютера, есть дѣло самихъ прихожанъ и ихъ уполномоченныхъ разныхъ степеней,—словомъ, дѣло самихъ вѣрующихъ.

Несмотря на это, управленіе дѣлами еванг.-лютеранской церкви въ Прибалт. краѣ находится въ рукахъ нѣмецкаго дворянства, и только часть сельскихъ приходовъ можетъ участвовать въ выборѣ пастора, при чемъ цѣлая волость имѣетъ столько же «голоса» на церк. конвентѣ, сколько одинъ помѣщикъ—т.-е. 1 голосъ, подаваемый волостнымъ старшиной. На такомъ конвентѣ можетъ оказаться на скамьяхъ дворянства иногда и не-дворянинъ —изъ тѣхъ крайне рѣдкихъ педворянъ, которые владѣютъ дворянскими вотчинами. Но послѣднее, во всякомъ случаѣ, имѣетъ характеръ исключенія. Зато всѣ органы церковнаго управленія выше конвента находятся исключительно въ рукахъ дворянства. Дворянскій ландтагъ выбираетъ: одного кандидата на должность свѣтскаго члена ев.-лютеранской генеральной консисторіи въ Петроградѣ, президента губернской провинціальной консисторіи, духовнаго вице-президента консисторіи (генералъ-суперъ-интендента), свѣтскихъ засѣдателей консисторіи, главныхъ церковныхъ попечителей, свѣтскихъ засѣдателей сихъ главныхъ попечительствъ. Между прочимъ, Лифляндскій ландтагъ выбираетъ оберъ-пастора Рижской церкви св. Якова; въ этой церкви, согласно велѣнію ст. 75 Прибалтійскихъ законовъ о состояніяхъ, обязано собраться на богослуженіе Лифляндское дворянство передъ ландтагомъ (собирающимся черезъ каждые 3 года, съ необычайной торжественностью).

Въ такихъ торжественныхъ случаяхъ пасторъ (обыкновенно генералъ-суперъ-интендентъ, тотъ самый, который избирается дворянствомъ) говоритъ приличествующую моменту проповѣдь въ духѣ консервативной дворянской идеологіи. Напр., въ 1911 году Лифл. ген.-суперъ-интендантъ пасторъ Гетгенсъ произнесъ нашумѣвшую проповѣдь на тему изъ Писанія «держи то, что у тебя есть», призывая не уступать ни въ чемъ тлетворному духу новаго времени, а стремиться вернуть утерянное нѣмечествомъ въ краѣ, (а утеряно, кромѣ крѣпостного права и барщины, еще дворянско-нѣмецкіе суды въ 1889 г., дворянская полиція въ 1888 г., дворянская монополія въ школьномъ дѣлѣ въ 1887 г. и мн. др.), причемъ промелькнула сакраментальная формула «Rückwärts!» (назадъ). Лишь одинъ случай самостоятельности пастора припоминается въ далекомъ прошломъ. Въ 1864 году, на открытіи Лифляндскаго дворянскаго ландтага, пасторъ Вальтеръ, произнесшій тогда очередную проповѣдь, упрекнулъ дворянство въ его политикѣ. Послѣ этого Вальтеръ долженъ былъ немедленно подать въ отставку.

Какъ уже было указано, въ большинствѣ приходовъ пасторъ избираетъ церковный конвентъ съ его своеобразнымъ распредѣленіемъ, гдѣ «голосъ» цѣлой волости равносиленъ «голосу» одного помѣщика. Тѣмъ не менѣе, многіе помѣщики на какихъ-то сомнительныхъ основаніяхъ назначаютъ пастора единолично. Въ виду этого возникало не мало протестовъ со стороны прихожанъ, волненій и взаимнаго озлобленія, такъ что бывали случаи ввода въ церковь такихъ назначенныхъ пастырей подъ охраной полиціи и соотв. «бойкотированія» ихъ приходомъ (Лубанъ. Маріенбургъ). Маріенбургскій вводъ пастора насильственнымъ путемъ окончился въ 1904 году судебнымъ процессомъ. Отсюда же пошло знаменитое циничное баронское изреченіе, что «стадо» не должно знать, каковъ будетъ его пастырь.

Между тѣмъ, сельскій приходъ состоитъ почти исключительно изъ латышей или эстовъ, а назначенный помѣщикомъ пастырь не всегда даже владѣетъ въ должной степени языкомъ прихожанъ. Иной разъ весь нѣмецкій «приходъ» состоитъ изъ помѣщичьихъ семействъ. Какое надо имѣть самомнѣніе и презрѣніе къ «низшей расѣ» и «стаду», чтобы при такихъ обстоятельствахъ навязывать ему совершенно чуждаго и неизвѣстнаго духовнаго отца!

За время войны многіе изъ этихъ нѣмецкихъ пасторовъ, назначенныхъ изъ соображеній нѣмецкой политики, высланы изъ края такъ же какъ и часть самихъ помѣщиковъ.

Отчасти этой антирелигіозной политикой въ дѣлахъ церкви объясняются тѣ эксцессы противъ пасторовъ, которые происходили въ 1905 году. Гдѣ отношенія съ пасторомъ были нормальныя, тамъ и эксцессовъ никакихъ не было.

Между прочимъ, въ томъ же знаменитомъ Маріенбургѣ, Лифляндской губ., во время карательныхъ экспедицій въ началѣ 1906 года пасторъ Вальтеръ препроводилъ начальнику карательнаго отряда записку съ просьбой высѣчь такого-то крестьянина (съ коимъ у него были счеты изъ-за незначительной порубки въ лѣсу), добавляя рецептъ: «Бейте, только не крѣпко». Но «просьба» пастора Вальтера была отклонена, съ отсылкой его съ этимъ «дѣломъ» въ подлежащій судъ.

Повторяю, такія натянутыя отношенія съ пасторомъ существуютъ только въ тѣхъ приходахъ, гдѣ пасторъ соглашается быть послушнымъ орудіемъ дворянской и вообще нѣмецкой политики. Наоборотъ, гдѣ пасторомъ состоитъ человѣкъ самостоя-

тельный, тѣ церкви вовсе не посѣщаются «нѣмецкимъ приходомъ», бойкотируются имъ. Словомъ, воинствующее нѣмечество не стѣсняется вносить въ церковь политику.

Прошло полтораста лѣтъ послѣ реформаціи, и «насадители христіанства и культуры» въ Ливоніи не потрудились даже издать библію на языкѣ «пріобщаемыхъ къ христіанству» «стадъ». Шведское правительство во многомъ обуздывало дворянство, отчего и заслужило въ немъ такую ненависть. Только это шведское правительство дало латышамъ библію на ихъ родномъ языкѣ (около 1685—1689 г.), и впервые завело школы для крестьянъ. Библія была переведена Маріенбургскимъ пробстомъ Эрнстомъ Глюкомъ и издана за счетъ шведской казны. Полный же переводъ библіи на эстонскомъ языкѣ вышелъ лишь въ 1739 году.

Шведское же правительство впервые упрочило положеніе лютеранскихъ пасторовъ въ краѣ и освободило ихъ отъ позорной зависимости отъ помѣщиковъ. Духъ независимости долго еще теплился послѣ этой эпохи реформъ въ средѣ пасторства, пока не былъ окончательно снова задушенъ къ началу 19 вѣка всесильной дворянской консисторіей и господствомъ дворянскихъ ландтаговъ, въ связи съ правомъ патроната *).

Съ возрожденіемъ латышскаго и эстонскаго народа съ шестидесятыхъ годовъ и съ появленіемъ своихъ національныхъ пасторовъ, не желавшихъ подчиняться нѣмецко-дворянской политикѣ, общій уровень пасторскаго сословія значительно повысился и довѣріе населенія и привязанность къ церкви возросли. Но только до извѣстной степени, такъ какъ этому мѣшали путы охарактеризованнаго выше церковнаго управленія въ краѣ. Латышскіе кандидаты богословія, извѣстные преданностью своему народу или общественными или литературными заслугами подолгу дожидались пасторства.

Въ настоящее время правительство вырабатываетъ новый проектъ церковнаго управленія въ Прибалтійскомъ краѣ—съ тѣмъ, чтобы внести его въ Государственную Думу. О содержаніи этихъ проектовъ судить еще преждевременно; извѣстно лишь, что они значительно улучшаютъ существующій порядокъ.

Такъ какъ лютеранство и вообще реформація въ основу

*) Распространеніе православія въ прибалтійскихъ губерніяхъ сопровождалось самымъ невѣроятнымъ притѣсненіемъ крестьянъ, переходившихъ въ православіе. Этому вопросу посвящено не мало книгъ, отъ Самарина до Шаховскаго. *Ред.*

своего ученія кладетъ популяризацію священнаго писанія въ народѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстный минимумъ народнаго образованія, то у всѣхъ протестантскихъ народовъ школьное дѣло тѣсно связано съ церковнымъ, и духовенство принимаетъ дѣятельное участіе въ поощреніи элементарной грамотности. Поэтому и шведское правительство въ 17 вѣкѣ положило основаніе и школьному дѣлу. Дворянству было предписано строить школы для своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Но впослѣдствіи дворянство объ этомъ позабыло. Не помогло и подтвержденіе шведскаго закона русской властью: дворянство просто игнорировало законъ и соотв. распоряженія органовъ правительства—и это прекрасно сходило имъ съ рукъ. Были какія-то нищенскія школы при церквахъ, съ кистеромъ во главѣ, но онѣ не могли замѣнить собою школьную сѣть, являясь пародіями на школы. Да и кистеръ былъ занятъ другими дѣлами, какъ церковнослужитель и отчасти какъ лично услужающій пастора. Словомъ, пока школьное дѣло зависѣло фактически отъ доброй воли дворянства, оно пребывало въ полномъ пренебреженіи и загонѣ. Грамотность поддерживали никогда не выводившееся у латышей домашнее обученіе, и еще до сихъ поръ играющее, громадную роль въ народномъ образованіи, при немъ—крестьянка мать, зачастую сидя за работой, или другіе старшіе въ семьѣ сами обучали дѣтей грамотѣ. И такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе — даже въ самыя мрачныя времена барщины и крѣпостного права. Не будь этой самопомощи, этой собственной искорки свѣта въ видѣ указаннаго симпатичнѣйшаго обычая, съ народнымъ развитіемъ, духовнымъ и матеріальнымъ, обстояло бы гораздо хуже. Впослѣдствіи за домашнимъ обученіемъ стали слѣдить и пасторы, назначая особыхъ бродячихъ учителей (они же и «экзаменаторы»). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами пасторы назначали періодическія провѣрки, для чего дѣти должны были собираться въ опредѣленномъ мѣстѣ на «экзаменъ». Нынѣ, съ развитіемъ школьной сѣти, этотъ обычай постепенно вымираетъ, но домашнее обученіе все же остается незыблемымъ краеугольнымъ камнемъ народнаго образованія.

Какъ бы то ни было, школьное дѣло стало на ноги лишь послѣ того, какъ въ 1866 году было введено новое волостное самоуправленіе и вообще ограничена власть помѣщиковъ надъ личностью и имуществомъ крестьянъ и надъ ихъ общественной жизнью. Дворянство почти ничего не сдѣлало для школьной сѣти,

Школы стали строить волости сами. Въ связи съ общимъ національнымъ возрожденіемъ, школьное дѣло быстро налаживалось, и напримѣръ, уже въ 1880 году въ Венденскомъ уѣздѣ при рекрутскомъ наборѣ не было ни одного неграмотнаго новобранца изъ латышей. Въ связи съ обрисованнымъ выше подъемомъ благосостоянія крестьянъ и развитіемъ и утвержденіемъ городского класса изъ латышей и эстовъ, увеличивался и процентъ латышей и эстовъ съ среднимъ и высшимъ образованіемъ, достигая въ настоящее время весьма внушительныхъ размѣровъ. Все это — лишь заслуга самодѣятельности мѣстнаго населенія, при враждебномъ нейтралитетѣ и прямомъ противодѣйствіи правящаго нѣмецкаго дворянства и части духовенства, покорной дворянству.

Зная все это, всю исторію борьбы латышей и эстовъ за свое просвѣщеніе и эмансипацію, и зная всѣ козни правящаго нѣмечества противъ этого пріобщенія къ культурѣ, — не знаешь — смѣяться ли или негодовать, когда это самое нѣмечество приписываетъ всю культуру и просвѣщеніе въ краѣ своей о томъ заботливости и попеченію, а нѣмецкіе депутаты распространяютъ ту же легенду съ трибуны Государственной Думы. Невольно напрашивается сравненіе съ германскими нѣмцами: послѣ всего того, чѣмъ опеломила цивилизованный міръ Германія въ эту войну, германцы продолжаютъ упорно твердить о своей міровой культурной миссіи, о превосходствѣ германской расы, о защитѣ культуры и малыхъ народовъ и т. д. Мы негодуемъ, а они—твердятъ не смущаясь все то же. Очевидно, это неискоренимая черта нѣмецкой психики, психозъ самообожанія, психозъ непогрѣшимости.

А такая особенность противника всегда обостряетъ борьбу съ нимъ.

XI.

Заканчивая эти очерки, хотѣлось бы спросить: а какъ же въ будущемъ? Когда и при какихъ условіяхъ исчезнетъ описанный антагонизмъ между Прибалтійскимъ нѣмечествомъ и всѣми новыми живыми силами края? И исчезнетъ ли вообще когда-нибудь?

Ключъ къ разрѣшенію этого вопроса находится прежде всего въ рукахъ русской государственной власти, ибо отъ нея зависитъ ввести новыя формы самоуправленія и аграрнаго строя на началахъ равноправія и соціальной и національной справедливости. Отъ нея зависитъ, равнымъ образомъ, и устраненіе другихъ

менѣе важныхъ пережитковъ средневѣковья, какихъ много разбросано въ разнообразнѣйшихъ особыхъ узаконеніяхъ для Прибалтійскаго края. Такая реформаторская дѣятельность требуетъ смѣлаго творческаго порыва и почина. Не даромъ же Прибалтійское нѣмечество всегда поддерживало всякаго рода реакцію и застой въ Россіи, зная, что тогда ихъ привилегіямъ не грозитъ опасность. И не даромъ они такъ ненавидятъ возрождающуюся Россію. Всѣ ихъ надежды и симпатіи на сторонѣ прошлаго, отжившаго.

Насколько можно надѣяться въ ближайшемъ будущемъ на такой реформаторскій починъ, этого, конечно, никто предсказать не можетъ, да это и не входитъ въ задачу сихъ очерковъ. Можно лишь вполнѣ утверждать, что послѣ нынѣшней войны и всего того, что она вскрыла въ Прибалтійскихъ дѣлахъ, немыслимо, чтобы тамъ все осталось по-старому.

Съ другой стороны, доля вышеупомянутаго «ключа» находится въ рукахъ самого Прибалтійскаго нѣмечества. При наличіи обновленныхъ порядковъ въ краѣ слово будетъ и за нѣмцами: хотите ли вы искренно порвать съ прошлымъ и войти въ семью Прибалтійскихъ національностей на правахъ равноправнаго, а не господствующаго члена? Имъ придется одержать внутреннюю побѣду надъ самими собою, надъ той спесью, высокомѣріемъ и тевтонскимъ психозомъ, кои были охарактеризованы выше. Придется преодолѣть вѣковыя традиціи угнетенія и ретроградства. Наконецъ, придется перевоспитать свое государственное поведеніе, перестать считать себя форпостомъ германизма на Востокѣ и безповоротно и безъ оглядокъ на Германію связать свое преуспѣяніе съ возрожденіемъ и расцвѣтомъ всей Россіи, а не съ пользой только своего узкаго круга, какъ до сихъ поръ; придется перестать считать себя лишь «почетными гостями» въ Россіи... Только при такихъ условіяхъ будетъ возможно ихъ сотрудничество съ другими національностями и національный и соціальный миръ въ краѣ. Всѣ эти условія въ ихъ власти и ни одно изъ нихъ не является насиліемъ надъ ними со стороны кого бы то ни было. Вопросъ лишь—въ наличіи или отсутствіи у нихъ доброй воли къ такому миру. Имъ прекрасно извѣстно, что латыши и эсты всегда изъявляли готовность жить съ нѣмцами въ согласіи при наличности всѣхъ вышеуказанныхъ условій, и что никто не собирается въ обновленномъ краѣ вытѣснить нѣмцевъ совершенно.

Что латыши умѣютъ цѣнить проявленія гуманности

и соціальной правды и у нѣмцевъ, доказываетъ то, что, напр., имя поборника освобожденія крестьянъ Меркеля почитается съ благоговѣніемъ, наравнѣ съ національными піонерами; имена графа Сиверса, Шульца-Ашерадена, и нѣкоторыхъ другихъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, сѣявшихъ первыя сѣмена соціальной правды и примиренія въ краѣ, вспоминаются съ неизмѣнной благодарностью. Между прочимъ, память барона Шульца-Ашерадена, въ 18-мъ вѣкѣ пытавшагося ограничить крѣпостное рабство въ Лифляндіи, иной разъ въ соотвѣтствующей обстановкѣ почитается у латышей вставаніемъ...

Баронъ Гамилькаръ Фелькерзамъ, благородный однофамилецъ неудачнаго Курляндскаго депутата въ нынѣшней Гос. Думѣ, въ серединѣ прошлаго столѣтія много содѣйствовалъ утвержденію неприкосновенности крестьянскаго землепользованія, и этой его гуманной заслуги не забываетъ ни одинъ латышскій историкъ и публицистъ.

Но, къ глубокому прискорбію, такихъ гуманистовъ мало, такъ страшно мало было и ихъ есть среди Прибалтійскаго нѣмечества! И всѣ они подверглись въ свое время позорному и жестокому преслѣдованію со стороны своихъ сородичей. Какъ яркіе метеоры промелькнули и исчезли они на черномъ фонѣ балто-нѣмецкой реакціи, угнетенія и ереси, ни въ чемъ не измѣнивъ основъ нѣмецкой политики и „оріентаціи".

Однако—чѣмъ темнѣе ночь, тѣмъ ярче звѣзды. Поэтому, тѣмъ глубже признательность и уваженіе латышей и эстовъ къ этимъ рѣдкимъ личностямъ въ средѣ балтійскаго нѣмецкаго чернаго стана...

Это отношеніе къ подобнымъ рѣдкимъ метеорамъ, наряду съ общими проявленіями національной терпимости, являются порукой, что латыши и эсты не узкіе націоналисты, что у нихъ не выработалось вкуса къ національной исключительности, а при новыхъ условіяхъ тѣмъ болѣе не будетъ. Не латыши и эсты виновны въ той національной розни, которая отравляетъ атмосферу Прибалтики.

Они сумѣли бы поработать для соціальнаго національнаго мира въ обновленномъ краѣ, въ возрожденной балтійской родинѣ, если бы для того были указанныя основныя условія и „ключи".

П. Берзинъ и К. Дуцманъ.

Нѣмцы въ Россіи.

(Матеріалы для оріентаціи).

„Всегда и въ каждомъ дѣлѣ для сознательности совершаемыхъ въ немъ дѣйствій преполезно подсчитаться".
Д. Менделѣевъ. „Къ познанію Россіи".

1. Нѣмцы въ русской службѣ.

Всестороннее преобразованіе Русскаго государства и русской жизни, задуманное и осуществленное Петромъ Великимъ, требовало опытныхъ исполнителей, которыхъ Петръ набиралъ въ Западной Европѣ. Пріемъ этотъ былъ не новъ, и къ нему прибѣгалъ еще Іоаннъ Грозный; по той же причинѣ возникла въ XVII в. и нѣмецкая слобода въ Москвѣ. Нужны были техническія силы и для скорости ихъ брали готовыми за границей, туда же посылали русскихъ людей для пріобрѣтенія техническихъ навыковъ.

Роль иноземцевъ при Петрѣ I была служебная, онъ держался правила—не назначать на высшія мѣста иностранцевъ. Царствованіе Екатерины I, по инерціи, было механическимъ продолженіемъ предыдущаго.

При Петрѣ II дворъ переѣхалъ въ Москву, а молодой императоръ говаривалъ: „не хочу гулять по морю какъ дѣдушка", иностранцы и сторонники реформъ Петра Великаго видѣли въ этихъ признакахъ поворотъ къ допетровской старинѣ, такъ какъ возроставшее господство иноземцевъ смѣшивали съ преобразовательнымъ движеніемъ — предразсудокъ этотъ разсѣяло только долгое нѣмецкое иго, а признанъ таковымъ онъ былъ только съ воцареніемъ Елисаветы.

Настоящее господство иноземцевъ—нѣмецкое иго—началось въ 1730 г., съ избраніемъ на русскій престолъ Курляндской оГерц-

гини Анны Іоанновны. Императрица Анна сама не занималась дѣлами, русскихъ временьщиковъ — Меншикова и Долгорукихъ смѣнили нѣмецкіе фавориты—господствовалъ Бирон, а дѣлами правили сотрудники Петра Великаго: Остерманъ и Минихъ.

По выраженію Ключевскаго, царствованіе Анны „одна изъ мрачныхъ страницъ нашей исторіи и наиболѣе темное пятно на ней—сама императрица".

„Не довѣряя русскимъ, говоритъ историкъ, Анна поставила на стражѣ своей безопасности кучу иноземцевъ, навезенныхъ изъ Митавы и изъ разныхъ нѣмецкихъ угловъ. Нѣмцы посылались въ Россію, точно соръ изъ дыряваго мѣшка, облѣпили дворъ, обсѣли престолъ, забирались на всѣ доходныя мѣста въ управленіи. Этотъ сбродный налетъ состоялъ изъ „клеоторъ" двухъ сильныхъ патроновъ, „канальи курляндца", умѣвшаго только разыскивать породистыхъ собакъ, какъ отзывались о Биронѣ, и другого канальи, лифляндца, подмастерья и даже конкурента Бирону въ фаворѣ, графа Левенвольда, оберъ шталмейстера, человѣка льстиваго, страстнаго игрока и взяточника. При разгульномъ дворѣ, то и дѣло увеселяемомъ блестящими празднествами, какія мастерилъ другой Левенвольдъ, оберъ-гофмаршалъ, перещеголявшій злокачественностью и своего брата, вся эта стая кормилась до сыта и веселилась до упада на доимочныя деньги выколачиваемыя изъ народа"[1]).

Вотъ какъ объ этомъ періодѣ русской исторіи пишетъ Данилевскій:[2]) „Государственная реформа, которую претерпѣла Россія, и которая съ государственной точки зрѣнія и въ границахъ государственности, была совершенно необходима, перешла однако-же должную мѣру, вышибла и сбила Россію съ народнаго національнаго пути. Пока живъ былъ великій реформаторъ—господствовалъ еще надъ всѣмъ русскій интересъ, по крайней мѣрѣ въ политической сферѣ. Но, со смертью Петра, нѣмецкое вліяніе, которому данъ былъ такой огромный перевѣсъ, не переставало возрастать, такъ что во времена Анны можно было сомнѣваться: не исчезнетъ-ли, не сотрется-ли совершенно русскій національный характеръ съ русскаго (только по имени) государства; не обратится-ли русскій народъ въ орудіе, въ матеріальное средство для нѣмецкихъ цѣлей. Подобные примѣры были въ исторіи".

Это первоначальное господство придворныхъ нѣмцевъ длилось

---

[1]) „Курсъ русской исторіи". ч. IV стр. 390, 391.

[2]) „Россія и Европа" стр. 364.

десять лѣтъ, во все время царствованія Анны Іоанновны и регентство Бирона и Анны Леопольдовны.

Отъ этого ига избавила Россію дочь Петра Великаго; только при Елисаветѣ „Россія пришла въ себя". На высшихъ мѣстахъ управленія снова явились русскіе люди, и когда на мѣсто второстепенное назначали иностранца, то Елисавета спрашивала: „развѣ нѣтъ русскихъ? иностранца можно назначить только тогда, когда нѣтъ способнаго русскаго". [1])

Съ воцареніемъ Елисаветы, патріотическіе языки развязались и церковные проповѣдники съ безопасной отвагой говорили, что нѣмецкіе правители превратили преобразованную Петромъ Россію въ торговую лавку, даже въ вертепъ разбойниковъ.

Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" заговорили на тему: „Промыслъ спалъ, статское искусство дремало: вся россійская имперія была театръ, на которомъ дикая злоба, честолюбіе—ярость и свирѣпство свое изліяли! Сребролюбіе и корысть дѣла Петра I уничтожали и помрачали! Коронами играли, какъ мячами: сего ради возстаньте сыны отечества, вѣрные россы! Спѣшите оборонять свою родину отъ честолюбивыхъ хищниковъ!"

А Ломоносовъ писалъ въ одѣ посвященной Елисаветѣ: [2])

„Взирая на дѣла Петровы
На градъ, на флотъ и на полки,
И купно на свои оковы
На сильну власть чужой руки
Россія ревностно вздыхала,
И сердцемъ всякой часъ взывала
Къ Тебѣ защитницѣ своей:
Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни намъ Петрово племя,
Утѣшь печаль Твоихъ людей.

Послѣ переворота 25 ноября 1741 г. гвардейскіе офицеры потребовали у новой императрицы, чтобы она избавила Россію отъ нѣмецкаго ига. Она дала отставку нѣкоторымъ нѣмцамъ, но гвардія осталась недовольна, требуя поголовнаго изгнанія всѣхъ нѣмцевъ за границу.[3])

Преемникъ Елисаветы—гольштинскій принцъ—оставался таковымъ во все свое недолгое царствованіе и вселилъ въ русскомъ обществѣ такой страхъ передъ усиленіемъ иностраннаго элемента, что Шуваловъ предлагалъ „какъ фундаментальный законъ", чтобы въ гвардіи, арміи и флотѣ три части генераловъ и офицеровъ были русскіе, а четвертая лифляндцы, эстляндцы и иностранные

[1]) Соловьевъ „Исторія Россіи" т. XXIV стр. 1228.
[2]) Ода 25 XI 1746. Полн. собр. сочин. т. I стр. 122.
[3]) Ключевскій т. IV, стр. 400.

тѣмъ не менѣе иностранцы, а въ особенности прибалтійцы усиленно проникали въ русскій служилый классъ. Правда въ царствованіе Екатерины II не многіе изъ нихъ занимали высокое положеніе и пользовались большимъ вліяніемъ. Да иначе и быть не могло — „Екатерина подобно Елисаветѣ, даже еще болѣе чѣмъ Елисавета, выдвинута чисто русскими людьми. Такимъ образомъ, принципъ народности оказался первѣйшею основою русской государственной жизни и былъ признанъ таковымъ двумя лучшими правительствами Россіи XVIII вѣка“ [1]).

Во второмъ своемъ манифестѣ, 6 іюля 1762 г., Екатерина прямо заявила что будетъ охранять и вѣру и народность русскую.

Да и было-ли мѣсто нѣмцамъ вообще, а прибалтійскимъ баронамъ въ частности, среди „Екатерининскихъ Орловъ?“ Какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, на подобный почетъ исторія имъ права не даетъ.

— Въ царствованіе Екатерины Болтинъ заговорилъ объ особности Россіи отъ Западной Европы и о различіи ихъ культуръ. Любопытно, что сто лѣтъ спустя одинъ изъ самыхъ яркихъ западниковъ—А. И. Герценъ—повторялъ эту мысль.

— Въ № 54 своего „Колокола“ (1859 г.) въ статьѣ „Доктринерствующіе нѣмцы“ Герценъ писалъ: „Намъ кажется, что пройдя западной дрессировкой, подкованные ею, мы можемъ стать на свои ноги, и вмѣсто того чтобы твердить чужіе зады и прилаживать стоптанные сапоги—намъ слѣдуетъ подумать, нѣтъ ли въ народномъ быту, въ народномъ характерѣ нашемъ, въ нашей мысли, въ нашемъ художествѣ, чего нибудь такого, что можемъ имѣть притязанія на общественное устройство, несравненно высшее Западнаго. Хорошіе ученики часто переходятъ черезъ классъ.“

— Идея высказанная еще при Екатеринѣ Болтинымъ, въ царствованіе Николая I была подъ сомнѣніемъ и сомнѣніе это было поддерживаемо нѣмецкимъ засильемъ, которое благодаря нѣмецкой сплоченности, просочилось во всѣ проявленія нашей жизни и крѣпко держалось на его верхахъ.

— Вотъ какъ это засилье объяснялъ въ 1853 г. тотъ же Герценъ [2]): „Нѣмецкая партія не представляетъ цивилизацію, а русская невѣжество. Послѣдняя не желала въ дѣйствительности возвращенія къ старому порядку.

---

[1]) Кояловичъ, „Исторія русскаго самосознанія“, стр. 333.

[2]) „Du développement des idées révolutionaires en Russie“ Londre 1853. page 40.

Попытка князя Долгорукаго въ царствованіи Петра II не привела ни къ чему. Нѣмцы, съ своей стороны, были далеки отъ того чтобы представлять прогрессъ; безъ всякой связи со страной, которую они себѣ не давали труда изучать, и которую они презирали какъ варварскую; надменные до дерзости, они, были самыми послушными орудіями императорской власти. Не имѣя другой цѣли какъ удержаться въ милости, они вносили въ дѣла пріемы непріятные русскимъ—канцелярскій педантизмъ, обхожденіе и дисциплину не отвѣчающіе нашимъ нравамъ".

— Между прочимъ, на этомъ „канцелярскомъ педантизмѣ" несомнѣнно и зиждется „бюрократизмъ" часто и по нынѣ заѣдающій у насъ живое дѣло, это тоже одно изъ „благъ" внесенныхъ въ русскую жизнь нѣмцами.

Характеристику нѣмца близкую герценовской даютъ и другіе наши писатели. Печерскій въ 1858 г. писалъ: „...и выписали они изъ Москвы нѣмца Карла Ивановича... былъ этотъ нѣмецъ настоящій ни единаго слова по русски не зналъ... и такъ иногда о начальственныхъ лицахъ отзывается, что слышать страшно. Ему что, вѣдь нѣмецъ, а нѣмецъ чинъ большой [1])". Достоевскій лѣтъ 20 спустя писалъ: „...совершенная неспособность догадаться, что русскій не можетъ обратиться совершенно въ нѣмца и что потому нельзя его мѣрить на свой аршинъ, и, наконецъ, явное или тайное, но во всякомъ случаѣ безпредѣльное высокомѣріе передъ русскими,—вотъ характеристика почти всякаго нѣмецкаго человѣка во взглядѣ на Россію" [2]).

— Во всю ширь нѣмецкое засилье въ Россіи развернулось въ царствованіе Александра I и Николая I, а сейчасъ мы имѣемъ только дѣло съ этимъ богатымъ наслѣдствомъ.

— Поприщемъ для своей дѣятельности нѣмцы, по преимуществу остзейскіе, избрали придворную и военную сферы, гдѣ они могли „удержаться въ милости и служить лицу государя, но не народу".

— Придворная сфера имъ далась случайно—черезъ графиню Баранову и княгиню Ливенъ, а военная была всегда излюбленнымъ поприщемъ для наемниковъ и авантюристовъ—на этихъ поприщахъ связи со страной не требовалось.

— Въ приведенныхъ ниже біографическихъ очеркахъ неодно-

---

[1]) Именинный пирогъ.

[2]) Критическія статьи т. IX.

кратно встрѣчается какъ прибалтійскіе бароны оказывали протекцію своимъ землякамъ. Это очень образно выражено у Лѣскова: „они вѣдь эти лифляндцы, знаете, не такъ какъ мы русскіе; мы все ѣдимъ другъ друга да мараемъ, а они лѣсенкой... Одинъ за другимъ цапъ-царапъ, цапъ-царапъ—и всѣ наверху [1])".

— Эпохѣ кульминаціоннаго господства нѣмцевъ Герценъ посвящаетъ рядъ статей, озаглавленныхъ: „Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе [2])"; написанныя болѣе полустолѣтія тому назадъ, онѣ въ значительной мѣрѣ не утратили остроты современности, его яркія характеристики навсегда сохранять историческое значеніе.

— Въ этихъ статьяхъ Герценъ говорилъ о „нѣмцахъ при лѣтяхъ", которые быстро вползаютъ „до нѣмцевъ при Россіи". Всѣ эти нѣмцы имѣютъ одинакіе зоологическіе признаки, „во всѣхъ нихъ есть что то ремесленное, чрезвычайно аккуратное, цеховое, педантское, всѣ они любятъ стяжаніе, но хотятъ достигнуть денегъ честнымъ образомъ, т.-е. скупостью и усердіемъ—это даетъ имъ ихъ черствый, холодный, осторожный и безстрастный характеръ"... Сверхъ этихъ общихъ признаковъ, всѣ правительствующіе нѣмцы относятся одинакимъ образомъ къ Россіи, „съ полнымъ презрѣніемъ и таковымъ же непониманіемъ".

— Затѣмъ, Герценъ указываетъ на особый типъ—„русскаго на манеръ нѣмца", образцомъ такого „по службѣ нѣмца" является Аракчеевъ. Такого „по службѣ нѣмца" онъ считаетъ хуже настоящаго нѣмца—это слѣпыя орудія вредной системы.

— „Вступая однажды въ нѣмцы, пишетъ далѣе Герценъ, выйти изъ нихъ очень трудно, какъ свидѣтельствуетъ весь петербургскій періодъ: какой то нервъ портится, какой то уголъ отшибается, и въ силу этого теряется всякая возможность понимать что нибудь русское, по крайней мѣрѣ то русское, что составляетъ народную особность...

— Наука которую мы прошли, была трудна, помѣчена слезами, кровью и костьми. Она пошла въ прокъ, наша здоровая организація все вынесла. Сначала мы были у нѣмца въ ученіи, потомъ у француза въ школѣ—пора брать дипломъ.

— А страшное было воспитаніе!

— При Петрѣ I дрессировка началась нѣмецкая, т.-е. наиболѣе противуположная славянскому характеру. Военный артикулъ

---

[1]) Полное собр. сочин. Т. VII стр. 68, „Обойденые".

[2]) „Колоколъ" 1859 г. № 53—59.

и канцелярскій стиль были первыми плодами нѣмецкой науки ..

— На тронѣ были нѣмцы, около трона—нѣмцы, полководцами—нѣмцы, министрами иностранныхъ дѣлъ—нѣмцы, булочниками—нѣмцы, аптекарями—нѣмцы, вездѣ нѣмцы до противности. Нѣмки занимали почти исключительно мѣста императрицъ и повивальныхъ бабокъ.

— На добродушнѣйшемъ изъ всѣхъ нѣмцевъ, на пьяненькомъ Петрѣ III, какъ всегда бываетъ, оборвалось, нѣмецкое единодержавіе...

— Съ тѣхъ поръ въ обществѣ нѣмцы уступаютъ французамъ, но если французы господствуютъ въ гостиной и на кухнѣ, то передняя и правительство остаются за нѣмцами.

...И не только правительство, мы сами такъ привыкли, что нельзя хорошо управлять Россіей безъ нѣмцевъ, что намъ кажется просто страннымъ, какъ быть русскому министерству, русской арміи безъ Нессельроде, Канкрина, Дибича, Бенкендорфа, Адлерберга—нельзя! Ну хоть какой-нибудь Бальтазаръ Бальтазаровичъ фонъ Кампенгаузенъ, или Фабіанъ Вильгельмовичъ фонъ деръ Остенъ-Сакенъ, а все нужно".

О томъ какъ образовалась это привычка Соловьевъ говоритъ: „... Время не терпѣло, и толпы иностранцевъ вызывались въ Россію помогать въ новомъ дѣлѣ (петровскихъ реформахъ), котораго было такъ много. Они являлись необходимо въ качествѣ учителей, съ сознаніемъ своего превосходства; Русскіе должны были учиться у нихъ, работать подъ ихъ руководствомъ, слушаться ихъ; все это вело неизбѣжно къ сознанію своей слабости, своей зависимости. Положеніе крайне опасное, ведшее къ нравственному покоренію, да и не къ одному нравственному, потому что иностранцы надобились и въ правительственномъ дѣлѣ... только Петру, по праву генія, легко было избѣжать опасности и опредѣлить, какъ слѣдовало, отношеніе между своими и чужими [1])".

Причину этого зла Достоевскій видитъ „въ преданіи, въ преемствѣ идей, въ вѣковомъ національномъ подавленіи въ себѣ всякой независимости мысли, въ понятіи о санѣ европейца подъ непремѣннымъ условіемъ неуваженія къ самому себѣ, какъ къ русскому человѣку [2])", но съ того времени что это писалъ Достоев-

[1]) Рѣчь произнесенная въ Московск. универс. „Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова Им. Москов. университетомъ" стр. 7.

[2]) Полное Собр. Сочин. „Маленькіе Картинки" т. IX стр. 324.

скій уже прошло много времени и пробуждается народное самосознаніе, къ счастью не находящееся подъ нѣмецкимъ вліяніемъ. Война съ Германіей довершитъ это пробужденіе и можетъ быть исцѣлитъ и тѣхъ русскихъ, которыхъ нѣмецъ „испортилъ“ двухвѣковымъ гипнозомъ.

2. Нѣмцы въ русской наукѣ.

Но нѣмцы въ XVIII в. проникали не только въ служебный классъ, имъ уготовано было мѣсто и въ русской наукѣ.

— Первымъ двигателемъ изслѣдованій минувшихъ судебъ Россіи, въ открытой по плану Петра I Академіи Наукъ, былъ поставленъ нѣмецъ Байеръ; онъ былъ великой западно-европейской учености, но совершенный невѣжда въ области русской письменности, не ознакомившійся даже съ русскимъ языкомъ. Свои изслѣдованія о русскихъ древностяхъ онъ писалъ на латинскомъ языкѣ и въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о призваніи князей выводилъ происхожденіе русской государственности и русской культуры изъ норманскаго, т.-е. германскаго міра [1]). Преемникомъ его былъ другой нѣмецъ—Миллеръ, онъ уже усердно изучалъ русскій языкъ и, занявшись исторіей Сибири, оставилъ намъ богатое собраніе древнихъ актовъ. Въ 1749 г. выступилъ онъ съ диссертаціей „о происхожденіи народа и имени россійскаго“, развивая теорію Байера; но своими нѣмецкими воззрѣніями поднялъ цѣлую бурю—на него обрушился Ломоносовъ, а въ мнѣніи большинства академиковъ говорилось: „Миллеръ во всей рѣчи ни одного случая не показалъ къ славѣ россійскаго народа, но упомянулъ о томъ болѣе, что къ безславію служить можетъ“... Диссертація Миллера была запрещена и печатные ея экземпляры почти всѣ уничтожены [2]). Тѣмъ не менѣе, преемникъ его—Шлецеръ—переслалъ диссертацію Миллера въ Германію, гдѣ она и была напечатана для вящей славы страны, давшей пріютъ сему ученому.

Но подъ вліяніемъ сочиненій Щербатова, Болтина, а въ особенности Ломоносова и вѣроятно благодаря знанію русскаго языка, Миллеръ впослѣдствіи отказался отъ нѣмецкаго мнѣнія по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи, волновавшему

---

[1]) Кояловичъ. „Исторія русскаго самосознанія“, стр. 91.
[2]) ib. стр. 100, 101.

русскіе умы XVIII в.—по вопросу о призваніи князей, и склонился къ мнѣнію Ломоносова [1]).

— Шлецеръ принялся за научную разработку нашихъ лѣтописей и въ основу этой работы взялъ трудъ Татищева, хотя и говорилъ, что Татищевъ не могъ издать ничего полезнаго [2]). Онъ составилъ свою грамматику русскаго языка, въ которой приложилъ къ русскому языку высшія филологическія начала, но въ своихъ филологическихъ открытіяхъ приходилъ къ такимъ нелѣпостямъ, что Ломоносовъ разбирая ихъ, писалъ: „изъ сего заключить можно, какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ россійскихъ древностяхъ такая, допущенная къ нимъ, скотина“ [3]).

— Изслѣдованія Шлецера въ области русской исторіи привели его къ главнѣйшему положенію Байера, именно тому утвержденію, что до признанія князей, русскіе не знали цивилизаціи и ею обязаны германскому элементу. Главная же его работа—возстановленіе текста Нестора,—давно уже отвергнута нашей наукой. Неоспорима же заслуга Шлецера въ томъ что онъ подвинулъ и Академію Наукъ и русскихъ ученыхъ издавать наши историческіе памятники [4]).

— Шлецеровскій взглядъ на нашу исторію закрылъ, передъ Погодинымъ и нѣкоторыми другими нашими историками, дѣйствительный смыслъ древнѣйшей русской исторіи, такъ, по изображенію Погодина, до татарскаго ига, „мы блуждали во мракѣ случайностей“. Русское славянство—до смерти Ярослава—Погодинъ называетъ водою, а германство — каплею вина, давшею этой водѣ окраску. Но наиболѣе талантливымъ нашимъ историкамъ — Ломоносову, Болтину, Карамзину удалось выбраться изъ нѣмецкаго огорода.

Карамзинъ писалъ М. Н. Муравьеву, что безпрестанно обогащаясь историческими свѣдѣніями, взглядъ его становится яснѣе и онъ уже не боится „ферулы Шлецеровой“ [5]).

— Представители нѣмецкаго университета въ Россіи—дерптскаго—Эверсъ, Рейцъ и Розенкампфъ, развивали основныя мысли Шлецера о культурномъ значеніи у насъ чужихъ началъ—нѣмец-

[1]) ib. стр. 129, 130.
[2]) ib. стр. 111.
[3]) Кояловичъ, стр. 112.
[4]) ib., стр. 115, 117.
[5]) „Рус. люди“ т. II стр. 393, Коялов. стр. 229, 230, 231.

каго и византійскаго, давъ имъ гораздо болѣе глубокій и устойчивый смыслъ, особенно тѣмъ, что старались подорвать чистоту и силу славянскаго элемента въ Россіи, придавая преобладающее значеніе смѣшенію его съ финнами на сѣверо-западѣ и хозарами на югѣ [1]).

— По мнѣнію Самоквасова, Шлецеръ и другіе наши ученые нѣмцы отклонили изученіе нашихъ древностей отъ того правильнаго пути, какимъ его вели наши русскіе ученые XVIII вѣка [2]), такимъ образомъ подъ видомъ научности широко разлилось въ нашей наукѣ зло нѣмецкихъ національныхъ воззрѣній на наше прошлое. Впрочемъ инымъ нѣмецкое высокомѣріе и не могло оказаться, въ нѣмецкомъ пониманіи индо-европейцы превращаются въ индо-германцевъ.

— Шлецеровскія нелѣпости и сейчасъ повторяются нѣмцами, чтобы далеко не ходить возьмемъ календарь „Deutscher Verein'" а за 1914 г., гдѣ въ статьѣ о значеніи языка въ школѣ и жизни г. Адольфи пишетъ: „неизвѣстныя славянскія русскія народности управляются скандинавами по ихъ правамъ, подчиняются монгольскому игу и затѣмъ призываются государями къ западно-европейской культурѣ. У нихъ не развивается собственной жизни, въ культурномъ смыслѣ и языкъ не имѣетъ формъ выраженія для прошедшаго времени" [3]).

— Здѣсь конечно не ясно, „колобродитъ-ли допустившій себя до русскихъ древностей" г. Адольфи или подобное приниженіе русской народности ему нужно изъ соображеній политическихъ.

— О нашей Академіи Наукъ Герценъ въ 1861 г. писалъ: „безъ сомнѣнія, академики во всѣ времена были гораздо ученѣе московскихъ профессоровъ, но почему это академія *русская?* Перевезите ее въ Пекинъ, въ Испагань, въ Александрію — ничего не перемѣнится... Палласу и Гмелину вовсе не нужно было быть петербургскими академиками для того, чтобъ совершить свое путешествіе. Гумбольдту, Гакстгаузену и Тенгоборскому также мало было надобности для ихъ изученія Россіи, чтобъ на Васильевскомъ Острову былъ академическій скитъ... Зазвали въ Петербургъ нѣсколько иностранцевъ ученыхъ и бездомниковъ для того, чтобъ они тѣ ученыя вещи, которыя бы писали въ Гетингенѣ или Тюбингенѣ, писали бы на Васильевскомъ Острову. Каковы были эти

[1]) ib., стр. 209.
[2]) ib., стр. 462.
[3]) Ренниковъ. „Въ Странѣ Чудесъ", стр. 184, 185.

колонисты науки знаетъ М. В. Ломоносовъ. Заведеніе это съ тѣхъ поръ такъ и осталось и, какъ всѣ нѣмецкія заведенія... не только не обрусѣло, но онѣмечило всѣхъ русскихъ, случайно попадавшихъ въ храмъ Минервы-Германики...

— Если Россія когда-нибудь придетъ въ себя подъ бременемъ своего креста и скажетъ академикамъ, между прочимъ, отирая кровавый потъ: «Ученые нѣмцы, что вамъ до меня, я васъ не знаю, и вы меня не знаете. Изучайте меня, пишите, наблюдайте, считайте — но за что же мнѣ платить-то вамъ за это?» Она будетъ права![1]).

А вотъ каково было положеніе 20 лѣтъ спустя—въ 1881 г.: „Какъ политическая партія въ петербургскомъ „Обществѣ“ играютъ лиф-эст-курляндцы наибольшую роль, въ прочихъ кругахъ преобладаютъ переселившіеся нѣмцы и нѣмецкіе русскіе уже вслѣдствіе ихъ большаго числа. Средоточіемъ этого нѣмечества (Deutschtum) служитъ Васильевскій Островъ, мѣсто нахожденія Академіи, многочисленныхъ учебныхъ заведеній и большей части нѣмцами оборудованной торговли“. Такимъ образомъ въ центрѣ петербургскаго нѣмечества въ 1881 г. авторъ ставитъ русскую Академію Наукъ, между прочимъ бывшею собственницей „St.-Petersburger Zeitung“; газета эта была органомъ остзейцевъ и редактировалась однимъ эстляндскимъ дворяниномъ[2]).

— Въ Академіи Наукъ теперь конечно не преобладаютъ нѣмцы, но они не только тамъ есть, но пользуются настолько большимъ почетомъ, что это высшее русское научное учрежденіе заслушиваетъ доклады на нѣмецкомъ языкѣ и печатаетъ ихъ въ своихъ Извѣстіяхъ, такъ, въ № 12 Извѣстій Императорской Академіи Наукъ за 1914 г., т. е. уже во время войны съ германцами былъ напечатанъ докладъ г. Саблера: „Der Ursprung der Namen Pskow, Gdow etc.“, впрочемъ доложенный еще до войны—17 мая 1914 г., а въ № 3 за 1915 г., академическихъ „Puletins“, (такъ ихъ называлъ, приноравливаясь къ академическому произношенію Герценъ), напечатанъ докладъ г. Oscar von Lemm „Koptische Miscellen“, заслушанный 3 Дек. 1914 г. Въ то время когда наши сибиряки отбивали бѣшенныя атаки нѣмцевъ отъ Варшавы, а въ публичныхъ мѣстахъ была воспрещена нѣмецкая рѣчь, какъ непристой-

[1]) Колоколъ. № 91, 1 февраля 1861 г.

[2]) „Aus der Petersburger Gesellschaft“, 3 изданіе. Лейпцигъ, 1881 г., стр. 15. Насколько помнится, въ началѣ войны, по распоряженію военныхъ властей, этотъ листокъ былъ закрытъ.

ное проявленіе симпатій ко врагу. Россійскій академія наукъ не рѣшились — попробовать чтобы г. Леммъ читалъ свой докладъ по русски, или снять съ очереди его сообщеніе, если этотъ русскій ученый не владѣетъ государственнымъ языкомъ.

— Все осталось по старому: обученный на русскія деньги, нѣмецъ настолько презираетъ Россію, что если не „колобродитъ“ то во всякомъ случаѣ какъ Байеръ и Шлецеръ не считаетъ нужнымъ изучить въ достаточной мѣрѣ русскій языкъ, и если отъ этихъ „колонистовъ науки“ въ XVIII вѣкѣ много терпѣлъ Ломоносовъ, то въ XIX вѣкѣ они не пожелали уступить одно изъ своихъ креселъ великому русскому ученому — Д. И. Менделѣеву.

3. Прибалтійскіе бароны въ прошломъ.

«Быть можетъ, исторія выяснитъ, что всѣ вины, которыя возлагаются на нѣмецкій элементъ, окажутся недостаточно обоснованными».

Изъ рѣчи бар. Мейендорфа въ Государственной Думѣ 8/III 1916 г.

Разсадникомъ нѣмецкаго элемента для Россіи за послѣдніе два вѣка являлись прибалтійскія губерніи. Помѣщичій классъ этихъ губерній, не порывая связи съ своимъ сословіемъ, ходилъ въ отхожій промыселъ—русскую государственную службу. Историческій обзоръ этого хожденія почерпаемъ мы изъ книги профессора Гейдельбергскаго университета Клейншмидта: „Russlands Geschichte und Politik dargestellt in der Geschichte des russischen hohen Adels“ [1]). Источникъ этотъ если и грѣшитъ пристрастіемъ, то не къ русскому, а нѣмецкому началу, почему для объективнаго сужденія о государственныхъ заслугахъ нѣмцевъ снабдили мы нашъ переводъ нѣкоторыми примѣчаніями. Біографическія свѣдѣнія о трехъ десяткахъ прибалтійскихъ бароновъ переведены нами дословно съ незначительными сокращеніями.

Адлерберги шведскаго происхожденія. *Вдова Федора* А., по милости императрицы Маріи Ѳеодоровны, была сдѣлана начальницей Петербургскаго Екатерининскаго института, затѣмъ статсъ дама и другъ императрицы. Ея дочь *Юлія Федоровна* А. вышла замужъ за ст. сов. Баранова, была приглашена воспитательницей дочерей Ни-

[1]) Cassel 1877.

колая I и, будучи уже вдовой, съ своими тремя сыновьями, была возведена въ графское достоинство. Сынъ первой—*Владиміръ Федоровичъ* А., былъ близокъ къ великому князю Николаю Павловичу. 14 дек. 1825 г. выказалъ онъ личную храбрость. Затѣмъ былъ дѣлопроизводителемъ слѣдственной комиссіи по дѣлу декабристовъ. Въ походѣ 1828 г. онъ управляетъ канцеляріей начальника генеральнаго штаба, въ 1841 г. директоръ почтоваго департамента, въ 1847 г. возведенъ въ графское достоинство. Съ 1852 г. онъ министръ двора, но „будучи первымъ другомъ императорскаго дома" вліянія на политику никогда не имѣлъ. Онъ отличался храбростью и былъ личнымъ другомъ Николая I. Онъ былъ „незнающій, скучный и любезный, распущенный и по службѣ строгій". Императоръ Николай Павловичъ завѣщалъ ему 400.000 рублей. Императоръ Александръ II „получилъ его какъ инвентарную принадлежность". При отставкѣ своей въ 1870 г. получилъ онъ 1 мил. рублей. У него было три сына: *гр. Александръ Владиміровичъ* послѣ отца унаслѣдовалъ министерство двора. Его также мало заботила политика, но его личное вліяніе, какъ друга, на Александра II было настолько велико, что императоръ его прозвалъ „Александръ III". Гр. Александръ Владиміровичъ былъ хорошій человѣкъ, но благодаря своей игрѣ и затратамъ дорого стоилъ императору, который платилъ его долги. Братъ его *гр. Николай Владиміровичъ* ротмистромъ участвовалъ въ Венгерской кампаніи. Во время Восточной войны онъ былъ Таврическимъ губернаторомъ, но впалъ у императора въ немилость, такъ какъ увезъ жену русскаго посла въ Стокгольмѣ Крюднера и женился на ней. Въ 1857 г. онъ военный агентъ въ Берлинѣ, до 1866 г., когда былъ назначенъ Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Онъ издалъ описаніе своего путешествія „отъ Рима до Іерусалима".

Барклай де Толи древній шотландскій родъ, давшій еще въ XVI в. выдающихся поэта и юриста, одна его вѣтвь рано переселилась въ Мекленбургъ, а въ 1689 г. въ Лифляндію. Въ концѣ XVIII в. Готлибъ Б. де Т., женатый на дѣвицѣ Вермуленъ, былъ членомъ городского совѣта въ Ригѣ, его сынъ, *Михаилъ Богдановичъ*, р. 1755, былъ взятъ какъ пріемышъ генераломъ Вермуленомъ. Двѣнадцати лѣтъ вступилъ онъ въ военную службу, но двигался медленно, не имѣя протекціи. Онъ принимаетъ участіе въ войнахъ противъ турокъ, шведовъ и поляковъ и въ 1799 г. былъ генералъ-майоромъ. Затѣмъ онъ принимаетъ участіе въ кампаніи 1806 г. Онъ отличался большой храбростью и прославился

въ шведскую войну переходомъ черезъ Ботническій заливъ, шведы просили о мирѣ. Въ 1809 г. Б. вмѣсто Кнорринга назначенъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи, а въ 1810 г. военнымъ министромъ Какъ министръ онъ уничтожилъ въ военномъ вѣдомствѣ многое устарѣлое и злоупотребленія, разработалъ планъ кампаніи противъ Наполеона и чтобы его лучше выполнить, принялъ онъ, въ іюнѣ 1912 г., начальствованіе 1-ой арміи. Положеніе его, какъ главнокомандующаго, было тяжелое—подчиненные ему старые генералы были обижены, коренные русскіе ненавидѣли его какъ лифляндца. Его планъ „защищающагося отступленія" и блестящее выполненіе такового достаточно извѣстно, но его отступленіе, тогда непонятное, и нѣмецкое происхожденіе, сдѣлали то, что общественное мнѣніе требовало его удаленія. Онъ былъ замѣненъ коренным русскимъ Кутузовымъ и продолжалъ служить подъ его начальствомъ. На военномъ совѣтѣ послѣ Бородина Б. первый подалъ голосъ за оставленіе Москвы и бралъ на себя всю отвѣтственность. Затѣмъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, онъ уѣхалъ изъ арміи. Когда онъ вернулся, то былъ подчиненъ Витгенштейну—высокоодаренный генералъ былъ подчиненъ бездарному. Въ этомъ подчиненіи участвуетъ онъ въ осадѣ Торна, Кенигсвартѣ. Послѣ Бауценской побѣды Александръ I призналъ непригодность Витгенштейна и подчинилъ его Б. Затѣмъ Б. участвуетъ въ бояхъ подъ Кульмомъ, Дрезденомъ и послѣ Лейпцигской битвы возводится въ графское достоинство. Участвуетъ онъ и въ битвѣ Бріеннской и при Ла-феръ-Шампенуазѣ. Въ битвѣ подъ Парижемъ начальствовалъ гвардіей и въ Парижѣ пожалованъ въ фельдмаршалы. Когда Наполеонъ вернулся съ о. Эльбы, Б. двинулся усиленнымъ маршемъ и собралъ на Рейнѣ 150.000 армію, но въ Ватерлооской битвѣ не участвовалъ. Въ 1815 г. онъ возводится въ княжеское достоинство и назначенъ главнокомандующимъ 1-ой арміи (въ Могилевѣ). Онъ умеръ въ 1818 г. и погребенъ въ Ригѣ. Александръ I чтилъ его память и повелѣлъ воздвигнуть ему памятникъ, что было выполнено уже Николаемъ I въ 1837 году.

Беннкендорфы [1]) родомъ изъ Бранденбурга, въ XVIII в. переселились въ Эстляндію. Христоферъ Б. военный губернаторъ Риги, жена его, рожденная бар. Шиллингъ, близкій другъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая послѣ смерти ея взяла на себя воспи-

[1]) Германскій полководецъ Гинденбургъ носитъ фамилію и Бенкендорфа. Онъ былъ крупнымъ землевадѣльцемъ въ Россіи, кажется его имѣніе нынѣ продано.

таніе ея дѣтей: Марію, впослѣдствіи статсъ-даму, Доротею—будущую княгиню Ливенъ и сыновей Александра и Константина.

Александръ Христофоровичъ Б., получивъ первоначальное образованіе въ Байрстѣ, юношей пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ чрезъ свою родственницу гр. Ливенъ былъ представленъ ко двору и скоро сталъ любимымъ товарищемъ дѣтей Императора Павла. „Онъ былъ созданъ быть царедворцемъ — гибкій и располагающій къ себѣ, стройный и находчивый въ разговорѣ". Онъ сталъ самымъ близкимъ довѣреннымъ Александра и быстро двигался по службѣ, и все-таки былъ онъ освѣдомленъ о предстоящемъ покушеніи на Императора Павла.

Участникъ войнъ въ Германіи и Франціи, бѣжалъ онъ изъ Парижа, не уплативъ долговъ, хотя и былъ адъютантомъ Императора. 14 декабря, командуя 1-ой кирасирской дивизіей, проявилъ онъ большое хладнокровіе. Назначенный членомъ слѣдственной комиссіи по декабрьскому бунту, показалъ себя столь дѣятельнымъ, что былъ назначенъ шефомъ жандармовъ. Имъ создана система тайной полиціи, которая какъ сѣть покрывала всю Россію и распространялась и на Европу, причемъ ея безчисленныя нити сходились въ его рукѣ. „Б. по существу своему не былъ злымъ, но онъ не смягчалъ суровость и остроту тайной полиціи и никогда не вліялъ у государя на его милосердіе". При этомъ ему недоставало широкаго взгляда, „онъ былъ ограниченный слуга своего друга и господина". „На склонѣ своихъ дней, Б., какъ это часто бываетъ, помимо любовныхъ похожденій, предавался ханжеству и мистицизму." Николай, который о немъ сказалъ „я замѣнимъ для Россіи, но незамѣнимъ Б", понемногу началъ его вытѣснять Клейнмихелемъ. Это очень огорчило стараго царедворца, который временно сложилъ свои обязанности и въ 1844 г. искалъ отдыхъ въ Германіи [1]).

[1]) Какъ многіе изъ его одноплеменниковъ, онъ получалъ щедрые дары, такъ въ Эстляндской губ. ему было пожаловано 3 имѣнія, въ Бессарабіи 34.000 десятинъ, на Уралѣ золотые рудники. См. его духовное завѣщаніе въ № 96 „Сенатскихъ Вѣдомостей"за 1844 г.

В. К. Николай Михайловичъ пишетъ о Бенкендорфѣ: „Онъ несочувственно относился къ развитію русской литературы... Онъ откровенно сознавался, что „не должно слишкомъ торопиться просвѣщеніемъ Россіи, чтобы народъ не сталъ по курсу своихъ понятій въ уровень съ монархами и не посягнулъ бы тогда на ослабленіе ихъ власти"... Если „чистая монархія" являлась для Бенкендорфа идеаломъ государственнаго устройства, то Императоръ Николай I являлся для него идеаломъ государя; онъ считалъ его „indispansable non seulement pour nôtre bonheur, mais pour nôtre existence". „Генералъ Адъютанты И. Александра I", стр. 161, 162.

Его братъ *Константинъ Христофоровичъ Б.* началъ службу въ дипломатическомъ вѣдомствѣ, но въ 1812 г. перешелъ на военную службу и явился участникомъ многихъ сраженій. Въ 1816 г. онъ назначенъ посланникомъ въ Штутгартъ, но въ 1826 г. вызванъ для участія въ Персидскомъ походѣ Паскевича и блокировалъ Эривань, затѣмъ участвовалъ въ Турецкомъ походѣ 1828 г. Его сынъ *Константинъ Константиновичъ Б.*, участникъ войнъ 1812 г. потомъ перешелъ въ дипломатическое вѣдомство. Служа въ 1848 г. въ Берлинѣ, пріобрѣлъ всеобщее расположеніе „и не имѣлъ тамъ враговъ — только друзей". Затѣмъ участвовалъ въ войнѣ 1855 г., а въ 1856 г. назначенъ посланникомъ въ Штутгартъ.

Беннигсенъ Левинъ-Августъ-Теофилъ-Беннигсенъ, внукъ соборнаго декана въ Гальберштадтѣ (въ Россіи *Леонтій Леонтьевичъ*), родился въ 1745 г., получилъ военное образованіе на родинѣ — въ Ганноверѣ — и участвовалъ въ прусскихъ войскахъ въ 7-милѣтней войнѣ. „Не выказывая склонности къ военной службѣ, только въ шумныхъ удовольствіяхъ чувствовалъ онъ себя хорошо и чрезъ мѣру пользовался благосклонностью женщинъ. Дослужившись до чина лейтенанта, онъ женился" на дѣвицѣ Штейнбергъ и поселился въ своемъ имѣніи. Овдовѣвъ и разорившись, онъ въ 1773 г. поступилъ на службу Екатерины II [1]) и принялъ участіе въ Турецкой войнѣ и усмиреніи Пугачевскаго бунта. Взявъ отпускъ, женился онъ на похищенной имъ дѣвицѣ Швихельтъ, такъ какъ его вторая жена—родомъ русская—тоже умерла. Затѣмъ Б. принялъ участіе въ осадѣ Очакова и особенно отличился въ Польскую войну 1793—94 гг., гдѣ одержалъ нѣсколько побѣдъ. Помимо награжденій чинами, и орденами Б. было пожаловано 1200 душъ въ Литвѣ. Онъ принималъ участіе въ Персидскомъ походѣ 1796 г. и особо отличился при осадѣ Дербента. Павелъ I не любилъ Б. и выслалъ его въ его литовскія помѣстья. Дружба Б. съ Паниным и близость съ Паленомъ легко его втянули въ заговоръ противъ Павла I, не уѣзжая въ изгнаніе, онъ остался тайно въ Петербургѣ „и только что онъ узналъ о согласіи Александра на сверженіе, безъ колебанія присоединился къ заговору". Въ ужасную ночь, когда кончилась жизнь Павла, со шпагою въ рукѣ подступилъ онъ къ Павлу, требовалъ его отреченія отъ престола,

[1]) Старшая линія Б. осталась въ Ганноверѣ, одинъ изъ ея членовъ—баронъ Рудольфъ Б. былъ въ 1886 г. президентомъ прусскаго парламента.

грозилъ арестомъ именемъ Александра и приставилъ шпагу къ его груди, но убійство предоставилъ другимъ. Только что совершили они свое дѣло, какъ Б. поспѣшилъ вернуться; онъ сдѣлалъ видъ, что хотѣлъ бы оживить убитаго и выразилъ отвращеніе къ злодѣянію. Затѣмъ взялъ онъ на себя начальствованіе надъ войсками окружавшими дворецъ, и самимъ дворцомъ, упорно отказывалъ вдовѣ-императрицѣ входъ въ комнату, гдѣ было совершено убійство, и когда онъ ее все-таки долженъ былъ туда ввести, остался онъ холоднымъ при видѣ „ея горя". Онъ мечталъ о тріумвиратѣ — Б., Паленъ и Зубовъ — не долго пользовался вліяніемъ, отвращеніе къ нему императрицы матери свергло и его. При дворѣ не имѣлъ онъ никакихъ связей, будучи въ четвертый разъ женатъ на польской еврейкѣ Андршкевичъ. Чтобы его удалить отъ двора, дали ему назначеніе литовскаго генералъ-губернатора. Въ 1805 г. Б. назначенъ главнокомандующимъ сѣверной арміи, посланной въ помощь Австріи, но въ военныхъ дѣйствіяхъ онъ не участвовалъ. Въ слѣдующемъ году онъ смѣняетъ Каменскаго [1]) и отрѣзаетъ наступленіе Ланна при Пултускѣ. Особенно прославился Б. въ битвѣ при Прейсишъ-Эйлау, въ которой обѣ стороны приписывали себѣ побѣду [2]). За эту побѣду былъ онъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и пожизненной пенсіей въ 12.000 р. — Б. одержалъ побѣду подъ Гейльсбергомъ, но подъ Фридландомъ понесъ отъ Наполеона пораженіе. Послѣ Тильзитскаго мира поселился онъ въ своихъ деревняхъ, откуда былъ вызванъ въ 1812 г. и принялъ участіе въ Бородинскомъ сраженіи. За побѣду надъ Мюратомъ подъ Вороновымъ получилъ онъ 100.000 р. Разойдясь съ Кутузовымъ, Б. удалился въ свои земли [3]).

Въ 1813 г. онъ получилъ начальствованіе надъ польской арміей, съ которой, послѣ ряда удачныхъ дѣлъ, поспѣлъ къ Лейп-

[1]) Каменскій отъѣхалъ изъ арміи самовольно, впрочемъ по интригамъ Беннигсена.

[2]) Подъ Прейсишъ-Эйлау побѣда была на сторонѣ русскихъ, каковую славу Клейншмидтъ напрасно старается умалить. Побѣда подъ Прейсишъ-Эйлау былъ наиболѣе блестящій подвигъ Беннигсена.

[3]) Беннигсенъ не разошелся съ Кутузовымъ, а былъ имъ послѣ Тарутина удаленъ. Не безъинтересна характеристика Б., даваемая Кутузовымъ въ письмѣ къ своея женѣ отъ 28 октября 1812 г.: „объ Беннигсенѣ говорить не хочется, писалъ фельдмаршалъ, онъ глупый и злой человѣкъ, увѣрили его такіе же простяки, которые при немъ что онъ можетъ испортить меня у государя и будетъ командовать всѣмъ". (Рус. Стар. 1872 г. т. V, стр. 651).

цагу, гдѣ своимъ приходомъ далъ перевѣсъ союзникамъ и разбилъ лѣвое крыло непріятеля, за что возведенъ въ графское достоинство. Затѣмъ блокировалъ Гамбургъ и вынудилъ Даву къ капитуляціи, за что былъ награжденъ орденомъ св. Георгія I степени. „О снабженіи своей арміи полководецъ заботился плохо и этимъ далъ возможность своему двоюродному брату поставщику Мейеровичу лучшую возможность обогатиться". Послѣ отечественной войны Б. стоялъ во главѣ южной арміи, но вслѣдствіе паденія съ лошади ослѣпъ, вышелъ въ отставку и поселился въ Ганноверѣ и умеръ въ своемъ тамошнемъ имѣніи въ 1825 г. По словамъ Клейншмидта, у Б. былъ завистливый и въ высшей степени нетоварищескій характеръ, такъ своими происками онъ измѣнилъ отношеніе двора къ Буксгевдену, вслѣдствіе чего тотъ былъ удаленъ [1].

Бироны. *Карлъ Бюренъ* сынъ конюха герцога Курляндскаго былъ поручикомъ въ польскихъ войскахъ. Когда его средній сынъ (Эрнестъ-Іоганнъ) достигъ какъ фаворитъ могущества, похитилъ онъ со своими имя французскаго герцогскаго дома Бирона и принялъ его гербъ. „Чтобы одолжить Императрицу Анну продажный король польскій произвелъ своего поручика въ генералъ-поручики, не давая ему назначенія въ арміи, а Анна пожаловала старому богатыя помѣстья въ Курляндіи", но при ея дворѣ онъ не показывался.

Его старшій сынъ *Карлъ Б.* рано вступилъ въ русскую службу и, будучи уже офицеромъ, попалъ въ плѣнъ къ шведамъ, бѣжалъ изъ плѣна въ Польшу и тамъ дослужился до подполковника. Когда Анна Ивановна вступила на престолъ онъ послѣдовала за своимъ братомъ въ Россію, былъ произведенъ въ генералы-аншефы и назначенъ комендантомъ Москвы. Уже въ 1780 г. гордое курляндское дворянство приняло его въ свою среду, чего раньше не хо-

---

[1]) „Обладая несомнѣнными военными талантами, рѣшимостью и холоднымъ разчетливымъ умомъ, Б. съ тѣмъ вмѣстѣ былъ надмененъ, неблагодаренъ и склоненъ къ происками"... „Надо полагать, что дарованія Б. дѣйствительно были необыкновенны, если принять въ соображеніе, что онъ до конца своей службы не зналъ языка, которымъ говорила русская армія, и что всѣ бумаги переводились для него на французскій языкъ... Такимъ образомъ, въ самый разгаръ сраженія при Шевардинѣ, почти подъ выстрѣлами непріятеля, М. Н. Муравьеву довелось заниматься упражненіями въ переводахъ для своего начальника". (Кропотовъ. „Жизнь гр. М. Н. Муравьева", стр. 76, 77). — Характеристика Б. у Клейншмидта и Кропотова совпадаютъ.

тѣло дѣлать. Временщикъ ненавидѣлъ своего кичливаго брата потому что презиралъ въ немъ пьяницу. Сосланный въ 1740 г. онъ въ 1742 г. получилъ свободу и поселился въ своемъ Лифляндскомъ имѣніи, гдѣ и умеръ. Младшій сынъ Карла Б.—*Густавъ Б.* честный, но глупый, тоже служилъ въ польскомъ войскѣ и какъ братъ его Карлъ въ 1730 г. принятъ въ курляндское дворянство, при воцареніи Анны Ивановны маіоръ гвардіи, затѣмъ былъ генералъ-аншефомъ. Въ 1740 послѣ осужденія Волынскаго получилъ часть его помѣстій. Женатъ онъ былъ на дочери Меньшикова, какъ и Карлъ Б. въ 1740 г. сосланъ и въ 1742 г. прощенъ.

Эрнестъ-Іоаннъ Б. [1]) одно время посѣщалъ Кенигсбергскій университетъ. Въ Петербургѣ домогался онъ должности камеръюнкера, при царевичѣ Алексѣѣ, но вслѣдствіе его низкаго происхожденія ему было отказано. „Тогда онъ отправился въ Митаву гдѣ возбудилъ къ себѣ любовь герцогини Курляндской Анны Ивановны только что овдовѣвшей послѣ двухмѣсячнаго брака. Въ 1720 г. Б. сталъ камергеромъ и фаворитомъ молодой вдовы. Чтобы скрыть свои отношенія къ Б. передъ глазами свѣта, герцогиня курляндская искала для него супругу среди благородныхъ дамъ Курляндіи, но вездѣ встрѣчалась она съ сопротивленіемъ. Съ негодованіемъ дворянство отталкивало дерзкаго, который хотѣлъ съ ними поровнятьсѧ, наконецъ согласился одинъ бѣдный дворянинъ и отдалъ свою дочь въ супруги и утайщицы волокитства". Къ великой досадѣ старо-русской партіи, послѣ воцаренія Анны Ивановны, Б. получилъ цѣлый рядъ отличій; ему было также пожалованы имѣнія въ Венденскомъ округѣ [2]). Императоръ Карлъ VI возвелъ его въ графское достоинство, а герцогъ Биронъ спрашивалъ его въ какой степени родства они находятся. Дворъ склонялся передъ нимъ, а курляндское дворянство вносило его и братьевъ въ свои книги. „Умѣренно образованный вмѣшивался Б. однако во все и обращался съ государственными дѣлами съ безтактною грубостью конюха [3]),

[1]) „Каналья—курляндецъ" по выраженію современниковъ.

[2]) Это не такъ: Биронъ получилъ тогда городъ Венденъ со всѣмъ его округомъ и имѣнія Трейденбергъ и Пальцмаръ стоимостью въ 50.000 эфимковъ. См. депешу саксонскаго резидента 26 Іюня 1730 г. (Сборн. Рус. Историч. Общ. т. V стр, 381).

[3]) Австрійскій посланникъ Остейнъ говорилъ: „Б. говоритъ о лошадяхъ, какъ умный человѣкъ, но какъ скоро заговоритъ о людяхъ —вретъ какъ лошадь". Андреевъ „Представители власти въ Россіи послѣ Петра I". стр 67.

неограниченный безвольной имцератрицей; онъ всѣхъ ненавидѣлъ при дворѣ и никому не довѣрялъ, но Остерманъ и Минихъ дѣйствовали въ единомыслiи съ нимъ и по его волѣ. Къ отчаянiю старо-русской партiи въ государствѣ властвовала такъ называемая нѣмецкая партiя и деспотизмъ Б. тяготѣлъ какъ желѣзный надъ Россiею [1]). Съ ненавистью выскочки относился онъ къ старому дворянству, которое не смотря на казни и ссылки, гнушалось имъ. [2]) Онъ обогащался, дѣля съ „придворнымъ жидомъ" Липманомъ лихвенные проценты, полученные недостойными монополiями и притѣсненiемъ торговли [3]). Но сверхъ того Анна Ивановна его щедро одаряла, такъ получилъ онъ 180.000 талеровъ штрафныхъ денегъ, полученныхъ съ Данцига. Но всего этого ему было мало и онъ домогался курляндской короны. Путемъ подкупа, интригъ и угрозъ былъ онъ въ 1737 г. курляндскимъ дворянствомъ, которое ему ранѣе показало дверь, избранъ наслѣдственнымъ герцогомъ Курляндiи и Семигалiи. Но и послѣ этого избранiя Б. оставался въ Петербургѣ и оттуда тиранилъ свое несчастное герцогство; онъ попом-

[1]) Уже 3 Iюля 1730 г испанскiй посолъ дукъ де Лириа писалъ „народъ публично вопiетъ противъ нѣмцевъ и особенно противъ двухъ графа Левенвольде и оберъ-гофмаршала Бирона. А тщеславiе этихъ господъ усиливается съ каждымъ днемъ и я боюсь, чтобы со временемъ здѣсь не было какого нибудь переворота". Сборникъ „Восемнадцатый вѣкъ", т. III, стр. 76.

[2]) Клейншмидтъ опустилъ одно немаловажное обстоятельство во внутренней политикѣ во время бироновщины—религiозную нетерпимость.—Данилевскiй указываетъ, что религiозное гоненiе старообрядцевъ имѣло два различныхъ характера—до Петра и послѣ Петра. До Петра оно было религiознаго характера, во второй перiодъ „имѣло исключительно характеръ политическiй, и старообрядчество преслѣдовалось, какъ сильнѣйшiй протестъ русской жизни противъ иноземщины, въ самый сильный разгаръ которой—при Биронѣ, преслѣдовалось даже и само православiе". Данилевскiй добавляетъ, что русскiй народъ никогда не сочувствовалъ гоненiю на старообрядчество, въ немъ не участвовалъ и что оно производилось одною внѣшнею силою полицiи. „Россiя и Европа" стр 200.

Только указъ 17 апр. 1906 г. снялъ угрозу вѣчно висѣвшую надъ совѣстью русскаго старообрядца.

[3]) Любопытно указанiе Татищева (Лексиконъ, ч. I стр. 145) на то, что бергъ-директоріумъ учиненъ 1736 г. вмѣсто бергъ-коллегiи: когда герцогъ курляндскiй Биронъ вознамѣрился этотъ великiй государственный доходъ похитить, тогда онъ призвалъ изъ Саксонiи Шемберга и всѣ заводы подъ именемъ Шемберга оному Бирону отдали. По словамъ Татищева, „Биронъ и Шембергъ за 2 года болѣе 400,000 р. похитили".

налъ курляндскому дворянству его прежнее отношеніе и многіе курляндскіе дворяне были сосланы въ Сибирь, а что можно было взять, текло въ кассу герцога. Свое мнѣніе, что русскими надо управлять топоромъ и кнутомъ, распространялъ онъ и на Курляндію.

Въ 1739 г. поднялся, тайно поддерживаемый шведами и французами, домъ Долгорукихъ противъ Б. и Анны, желая устранить господство иностранцевъ, а Елисавету и молодого Нарышкина возвести на тронъ, но заговоръ потерпѣлъ крушеніе и кровь ихъ потекла для удовлетворенія мести. Б. увѣренный въ Аннѣ Іоан., хотѣлъ видѣть рабами всю царскую фамилію и обращался съ брауншвейгскими родственниками Анны съ презрительною насмѣшливостью, но тщетно домогался онъ для своего сына руки сперва великой княгини Анны, потомъ Елисаветы Петровны, а свою дочь помолвить Петру (III) Гольштейнъ-Готорпскому. Разойдясь съ Остерманомъ и Минихомъ, заключилъ онъ тѣсный союзъ съ Бестужевымъ-Рюминымъ, который при этомъ только о своемъ возвышеніи думалъ. Благодаря ихъ совмѣстному вліянію[1]), 17 окт. 1740 г. Б. былъ объявленъ регентомъ, а 11 дней спустя умерла императрица Анна Ивановна, а Б., какъ регентъ вступилъ въ управленіе имперіей съ титуломъ императорскаго высочества и опять начались ссылки и притѣсненія. Съ отцомъ императора Іоанна VI Б. обращался какъ съ подчиненнымъ ему чиновникомъ, а матери императора грозилъ онъ высылкою на родину и поговаривалъ о возможности посадить на тронъ вмѣсто Іоанна VI—герцога Голштинскаго и помышлялъ осчастливить его своею дочерью и такимъ образомъ возвысить Бироновъ до трона Рюрика.

„Но часъ его приближался. Минихъ, имъ обиженный, согласился съ матерью императора Анной Карловною [2]) свергнуть высокомѣрнаго тирана. Какъ извѣстно, переворотъ совершенъ былъ Минихомъ съ нѣсколькими солдатами безъ всякаго затрудненія. Адъютантъ Миниха — фонъ Манштейнъ арестовалъ Бирона въ постели, были арестованы и ихъ приверженцы, при чемъ никто не заступился за всѣми ненавидимаго. Богатства Б. были столь велики, что только въ его домѣ драгоцѣнностей оказалось на 14 мил. рублей, правда, у него оказалось и долговъ до 300.000 р.—Судъ присудилъ Б. и его приверженцовъ къ смертной казни, но правительница

[1]) Этому способствовалъ Минихъ—это одинъ изъ главныхъ пунктовъ его обвиненія, изложенныхъ въ манифестѣ 22 янв. 1742 г.

[2]) Такъ называютъ иностранные писатели Анну Леопольдовну, по отцу Карлу Леопольду Мекленбургскому.

смягчила наказаніе каторжной ссылкой въ Сибирь. При Елисаветѣ Петровнѣ Б. былъ переведенъ въ Ярославль и на его содержаніе было прибавлено 5000 р.. Петръ III вернулъ Б. въ Петербургъ и хотѣлъ его возстановить въ Курляндіи, но умеръ, и эта реабилитація была совершена уже Екатериною II въ 1763 году, но уже въ 1769 г., вслѣдствіе многочисленныхъ жалобъ на его жестокости, по требованію Россіи, Б. отказался отъ курляндскаго престола въ пользу своего старшаго сына. Старшій сынъ временщика *„герцогъ Эрнестъ-Петръ* многими считался сыномъ Анны Ивановны". Онъ послѣдовалъ за отцомъ въ ссылку и, при возвращеніи всей семьи Бироновъ Петромъ III, былъ произведенъ въ генералы отъ кавалеріи. Алчнаго и жестокаго Петра курляндцы ненавидѣли, какъ и его отца. Екатерина съ неудовольствіемъ видѣла какъ онъ склонялся къ Пруссіи. Въ 1795 г., вслѣдствіе просьбы курляндскаго дворянства, герцогство было присоединено къ Россіи, а герцогу Петру была назначена пожизненная пенсія въ 25.000 дукатовъ. Онъ умеръ за границей не оставивъ мужскаго потомства. Его братъ *принцъ Карлъ-Эрнестъ* былъ генералъ маіоромъ русской службы и умеръ въ Кенигсбергѣ, а внукъ его *принцъ Баліетъ* состоялъ съ 1877 г. оберъ-шенкомъ короля прусскаго. Дочь временщика — Ядвига-Елисавета послѣ возвращенія Бирона изъ ссылки, гдѣ она приняла православіе, вышла замужъ за гв. поручика барона Черкасова.

Бруновы въ XVI столѣтіи переселились изъ Померанія въ Курляндію. Баронъ Филиппъ (по русски *Филиппъ Ивановичъ*) родился въ Дрезденѣ и учился въ Лейпцигѣ. Съ 1818 г. служилъ въ нашемъ дипломатическомъ вѣдомствѣ. Былъ посломъ въ Штуттгартѣ, Дармштадтѣ, а съ 1834 по 1854 г. въ Лондонѣ, при чемъ имѣлъ спеціальное порученіе нарушить союзъ Франціи съ Англіей и заключить союзъ Россіи съ послѣдней, въ началѣ успѣлъ въ этомъ, но все искусство Б. не могло отвратить Крымской войны. Затѣмъ Б. былъ посломъ при германскомъ союзѣ въ Берлинѣ и опять въ Лондонѣ, но безуспѣшно работалъ для возстановленія прежней англо-русской дружбы. Въ 1870 г., будучи посломъ въ Парижѣ онъ добился блестящаго разрѣшенія Черноморскаго вопроса, за что былъ возведенъ въ графское достоинство. Кончилъ онъ свое дипломатическое поприще въ Лондонѣ, гдѣ добивался привлечь лондонскій кабинетъ къ дружественному отношенію къ Россіи. Въ 1874 г. онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Дармштадтѣ, гдѣ и умеръ.

Буксгевденъ. *Фридрихъ-Вильгельмъ* Б. принадлежалъ къ одной

изъ старѣйшихъ фамилій Лифляндіи, въ числѣ его предковъ—апостолъ Лифляндіи—епископъ Альбертъ. Отецъ его былъ коллежскій ассессоръ и очень бѣденъ. По окончаніи кадетскаго корпуса въ Петербургѣ участвовалъ въ Турецкой войнѣ и отличился при взятіи Бендеръ (1770 г.). Григорій Орловъ взялъ его (1773 г.) въ свои адъютанты, въ 1777 г. Б. женился на незаконной дочери Орлова—Алексѣевой, а въ 1783 г. онъ уже полковникъ и флигель-адъютантъ. Б. принимаетъ участіе въ Шведской войнѣ и своими удачными дѣйствіями освободилъ отъ осады крѣпости Фридрихсгаммъ и Выборгъ, за что ему было пожаловано казенное имѣніе Магнусдаль. Въ польскую войну командовалъ онъ дивизіей и избѣгалъ напраснаго кровопролитія. Суворовъ назначилъ его варшавскимъ губернаторомъ и вслѣдъ за тѣмъ администраторомъ Польши. Строгой справедливостью Б. пріобрѣлъ любовь поляковъ. Въ 1795 г. былъ онъ возведенъ въ графское достоинство прусскаго королевства, а въ 1797 Россійской имперіи. Павелъ I довѣрилъ ему военное губернаторство Петербурга, но вскорѣ отрѣшилъ и отправилъ въ его имѣнія. До вступленія на престолъ Александра I Б. жилъ въ Германіи. Александръ I назначилъ его Прибалтійскимъ губернаторомъ. Подъ Аустерлицемъ Б. командовалъ нашимъ лѣвымъ крыломъ. Въ 1806 г. онъ былъ главнокомандующимъ нашихъ войскъ въ Восточной Пруссіи, но лицемѣрный Беннигсенъ держалъ его такъ долго въ подозрѣніи у Александра I, что Императоръ его отозвалъ и замѣнилъ Бенигсеномъ Буксгевденъ вызвалъ Беннигсена на дуэль, но она не состоялась. Въ февралѣ 1808 г., командуя 18.000 арміей, Б. вторгся въ Финляндію и 5 сент. заключилъ Фридрихсгамскій миръ, по которому вся Финляндія до Торнео отошла къ Россіи. Онъ умеръ въ своемъ замкѣ Лоде въ 1811 г. Одинъ изъ его сыновей былъ сенаторомъ

Дибичъ—прусскій родъ, Гансъ Эренфридъ баронъ фонъ Дибичъ и Норденъ былъ адъютантомъ принца Генриха Прусскаго. Какъ воспитатель Евгенія Вюртембергскаго пріѣхалъ въ 1801 г. въ Петербургъ и умеръ генералъ-маіоромъ русской службы. Сынъ его *Гансъ* (по русски Иванъ Ивановичъ) кончилъ берлинскій кадетскій корпусъ и началъ службу въ прусскихъ войскахъ. Перешедъ въ Россію вмѣстѣ съ отцемъ, былъ принятъ въ Семеновскій полкъ прапорщикомъ. Русскій языкъ изучилъ скоро и въ совершенствѣ [1]).

[1]) Клейншмидтъ не напрасно отмѣчаетъ это обстоятельство такъ какъ другіе нѣмецкіе выходцы, дослужившіеся до высокихъ должностей, русскаго языка не знали и не считали нужными знать. См. выше о Байерѣ, Беннигсенѣ.

Въ мирное время Д. предался изученію военнаго искусства. Осенью въ 1813 г. онъ уже генералъ-маіоръ и генералъ-квартирмейстеръ I арміи. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ Александра I и былъ душою его военнаго совѣта. Д. отличается въ битвахъ при Дрезденѣ и Лейпцигѣ. Въ 1814 г. онъ первое лицо въ военномъ совѣтѣ царя и, какъ Блюхеръ, совѣтуетъ ему наступать на Парижъ. Въ 1815 г. онъ начальникъ штаба I арміи, а затѣмъ начальникъ главнаго штаба, и съ 1820 г. членъ государственнаго совѣта. Узнавши о заговорѣ декабристовъ увѣдомляетъ о томъ начальника южной арміи Витгенштейна и великаго князя Константина Павловича и, по собственному почину, принимаетъ самыя рѣшительныя мѣры въ южной арміи, „Императоръ Николай I вступилъ на престолъ какъ его должникъ". Въ 1827 г. Д. былъ возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство.

Въ качествѣ генералъ-квартирмейстера принялъ онъ участіе въ 1828 г. въ Турецкой войнѣ, одержалъ побѣду подъ Шумлой а послѣ снятія блокады съ Силистріи и отступленія въ дунайскія княжества, Д. реорганизовалъ русскую армію и получилъ главное начальствованіе вмѣсто Витгенштейна. Благодаря его геніальному предводительству побѣда слѣдовала за побѣдой—взятіе Силистріи, разгромъ арміи великаго визиря подъ Кулевчей. Переходъ черезъ Балканы доставилъ ему прозвище „Забалканскаго", затѣмъ слѣдуютъ его побѣды подъ Сливно, взятіе Андріанополя, гдѣ и былъ заключенъ миръ. Въ награду Д. получилъ чинъ фельдмаршала, орденъ св. Георгія I степени и 1 милліонъ рублей военнаго вознагражденія. Въ 1830 г. Императоръ Николай послалъ его въ Берлинъ, чтобы помочь Пруссіи противъ революціи, которая грозила Европѣ послѣ парижскихъ происшествій и прежній прусскій кадетъ выступилъ тамъ съ необычайнымъ тщеславіемъ. Но когда вспыхнула польская революція, 24 янв. 1831 года Д. былъ отозванъ и былъ назначенъ съ неограниченными полномочіями генералъ-губернаторомъ въ Польшу, а 1 февр. онъ уже занялъ Венгровъ. Съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ былъ онъ въ ссорѣ и послѣдній просилъ объ увольненіи. Въ рѣшительномъ сраженіи подъ Прагой исходъ боя былъ неопредѣленный. Затѣмъ 14 янв. онъ одерживаетъ побѣду подъ Остроленкой. Но у Д. уже не было былой силы — „дисциплина въ войскахъ падала, генералы дерзали быть другого мнѣнія чѣмъ онъ, ненависть къ нѣмцу со стороны коренныхъ русаковъ усиливалась". Д. сталъ пить. 6 іюня Орловъ сообщилъ ему, что государь, снисходя къ его просьбѣ, согласился

на его увольненіе и замѣняетъ его Паскевичемъ, хотя, Д. вовсе не просилъ объ своемъ увольненіи. 10 іюля онъ умеръ отъ холеры.

Эссенъ. Клейншмидтъ перечисляетъ пять представителей этого рода ничѣмъ не примѣчательныхъ. Одинъ изъ нихъ, военный губернаторъ Петербурга, въ 1833 г. возведенъ въ графское достоинство.

Ферморъ англійскаго происхожденія. Вильгельмъ Ф. родился въ Псковѣ. Въ 1720 г. онъ отличился подъ Данцигомъ. Въ 1740 г. онъ комендантъ Выборга, а въ 1751 г. генералъ – губернаторъ петербургскій, финляндскій и новгородскій. во время семилѣтней войны въ 1756 г. подъ Гроссъ-Эгерсдорфомъ поддержалъ Апраксина и въ 1757 г. назначенъ на его мѣсто главнокомандующимъ нашихъ войскъ противъ пруссаковъ. Въ 1758 г. онъ назначенъ фельдмаршаломъ, вступаетъ въ Кенисбергъ и приводитъ его жителей къ присягѣ императрицѣ Елисаветѣ. Затѣмъ Ф. назначенъ генералъ-губернаторомъ Пруссіи. Онъ беретъ Торнъ и Эльбингъ, „но щадилъ пруссаковъ, потому что Россія уже смотрѣла на все какъ на свою провинцію и утвердила за ними прежнія ихъ права и свободы“. „Отчасти хворая, отчасти въ раздорахъ съ генералами, неспособный и нерѣшительный“ Ф. расположился у Познани и уклонялся отъ битвы. Въ 1758 г. Елисавета возвела его въ графское достоинство. Внезапно началъ онъ осаду Кюстрина, обратилъ его въ груду камней, но, хотя крѣпость не капитулировала, отступилъ потому что онъ услышалъ о возвращеніи стараго Фрица. Совершенно варварски хозяйничалъ онъ въ Бранденбургской маркѣ и показалъ свою настоящую природу. Подъ Цорндорфомъ Ф. былъ разбитъ Зейдлицемъ и Фридрихомъ и былъ вынужденъ къ отступленію, но приписалъ себѣ побѣду. 17 ав. 1759 г. Ф. передалъ главное начальство Салтыкову, чтобы избавиться отъ прямой отвѣтственности, но остался при арміи въ качествѣ корпуснаго командира и совѣтчикомъ, такъ какъ лукавый Ф. имѣлъ на Апраксина, Салтыкова и Бутурлина огромное вліяніе. „Въ ав. 1759 г. Ф. сражался при Кунерсдорфѣ. Въ окт. 1760 г. наложилъ онъ на Берлинъ чрезвычайную контрибуцію“, [1]) которую генералъ Тотлебенъ тотчасъ же увеличилъ. Затѣмъ онъ долго стоялъ у Франкфурта и отступилъ въ Польшу. Петръ III его уволилъ, но Екатерина назначила его генералъ-губернаторомъ въ Смоленскъ. Умеръ

[1]) Клейншмидту не нравится, что русское войско подъ начальствомъ Фермора имѣло способность бить нѣмцевъ.

онъ въ 1771 г. сенаторомъ въ своемъ имѣніи Нитау подъ Ригою. Единственный его сынъ, въ чинѣ полковника умеръ отъ ранъ, полученной при Варнѣ въ 1828 г. Одинъ изъ его потомковъ Юлій Ф. былъ недавно управляющимъ удѣлами.

Корфъ. *Баронъ Іоаннъ-Альбертъ* К. выѣхалъ въ Россію съ Анною Ивановною. Въ 1734 г. К. президентъ академіи наукъ и какъ таковой покровительствовалъ „поэту Ломоносову“ [2]. При дворѣ слылъ за большого ученаго, потому что зналъ латынь. Съ большимъ усердіемъ собралъ библіотеку въ 36.000 томовъ, позже продалъ ее Екатеринѣ II за 50.000 р. съ правомъ пользоваться ею пожизненно. Въ 1740 г. назначенъ посланникомъ въ Копенгагенъ, а въ 1741 г. въ Стокгольмъ, гдѣ поддерживалъ, по порученію Бестужева, партію шляпъ, но дѣлалъ это открыто какъ глава

---

[1]) Семилѣтняя война не по душѣ Клейншмидту и здѣсь онъ является безгранично пристрастнымъ. Чтобы не впасть въ противоположную крайность, обличаю пристрастіе Клейншмидта цитатами изъ Исторіи Россіи французскаго историка Рамбо. О битвѣ при Цорндорфѣ онъ пишетъ: „русскіе потерпѣли пораженіе вслѣдствіе своей неопытности, плохого распоряженія военачальниковъ и превосходства прусской конницы они потеряли: 20.000 человѣкъ, 100 пушекъ и 30 знаменъ. Но Фридрихъ не достигъ вполнѣ своей цѣли, потому что русскіе не были разбиты на голову и отступили“. А вотъ что пишетъ Рамбо о Кунерсдорфскомъ сраженіи. „На этотъ разъ армія Фридриха была буквально раздавлена русскими войсками. Онъ потерялъ 8000 убитыми и 172 пушки, и едва спасся самъ съ нѣсколькими десятками гусаръ. Отъ 48 т. арміи осталось у него не болѣе 3000 человѣкъ. „Ужасное несчастіе.—писалъ онъ Финкенштейну.—я не переживу его. Послѣдствія битвы хуже самого пораженія. Я не вижу никакого выхода и, правду сказать, думаю, что все потеряно“. Пораженіе при Кунерсдорфѣ тяготѣло надъ нимъ въ теченіи всей этой войны: отнынѣ онъ могъ только обороняться, не смѣя дѣйствовать наступательно“ (стр. 403—404). И объ этой побѣдѣ русскихъ надъ нѣмцами Клейншмидтъ лаконически говоритъ: „Ферморъ сражался при Кунерсдорфѣ“.

Этотъ самый Тотлебенъ „послалъ Фридриху въ точномъ нѣмецкомъ переводѣ секретный ордеръ главнокомандующаго и маршрутъ русской арміи“.—Мы не знаемъ принадлежитъ ли онъ къ прибалтійскому дворянству или происходилъ „изъ разныхъ нѣмецкихъ угловъ“. Фирсовъ. „Условія при которыхъ началась семилѣтняя война“. 1916 г., стр. 20.

[2]) Въ характеристикѣ Клейншмидта—Ломоносовъ только поэтъ, чѣмъ менѣе всего былъ этотъ геніальный человѣкъ.

партіи и шведскій король потребовалъ его отозванія, послѣ чего К. опять былъ переведенъ въ Копенгагенъ [1]).

Бар. Николай-Фридрихъ К. въ 1741 г. получилъ отъ императрицы Елисаветы порученіе провести въ Петербургъ юнаго Петра Гольштинскаго, съ этого времени возникла у нихъ дружба. Ему въ теченіи двухъ лѣтъ былъ довѣренъ надзоръ за несчастнымъ Иваномъ VI, съ которымъ, въ противоположность своимъ предшественникамъ и преемникамъ, обращался онъ съ добротою и почтительностью, что было засвидѣтельствовано самимъ узникомъ при посѣщеніи его Петромъ III. Потомъ К. былъ генералъ-полиціймейстеромъ, былъ мягокъ, честенъ, но слабъ. К. былъ женатъ на графинѣ Скавронской, двоюродной сестрѣ императрицы Елисаветы. *Баронъ Генрихъ-Ульрихъ-Казиміръ* К. (по русски Андрей Ѳедоровичъ), родился въ Курляндіи, но службу въ 1786 г. началъ въ Пруссіи, а въ 1797 г. перешелъ на русскую службу. Послѣ себя оставилъ много трудовъ по географіи, статистикѣ и исторіи. Сынъ его *Бар. Модестъ Андреевичъ* К., самый значительный изъ Корфовъ [2]), кончилъ лицей вмѣстѣ съ Пушкинымъ. Его отличилъ Сперанскій, К. много отъ него позаимствовалъ и вполнѣ усвоилъ его стиль, почему получилъ названіе „золотого пера“. Въ 1839 г. онъ государственный секретарь. Имъ написаны книга о вступленіи на престолъ императора Николая I [3]) и премированное сочиненіе „Жизнь графа Сперанскаго“. Съ 1847 г. онъ читалъ лекціи по юридическимъ наукамъ великимъ князьямъ. Работы К. важны потому, что онъ имѣлъ доступъ во всѣ архивы. Съ 1849 по 1861 г. былъ онъ директоромъ публичной библіотеки и многое сдѣлалъ для ея благоустройства, между прочимъ, отдалъ на нее всю выручку отъ своей книги о Сперанскомъ (32.000 р.). Сочиненія о Россіи

---

[1]) Клейншмидтъ упустилъ изъ виду, что бар. Іоаннъ-Альбертъ К. написалъ нѣсколько сочиненій; нѣкоторыя относятся къ исторіи Курляндіи: 1) Solida demonstratio. 2) Nachricht von dem litauischen Grossfürsten Gedimin u. Über die Grodnoer Constitution von 1726.

Клейншмидтъ опускаетъ совершенно бар. Ѳед. Ѳед., издавшаго въ 1853 г. „Путешествіе по Персіи“, написавшаго нѣсколько романовъ и повѣстей и писавшаго фельетоны въ „Спб. Вѣдомостяхъ“.

[2]) Самымъ значительнымъ изъ рода Корфовъ былъ, конечно, бар. Николай Александровичъ, р. 1834—1883 г., выдающійся педагогъ, оставившій нѣсколько сочиненій; наиболѣе важны: „Рус. начальная школа“, „Нашъ другъ“. „Руковод. къ обученію грамотѣ“, „Педагогич. вопросы“.

[3]) Герценъ называетъ его „исторіографомъ 14 Декабря“.

на иностранныхъ языкахъ собралъ онъ въ одинъ залъ, коему присвоено его имя.—К. управлялъ II отд. собственной Е. В. канцеляріи, а потомъ былъ предсѣдателемъ I департамента Государственнаго Совѣта. Въ 1872 г. онъ былъ возведенъ въ графское достоинство.

Ламбсдорфъ Курляндскій родъ. *Густавъ-Матвѣй* Л. будучи генераломъ отъ инфантеріи былъ выбранъ воспитателемъ къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. И хотя его воспитанники привязались къ нему, этотъ добрый человѣкъ совершенно не справился съ своей задачей, онъ держалъ ихъ возможно дальше отъ политики, скрывая отъ нихъ всѣ политическія событія. Вслѣдствіе этого онъ никогда не имѣлъ вліянія на своихъ учениковъ. При бракосочетаніи императора Николая былъ онъ возведенъ въ графское достоинство и получилъ прекрасное имѣніе въ Курляндіи. Его сынъ гр. Александръ-Эммануилъ былъ управляющимъ Курляндскимъ кредитнымъ союзомъ, а дочь была замужемъ за „генераломъ наполеоновыхъ дней“ бар. Деллингсгаузенъ.

Ливены принадлежатъ къ первымъ родамъ Лифляндіи, [1]) гдѣ имѣли значительныя земли какъ самостоятельные владѣльцы. Вѣрнѣйшимъ спутникомъ Карла XII въ его рыцарскомъ жизненномъ пути былъ умершій въ 1773 г., генералъ-лейтенантъ и сенаторъ *гр. Іоганнъ Генрихъ* Л. Къ этому роду принадлежалъ генер.-лейт. русской службы Андрей Романовичъ Ф. Ливенъ, вдова его *Шарлотта Карловна* (рожденная Поссе) въ очень стѣсненныхъ условіяхъ воспитывала въ Ригѣ четырехъ своихъ дѣтей. Сиверсъ и гр. Браунъ рекомендовали ее импер. Екатеринѣ, когда она искала воспитательницу для дочерей цесаревича. Съ 1783 г. воспитательница великихъ княженъ, она затѣмъ стала воспитательницей и сыновей Павла. — Екатерина о ней говорила „c'est un oséan de douceur et d'indulgence“, Павелъ почиталъ ее какъ мать. Она пользовалась любовью и уваженіемъ Павла, Александра и Николая и была другомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ 1799 г. она съ потомствомъ была возведена въ графское достоинство, а съ 1826 г., въ княжеское.[2])—Ея старшій сынъ *гр. Карлъ Андрее-*

[1]) Старшина леттовъ Каупо въ 1202 г. былъ посланъ рижскимъ епископомъ Альбертомъ Буксгевденомъ посломъ въ Авиньонъ къ папѣ Целестину III, который его утвердилъ въ дворянскомъ достоинствѣ.

[2]) 26 февраля 1823 г. Жуковскій, какъ извѣстно, близкій къ придворному кругу, писалъ Е. Г. Пушкиной: „у насъ теперь горе: княгиня Ливенъ умерла. Прекрасный конецъ прекрасной жизни“. (Девятна-

вичъ, 34 лѣтъ былъ уже генер.-лейтен. и генер.-адъютантомъ, онъ замѣнялъ военнаго министра Вязмитинова при докладахъ государю по военному министерству, но при назначеніи на этотъ постъ гр. Аракчеева (1807 г.) тотъ поставилъ условіемъ своего назначенія— увольненіе Ливена.

Въ 1812 г. Л. членъ комитета Штейна противъ Наполеона, въ 1817 г. попечитель Дерптскаго университета. Его ученыя занятія по философіи и точнымъ наукамъ, его прекрасное воспитаніе и его протестантизмъ могли бы его привести, какъ попечителя, къ лучшимъ успѣхамъ если бы онъ, съ одной стороны, не склонялся къ мистицизму, а съ другой—не былъ противникомъ римской церкви. Въ 1828 г. онъ назначается министромъ народнаго просвѣщенія и, наперекоръ православнаго направленія министерства, никогда такъ не процвѣтало преподаваніе въ царствованіе Николая I какъ при немъ [1]). Въ 1833 г. онъ былъ уволенъ по болѣзни. Его старшій сынъ кн. Андрей-Отто Карловичъ былъ генералъ-маіоромъ и генералъ-адъютантомъ.

Другой сынъ княгини Шарлотты Л. кн. *Иванъ Андреевичъ* былъ генералъ лейтенантомъ. Самымъ значительнымъ былъ его братъ кн. *Христофоръ Андреевичъ*, бывшій при Павлѣ военнымъ министромъ [2]). Въ 1810 г. былъ онъ русскимъ посломъ въ Берлинѣ, а въ 1812 г. въ Лондонѣ, гдѣ оставался до 1834 г. Во время своего долгаго посланничества въ Лондонѣ онъ дѣятельно отстаивалъ интересы

дцатый вѣкъ ч. I стр. 422) К. С. Шумигорскій въ примѣчаніи къ запискамъ гр. Головиной (стр 71) даетъ кн. Ш. Ливенъ такую характеристику: „Ш. К. Ливенъ держалъ себя, повидимому, всегда въ сторонѣ отъ дѣлъ, но въ дѣйствительности во многомъ руководила императрицей Маріей и былъ главной опорой нѣмецкой партіи при дворѣ. Написала записки о своей жизни, но сожгла ихъ передъ смертью".

[1]) У Клейншмидта сказано такъ: „wurde L. Minister des öffentlichen Unterrichts und trotz seiner orthodoxen Richtung blühte der Unterricht"... —Ливенъ передъ этимъ былъ пресѣдателемъ евангелическо-лютеранской консисторіи и въ излишнемъ протестантизмѣ его упрекаетъ Клейншмидтъ, такимъ образомъ „orthodoxe Richtung" надо отнести не къ Л., а къ народному просвѣщенію. Здѣсь знаменательно, что почтенный гейдельбергскій ученый видитъ въ православіи препятствіе къ процвѣтанію народнаго просвѣщенія.

[2]) 24 лѣтъ былъ генер.-адъютантомъ, военнымъ министромъ никогда не былъ, а при Павлѣ былъ начальникомъ военной походной канцеляріи См. труд. В. К. Николая Михайловича: „Генералъ-адъютанты императора Александра I", стр. 29.

Россіи и ему въ значительной мѣрѣ должно быть приписано освобожденіе Греціи и Бельгіи. Его жена, рожденная Бенкендорфъ, относится къ интереснѣйшимъ женщинамъ. Въ Россіи она провела первые годы своего замужества и 1835-ый годъ, когда потерявъ сразу обоихъ своихъ сыновей, „поспѣшила она съ своимъ горемъ въ Германію". Послѣ смерти своего мужа поселилась она въ Парижѣ, гдѣ и провела остатокъ своихъ дней († 1857 г.) и даже во время Крымской войны не могла его покинуть—она выѣхала изъ Парижа, но по ея просьбѣ и съ согласія петербургскаго и парижскаго дворовъ, вскорѣ туда вернулась. Она пользовалась большимъ успѣхомъ среди наиболѣе выдающихся людей своего времени; въ Петербургѣ, Лондонѣ и Парижѣ имѣла политическій салонъ и оказывала большое вліяніе на дипломатію. — Клейнмихелъ называетъ ее „дипломатическою сивиллою, послѣднею политическою женщиною, дѣйствительно большою европейскою душою". Онъ удивляется, что Шатабріанъ не умѣлъ ее цѣнить и могъ про нее сказать „une femme commune, fatigante, aride, qui n'avait qu'un seul genre de conversation, la politique vulgaire; du reste elle ne savait rien, et elle cachait la disette de ses idées sous l'abondance de ses paroles" [1]).

Ея старшій сынъ кн. *Павелъ Христофоровичъ* былъ попечителемъ петербургскаго университета (1876 г.), другой ея сынъ кн. *Александръ Христофоровичъ*, генералъ-лейтенантъ и сенаторъ, а его сынъ кн. *Андрей Александровичъ*—московскій губернаторъ, а потомъ — товарищъ министра удѣловъ (1872).

— Изъ баронской вѣтви Ливеновъ самымъ извѣстнымъ былъ бар. *Вильгельмъ Карловичъ*—онъ участвовалъ въ войнахъ 1828 и 1829 гг., потомъ былъ употребляемъ для дипломатическихъ порученій, особенно счастливъ онъ былъ въ 1843 г., когда онъ внушилъ Портѣ гибкость по отношенію Сербіи. Какъ генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба участвовалъ въ Крымской войнѣ и былъ главный совѣтникъ государя, потому что былъ его любимцемъ. Новый государь даритъ ему такое же довѣріе и дружба связывала ихъ. Въ 1861 г. испросилъ онъ себѣ назначеніе генералъ-губернаторомъ прибалтійскихъ губерній, но управлялъ ими черезъ-чуръ снисхо-

[1]) „Тщеславіе и честолюбіе ея искали себѣ удовлетворенія столько въ эксцентричныхъ поступкахъ ея, сколько въ успѣхахъ роли „женщины-дипломата" и „Сивиллы" и въ общеевропейской политикѣ". В. к. Николай Михайловичъ „генер.-адъютанты имп. Александръ I" стр. 30.

дительно для нѣмецкаго дѣла и такъ мало въ русскомъ духѣ (so wenig starrussischs), что въ 1864 г., къ великой горести „провинцій" былъ отозванъ.

Минихъ. Минихи баварскаго происхожденія. Антонъ Гюнтеръ М. служилъ ротмистромъ въ Даніи, затѣмъ въ Ольденбургѣ и умеръ воеводою остфрисландскаго князя. Его второй сынъ— *Бурхардъ-Христофоръ* началъ службу инженеромъ въ Эльзасѣ, но не желая сражаться противъ нѣмцевъ, въ 1701 г. перешелъ капитаномъ въ гессенъ-кассельскую службу и принялъ участіе во многихъ сраженіяхъ. Въ 1716 г. М. перешелъ на службу въ Польшу, гдѣ заслужилъ уваженіе короля Августа и былъ генералъ-интендантомъ королевской гвардіи, но благодаря министру Флеммингу служба въ Польшѣ стала ему ненавистна и въ 1721 г. онъ перешелъ на русскую службу, на которую былъ принятъ генералъ-лейтенантомъ. Его дѣятельность въ Россіи началась съ быстраго окончанія работъ по проведеніи Ладожскаго канала. Въ 1727 г. онъ вице-президентъ военной коллегіи. Петръ II возвелъ его въ графское достоинство. Въ 1731 г. онъ членъ тайнаго совѣта и стоитъ во главѣ комиссіи по преобразованію арміи, въ этомъ вопросѣ онъ считался большимъ авторитететомъ. Потомъ М. губернаторъ Ингерманландіи, Корелiи и Финляндіи, а въ 1732 г. генералъ-фельдмаршалъ и президентъ военной коллегіи [1]).

„Рядомъ съ большими и охватывающими способностями выступалъ у М. самостоятельный характеръ; большой инженеръ и любимый воспитанникъ принца Евгенія исчезали очень часто передъ лукавымъ и недостойнымъ царедворцемъ и человѣкомъ двоедушнымъ. Онъ унижался передъ Бирономъ, но все же ненавидѣлъ его, но Биронъ былъ достаточно хитеръ по отношенію М., чтобы подозрѣвать въ немъ коварнаго друга. Безмѣрно честолюбивый вмѣшивался М. въ государственныя обстоятельства, которыя до него, какъ солдата, не касались; въ то время какъ онъ передъ Анной и Бирономъ челомъ билъ, тиранилъ онъ своихъ офицеровъ и давалъ волю своей мстительности и жестокости [2]). Какъ губернаторъ

---

[1]) Иностранецъ безъ опредѣленнаго даже отечества, ибо онъ служилъ въ 5 государствахъ, чрезъ 11 лѣтъ службы въ Россіи былъ поставленъ во главѣ военнаго вѣдомства, правда, что тогда во главѣ Россійской Имперіи стояли еще болѣе сомнительные нѣмцы.

[2]) „Лэди Рондо, оцѣнивая характеръ М., предостерегаетъ каждаго довѣряться ему, пророча, что онъ измѣнитъ какъ скоро того потребуетъ его собственная польза. Биронъ, повидимому, былъ того же

Петербурга, обращался онъ съ полнымъ произволомъ съ купечествомъ и грубою силою ограничивалъ товарообмѣнъ въ Имперіи, себя же обогощалъ необдуманно" [1]).

Въ 1784 г. М. въ качествѣ главнокомандующаго осаждалъ Данцигъ, послѣ капитуляціи котораго заключилъ благопріятный договоръ Польши съ Россіей. Въ 1736 г. дѣлаетъ онъ успѣшный Крымскій походъ, стоившій намъ 100.000 человѣческихъ жизней, въ слѣдующемъ году беретъ Очаковъ, а въ 1739 поражаетъ сераскира подъ Ставучанами и беретъ Хотинъ. Но завистливый Биронъ убѣдилъ Анну поспѣшить заключеніемъ мира, вслѣдствіе чего Бѣлградскій договоръ (1739 г.) былъ для Россіи неблагопріятенъ [2]). Фельдмаршалъ М. желалъ быть молдаванскимъ господаремъ или, какъ однажды Мазепа, герцогомъ Украйны, но императрица съ издѣвкою отклонила домогательство словами: „я думала г. фонъ Минихъ будетъ меня просить объявить его великимъ княземъ".— Вернувшись въ Петербургъ въ 1740 г. онъ сошелся съ Бирономъ чтобы вмѣстѣ съ нимъ господствовать, почему испросилъ у умирающей царицы назначенія Бирона регентомъ. Но только что умерла Анна, распалась партія иностранцевъ въ Россіи, такъ какъ Биронъ одинъ хотѣлъ господствовать. Тогда М. примкнулъ къ герцогинѣ Аннѣ, матери малолѣтняго императора Ивана

мнѣнія. Но М. былъ ему нужный человѣкъ. М. нѣмецкая партія обязана была многимъ: онъ учредилъ кадетскій корпусъ, а офицеровъ и унтеръ-офицеровъ для обученія въ немъ выписалъ изъ Пруссіи, нѣмецкій элементъ, благодаря такимъ же выпискамъ, правилъ въ арміи, Измайловскій гвардейскій полкъ былъ учрежденъ, съ исключительною цѣлью наполнить его офицерами нѣмцами и сдѣлать изъ него, такимъ образомъ, противовѣсъ Преображенскому и Семеновскому полкамъ по своему русскому составу естественно недоброжелательствовавшимъ временьщикамъ нѣмецкимъ". Rondeau „Letters of a lady who resided some years in Russia", London. 1775 г. Андреевъ „Представители власти въ Россіи послѣ Петра I", стр. 89.

[1]) Онъ былъ женатъ на Ф. Мальцанѣ, въ 1-мъ бракѣ Салтыковой бывшей главной воспитательницы Елисаветы Петровны. Въ донесеніи 13 мая 1732 г. Ле-Фортъ доносилъ Саксонскому королю, что графиню Минихъ „считаетъ за женщину корыстолюбивую и, какъ утверждаютъ, она ничѣмъ болѣе не занимается, какъ хапаньемъ и поборами". „Сборн. Рус. Истор. Общ". т. V, стр. 454.

[2]) „Въ этомъ походѣ Россія потеряла 100.000 людей. Въ преждевременности для заключенія мира играла роль, вѣроятно, не одна зависть Бирона, но и опасенія тогдашняго русскаго правительства „къ скрытымъ кознямъ старой русской партіи" (статья проф. Германа въ „Сборн. Рус. Ист. Общ.", т. V, стр. 403).

М. и съ ея согласія свергнулъ Бирона. Анна регентша и М. первый министръ, но отецъ императора—герцогъ Брауншвейгскій—не могъ вынести своей подчиненности, Головкинъ и Остерманъ оттягали отъ него внутреннія и внѣшнія дѣла, вскорѣ за М. остался только титулъ перваго министра и военный департаментъ и М. подалъ въ отставку къ радости вѣнскаго и сожалѣнію прусскаго двора. „Ни одинъ голосъ не высказался благопріятно о падшей величинѣ". Въ ночь 6 декабря 1741 г. совершилось паденіе иностранцевъ въ Россіи. М. былъ арестованъ, судомъ приговоренъ къ четвертованію, но помилованъ и сосланъ въ Пелымь. Въ Казани онъ встрѣтился съ ѣхавшимъ изъ Пелыми Бирономъ. Черезъ 20 лѣтъ онъ былъ вызванъ Петромъ III, возстановленъ въ правахъ фельдмаршала и назначенъ генералъ-губернаторомъ Сибири. Петру III былъ онъ вѣренъ до послѣдней крайности, но послѣ его отреченія, предался Екатеринѣ и обѣщалъ ей такую же вѣрность какъ Петру. Екатерина цѣнила его и часто съ нимъ совѣтывалась; онъ представилъ ей свой любимый планъ изгнанія турокъ изъ Европы, каковой планъ былъ любимымъ дѣтищемъ всѣхъ русскихъ правительствъ. Екатерина II про него однажды сказала: „онъ не былъ сыномъ, но отцомъ русскаго государства". Его сынъ гр. *Христофоръ-Христофоръ* былъ совершенное ничтожество, съ отцемъ въ 1741 г. онъ сосланъ не былъ и дослужился до высокихъ чиновъ. Другой сынъ фельдмаршала былъ генералъ-маіоромъ [1]).

Остенъ-Сакены переселились въ Курляндію въ 1479 г. *Карлъ Магнусъ* О.-С., подъ наблюденіемъ Панина, руководилъ воспитаніемъ великаго князя Павла Петровича, который его при своемъ воцареніи возвелъ въ графское достоинство. Онъ былъ бездѣтенъ и титулъ его былъ переданъ его племяннику — дѣйствительному камергеру Іоганну-Густаву, два сына послѣдняго были генералъ-маіоры, причемъ, одинъ былъ губернаторомъ въ Харьковѣ.

Къ другой вѣтви—Дондагенъ—возведенной въ графское, а потомъ княжеское (1786 г.) прусскаго королевства достоинство, принадлежалъ баронъ *Дмитрій-Генрихъ Іерофеевичъ* О.-С., участникъ отечественной войны. Въ персидскомъ походѣ 1828 г. онъ начальникъ штаба Паскевича, затѣмъ участвовалъ и въ польской войнѣ, а во время Крымской войны былъ главнокомандующимъ Бессарабіи и Херсона и отразилъ нападеніе англо-французовъ отъ

[1]) Одинъ изъ его сыновей—гр. Фридрихъ-Францъ М. въ началѣ XIX в. былъ ольденбургскимъ оберъ-камергеромъ.

Одессы. Въ 1855 г. онъ былъ возведенъ въ графское достоинство. Одинъ изъ его сыновей былъ русскимъ посланникомъ въ Дармштадтѣ (1870 г.).

Изъ другой линіи — Раттофъ — происходилъ Антонъ-Эрнстъ, вступившій въ саксонскую службу, а братъ его „служилъ Россіи", къ его потомкамъ принадлежитъ наиболѣе выдающійся представитель всего рода — *Фабіанъ-Вильгельмъ*, онъ участвовалъ въ турецкой и польской войнахъ. Въ 1800 г., командуя дивизіей подъ Цюрихомъ, былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, но былъ возвращенъ Наполеономъ, „который этимъ путемъ спекулировалъ на благодарность Павла". Вслѣдствіе ссоры съ поставленнымъ надъ нимъ кн. Голицынымъ, О.-С. вынужденъ былъ покинуть службу, но въ 1806 г. былъ опять въ нее принятъ и какъ левъ дрался подъ Пултускомъ и Прейсишъ Эйлау. Беннигсенъ не могъ ему простить, что онъ былъ другомъ генерала Кнорринга, пожаловался, что онъ не исполнилъ его приказаній въ битвѣ при Пасаргѣ, добился его отозванія и возбужденія слѣдствія, которое тянулось много лѣтъ. Въ 1812 г. О.-С. поражаетъ саксонцевъ при Руднѣ и Ласценикѣ, затѣмъ беретъ Ченстоховъ, Гахлисъ, Пфаффендорфъ. 20-го января 1814 г. Туль сдается ему по капитуляціи. Онъ не мало содѣйствовалъ побѣдѣ при Кацбахѣ. Подъ Бріенномъ оттѣсненъ и почти попадаетъ въ плѣнъ, но вмѣстѣ съ Блюхеромъ выходитъ побѣдителемъ Наполеона, въ свою очередь разбившаго ихъ при Монмирайлѣ. Затѣмъ онъ сражается при Краонѣ и Лаонѣ, но битвы эти не имѣютъ опредѣленнаго исхода. При вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ О.-С. назначенъ его губернаторомъ и какъ таковой спасаетъ наполеоновскую колонну отъ злобы эмигрантовъ, которые хотѣли ее низвергнуть—„это геростратское дѣяніе было осуществлено коммуной 1871 года" [1]). Въ 1821 году О.-С. возводится въ графское достоинство. Въ ноябрѣ 1825 г. черезъ генерала барона Толя освѣдомилъ онъ цесаревича Константина о большомъ заговорѣ и принялъ самыя энергичныя мѣры для его подавленія. Во время польскаго мятежа 1831 г. были ему подчинены юго-западныя губерніи, въ которыхъ онъ скоро водворилъ спокойствіе, за что и возведенъ въ княжеское достоинство. Умеръ онъ бездѣтнымъ въ 1837 г.

Изъ бароновъ О.-С. извѣстенъ капитанъ-лейтенантъ *Рей-*

[1]) Психологія Клейншмидта иная чѣмъ современныхъ носителей нѣмецкой культуры.

гольдъ — въ 1788 г. у Очакова, атакованный турецкою эскадрою, онъ не нашелъ другого славнаго выхода какъ взорваться съ своимъ кораблемъ.

Остерманы. У лютеранскаго пастора Остермана въ Бокумѣ, въ Вестфалiи, было 2 сына: Іоганнъ-Христоферъ-Дидрихъ и Генрихъ-Іоганнъ-Фридрихъ.

Старшій изъ нихъ Іоганнъ-Христоферъ-Дидрихъ рано пріѣхалъ въ Россію и былъ учителемъ дочерей царя Іоанна V, позже онъ былъ мекленбургскій посланникъ при петербургскомъ дворѣ, но безъ содержанія, такъ что императрица Анна платила своему бывшему учителю 300 руб. въ мѣсяцъ [1]). Онъ жилъ въ полномъ согласіи съ своимъ знаменитымъ братомъ, но совершенно оставленный безъ вниманія. Елисавета приказала ему выѣхать изъ Петербурга и онъ удалился въ Германію.

Генрихъ-Іоганнъ-Фридрихъ (*Иванъ Андреевичъ*), учился въ Іеннѣ, вслѣдствіе несчастной дуэли бѣжалъ въ Амстердамъ и просилъ адмирала русской службы—голландца Крюйса—дать ему занятіе, тотъ его взялъ себѣ въ секретари и рекомендовалъ Петру Великому. Въ 1711 г. сопутствовалъ онъ Шафирову при поѣздкѣ послѣдняго къ Великому Визирю, гдѣ выказались дипломатическія способности О. Въ 1718 г. провелъ онъ съ фельдцейхмейстеромъ Брюсомъ мирные переговоры со Шведами, они закончились въ 1721 г. Ништадтскимъ миромъ, по которому за 2 милліона талеровъ Россіи переходила Лифляндія, Эстляндія, Ингерманландія, Выборгская земля и часть Карелiи. Признавая заслуги О., Петръ Великій пожаловалъ ему чинъ тайнаго совѣтника и баронское достоинство. Черезъ свой бракъ съ Маріей Стрешневой породнился онъ съ первыми родами Имперіи. Въ 1725 г. О. вице-канцлеръ, въ 1726 г. членъ верховнаго тайнаго совѣта и главный воспитатель Петра Алексѣевича, онъ пользовался его полной любовью и отечески заботился о его воспитаніи. На своемъ смертномъ одрѣ Екатерина I назначила О. въ образованный ею при

---

[1]) Это не совсѣмъ вѣрно: мекленбургскій посланникъ Остерманъ получалъ жалованье, но отъ русскаго правительства, причемъ 25 марта 1727 г. повелѣно прибавить ему 5 руб. въ день, а Анна Іоанновна повелѣла ему выдавать 300 руб. въ мѣсяцъ. У него былъ домъ на Васильевскомъ Островѣ.—Хотя и представитель нѣмецкаго князька, но какъ и всѣ его соотечественники умѣлъ пользоваться русскими подачками (смотрѣть С. Любимовъ. Опытъ историческихъ родословій, стр. 93).

Петрѣ II правительственный совѣтъ. — Необходимый Меньшикову, О. велъ труднѣйшія дѣла и управлялъ событіями, никогда не выдвигая чрезмѣрнаго честолюбія, почему и держался наверху. И только когда ему стала грозить опасность отъ Меньшикова, соединился онъ съ Долгорукими. Онъ былъ единственнымъ государственнымъ человѣкомъ при Петрѣ II, онъ хотѣлъ государство объединить и народу помочь идти къ культурѣ. Реформаціонныя стремленія О. всегда тормозились Долгорукими. Послѣ смерти Петра II, когда О. укрѣпилъ себѣ поддержку въ Голицыныхъ противъ ненавистныхъ ему Долгорукихъ, онъ сказался больнымъ, чтобы избѣжать участія въ борьбѣ при выборѣ государя, такъ какъ это могло бы его погубить. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ и Анны Іоанновны, съ умѣлъ подойти къ Бирону и установить съ нимъ хорошія отношенія. Въ 1730 г. онъ возведенъ въ графское достоинство и ему пожаловано въ Лифляндіи имѣніе въ 100.000 руб. Какъ кабинетъ-министръ и вице-канцлеръ О. управлялъ иностранными дѣлами „съ острымъ умомъ и большимъ знаніемъ людей, съ вѣрнымъ взглядомъ большого дипломата и рѣдкимъ знаніемъ европейскихъ государствъ и дворовъ". „О. настоялъ на перенесеніи резиденціи изъ Москвы въ Петербургъ потому что, какъ и Минихъ, старался онъ старо-русскую партію удалить отъ трона, и желалъ поэтому провести въ наслѣдники престола мекленбурскихъ родственниковъ Анны, а не Елисавету". При Аннѣ отъ него зависѣли и внутреннія и внѣшнія дѣла и, чтобы никого не посвятить въ нихъ, доработался онъ почти до смерти, причемъ держался въ удаленіи отъ двора, но его рабочій кабинетъ былъ центромъ Россіи. Въ 1740 г. Волынскій желалъ его низвергнуть, но поплатился за это головою. Несмотря на свою нелюбовь къ Бирону, О. подалъ свой гососъ за назначеніе его регентомъ. Правительница Анна Леопольдовна назначила его генералъ-адмираломъ, оставивъ ему веденіе иностранныхъ дѣлъ. О. былъ убѣжденный почитатель Пруссаковъ и при дворѣ выступалъ противъ австрійской партіи и противъ отца Іоанна IV, къ ней прикосновеннаго, и противъ государственнаго канцлера Головкина. Когда О. собирался возвести на тронъ правительницу Анну, его врагъ Елисавета вступила на таковой. „Презрѣнная и продажная Комиссія [1]) должна была о немъ, Минихѣ, Головкинѣ и другихъ

[1]) Въ этой судной комиссіи предсѣдателемъ былъ генералъ-прокуроръ кн. Н. Ю. Трубецкой, членами были генер. Ушаковъ, генер. Левашевъ, оберъ-шталмейстеръ кн. Куракинъ, д. т. сов. На-

постановить приговоръ, и была достаточна безстыдна—этого генія, находящагося на русской службѣ, какъ признаннаго государственнаго измѣнника приговорить къ колесованію", но на эшафотѣ О. былъ помилованъ и въ 1742 г. сосланъ въ Березовъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1747 г. Его очень незначительное состояніе было конфисковано [1]) и послѣ его смерти возвращено его женѣ [2]). Объ О. Петръ I сказалъ: „что онъ ни одной ошибки въ политикѣ не совершилъ". Не лишнее здѣсь отмѣтить, что протестантскія церкви Петербурга „княжески обезпечены еще Минихомъ и Остерманомъ" („Aus der Petersburger Gesellschaft", стр. 16)—на этомъ пунктѣ непримиримые враги очевидно сходились.

Его старшій сынъ — гр. *Ѳедоръ Андреевичъ* не проявилъ особенныхъ талантовъ, былъ честенъ и не унаслѣдовалъ лукавства отца, дослужился онъ до чина дѣйств. тайнаго совѣтника. Второй сынъ великаго О. гл. *Иванъ Андреевичъ* былъ очень ограниченнымъ дипломатомъ. Онъ занималъ постъ русскаго посланника въ

рышкинъ. Продажной эта комиссія отнюдь не была, а презрѣнной она можетъ быть сочтена только съ нѣмецкой точки зрѣнія, такъ какъ своимъ рѣшеніемъ комиссія осудила попытку продолжить нѣмецкое вліяніе.

[1]) Значительность состоянія — понятіе относительное. Состояніе гр. Андрея Ивановича заключалось въ пожалованныхъ ему: въ 1723 г. въ Рязанскомъ у. селѣ Красный Уголъ (855 душъ), въ 1726 г. земля на берегу Малой Невы, 1727 г. деревня изъ отписанныхъ у Петра Толстого, 1730 г.—60 гакеновъ изъ дворцовыхъ лифляндскихъ земель. Кромѣ того у него были имущества благопріобрѣтенныя. Какъ вице-канцлеръ онъ получалъ 6000 р. жалованья, въ 1739 г. оно было увеличено на 5.000 р. Всѣ его доходы превышали 20.000 р., т. е. на нынѣшнія деньги состояніе его было милліонное. — По словамъ самого О. „всѣ арендныя и доходныя деньги переваживалъ онъ въ другія государства чрезъ купцовъ Шифнера и Вульфа на векселя, смотря въ томъ прибыли по курсамъ; изъ вышеписанныхъ денегъ въ Голландіи подъ дирекціей купцовъ Пельцовъ – 10.000 фунтовъ стерлинговъ, за которые получалъ по 3% и сверхъ того имъ переведены въ Голландію черезъ тѣхъ же купцовъ 100.000 слишкомъ гульденовъ голландскихъ". — У—Пекарскаго „Штерди въ Россіи"— перечислены подарки, полученные О. отъ русскаго и иностранныхъ правительствъ. (С. Любимовъ. „Опытъ историческихъ родословій".) Входитъ ли въ перечень Любимова имѣніе въ 100.000 р., пожалованное О. въ Лифляндіи — мы не знаемъ.

[2]) Клейнмидтъ напрасно не упоминаетъ, что жена его гр. Марѳа Ивановна добровольно послѣдовала за мужемъ въ ссылку и оставалась съ нимъ тамъ до его смерти.

Стокгольмѣ и Екатерина II была имъ довольна, потому что его донесенія были превосходны, только потомъ узнали, что ихъ составлялъ глава русской партіи въ Швеціи государственный секретарь Каллингъ. Послѣ Панина былъ онъ вице-канцлеромъ и управлялъ иностранными дѣлами, но только по имени, не уясняя себѣ даже, по большой ограниченности и лѣни, что Безбородко, Потемкинъ, Воронцовъ, Марковъ и потомъ Зубовъ, своими предложеніями добивались того чего хотѣли. Несмотря на свою задолженность [1]), давалъ онъ большіе празднества. „Негодный старецъ“ былъ удаленъ только при Павлѣ.

Палены шведскаго происхожденія и въ остзейскихъ губерніяхъ осѣли въ 1679 г. — *Петръ-Людвигъ* (по русски Петръ Алексѣевичъ) П. участвовалъ въ турецкой войнѣ и храбро дрался подъ Очаковымъ. „У него подъ видомъ прямодушія были скрыты дерзкая необузданность, вѣроломство, лукавство и испорченные нравы“. Въ 1790 г. онъ дѣятельно участвовалъ въ мирныхъ переговорахъ со Шведами, послѣ мира былъ назначенъ русскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, потомъ вице-губернаторомъ въ Лифляндіи и губернаторомъ въ Курляндіи. Павелъ его уволилъ, но вскорѣ опять призвалъ и осыпалъ „остроумнаго интригана безъ вѣрности и вѣры“ отличіями. Вскорѣ П. достигъ большого вліянія на дѣла и полное довѣріе императора. Въ 1799 г. онъ русскій графъ, генералъ-инспекторъ кавалеріи, генералъ-губернаторъ Петербурга и министръ полиціи, а въ 1800 г., кромѣ того, президентъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, почтъ-директоръ и генералъ-губернаторъ Ингерманландіи.

„П. соединялъ въ своихъ рукахъ рѣдкую полноту власти и былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ императоромъ, но своенравіе послѣдняго ежечасно подвергало опасности его положеніе, почему онъ охотно далъ Панину возможность привлечь его къ заговору въ то время какъ Панинъ подъ его глазами безъ него его провести не могъ бы. Въ дальнѣйшемъ П. превзошелъ всѣхъ участниковъ заговора въ дерзости и энергіи [2]); вскорѣ онъ оттѣснилъ Панина, всѣмъ руководилъ и обратилъ всѣхъ въ простыя орудія. Чрезъ фаворита Кутайсова выхлопоталъ онъ также возвращеніе

[1]) Послѣ смерти отца ему съ братомъ были возвращены имѣнія его отца съ 937 душами, ему было пожаловано 13149 душъ и онъ купилъ 5.866 душъ, всего онъ владѣлъ 20.000 душами.

[2]) Графиня В. Н. Головина въ своихъ запискахъ говоритъ: „Съ искусствомъ предателя Паленъ подготовилъ свое дѣло“... (стр. 161).

семьи Зубовыхъ, чтобы свой заговоръ усилить; вскорѣ были всѣ вліятельныя лица при дворѣ и въ гвардіи склонны къ перевороту и вмѣстѣ съ П. осуждали безумную внутреннюю и внѣшнюю политику Павла I, ведущую Россію къ гибели". „Въ 1801 г. Павелъ призвалъ обратно Аракчеева, П., не безъ основанія, чуялъ въ немъ своего преемника, задержалъ посланца къ Аракчееву и рѣшилъ ударъ. Чрезъ преувеличенные слухи и злонамѣренныя раздраженія ввелъ онъ императорскую фамилію въ заблужденіе о Павлѣ, склонилъ цесаревича къ плану отреченія его отца, но поручился въ его жизни. За блестящею трапезою собралъ онъ заговорщиковъ около себя и приступилъ съ ними къ дѣлу. Съ Уваровымъ ожидалъ онъ во главѣ войскъ въ Лѣтнемъ саду, въ то время какъ во дворцѣ его благодѣтеля умерщвляли; удастся заговоръ—то онъ первый поздравитъ великаго князя какъ императора, не удастся—то онъ бросился бы къ спасителямъ Павла и арестовалъ бы своихъ сообщниковъ. Только что убійство было совершено, П., никого не впуская въ спальню императора, пошелъ къ Александру, который отъ горя почти исходилъ, и съ адскимъ хладнокровіемъ увѣдомилъ его объ отреченіи Павла, не трогаясь самыми горькими укоризнами". Сейчасъ же послѣ цареубійства П. образовалъ тріумвиратъ изъ себя, Платона Зубова и Беннигсена, чтобы господствовать черезъ Александра, „убѣжденный, что его умъ превзойдетъ умъ его коллегъ". Но въ тріумвиратѣ вышло разногласіе въ вопросахъ внѣшней политики и П. былъ уволенъ. Умеръ онъ въ 1826 г.

Его старшій сынъ—гр. *Павелъ Петровичъ* участвовалъ въ отечественной и польской войнахъ и умеръ генераломъ.

Второй сынъ заговорщика — гр. *Петръ Петровичъ* — „одинъ изъ самыхъ выдающихся полководцевъ современной Россіи", благодаря тому, что его отецъ былъ любимцемъ Павла, 23 лѣтъ уже командовалъ полкомъ. Онъ отличился въ походахъ 1806 и 1812—14 годовъ и въ 1829 г. командовалъ оккупаціонною арміей въ Дунайскихъ княжествахъ. Затѣмъ, командуя 2 корпусомъ, существенно содѣйствовалъ побѣдѣ при Кулевчѣ и преслѣдовалъ бѣгущаго непріятеля. Участвовалъ въ Польской войнѣ, гдѣ одержалъ рядъ побѣдъ, и начальствуя лѣвымъ крыломъ русскихъ войскъ, взялъ приступомъ варшавское предмѣстье „Волю", чѣмъ содѣйствовалъ паденью Варшавы. Въ 1835 г. П. былъ назначенъ русскимъ посломъ въ Парижъ, но не смогъ улучшить отношенія своего двора съ парижскимъ. Въ 1847 г. назначенъ генералъ-

инспекторомъ кавалеріи и до своей смерти, послѣдовавшей въ 1862 г., принималъ дѣятельное участіе въ работахъ государственнаго совѣта.

Его братъ гр. *Ѳедоръ Петровичъ* былъ въ 1812 г. русскимъ посломъ въ Вашингтонѣ, потомъ въ Ріо-де-Жанейро и съ 1815 г. въ Мюнхенѣ. Въ 1826 г. онъ генералъ-губернаторъ Новороссіи, а въ 1828 г. предсѣдатель временнаго правительства занятыхъ русскими дунайскихъ княжествъ и предсѣдатель диванова Молдавіи и Валахіи. Въ 1829 г. П. вмѣстѣ съ Орловымъ заключилъ Адріанопольскій миръ.

Гр. Константинъ П., покровительствуемый великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, достигъ поста министра юстиціи.

Убійца Павла имѣлъ *брата Ганса фонъ деръ Палена*—сенатора, его сынъ *баронъ Карлъ-Магнусъ* (по-русски Матвѣй Ивановичъ) П. началъ службу военнымъ и въ 1830 г. былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ остзейскихъ провинцій. Руссификація ихъ шла столь медленно, что онъ въ 1845 г. былъ замѣненъ коренным русакомъ (Stockrusse), а самъ назначенъ въ государственный совѣтъ.

Рюдигеръ, *Ѳедоръ Васильевичъ* происходилъ изъ хорошаго курляндскаго рода. Участвовалъ въ походахъ 1806 г., 1808—9 гг. и отечественной войнѣ и особенно отличился въ битвѣ подъ Полоцкомъ. Послѣ этого длинные годы мира использовалъ онъ для теоретическаго изученія военнаго искусства. Въ 1828 и 1829 гг. съ успѣхомъ сражался противъ турокъ и отличился при Сливно, но еще блестящѣе его участіе въ Польской войнѣ — „онъ одинъ изъ всѣхъ генераловъ не сдѣлалъ ни одной ошибки“. Въ 1847 г. онъ возведенъ въ графское достоинство. Въ 1849 г. онъ участвуетъ въ Венгерской кампаніи и подъ Вилагосомъ плѣнилъ Гёргея съ 30.000 венгровъ. Въ 1854 г. онъ командовалъ войсками на западной границѣ и умеръ бездѣтнымъ въ 1856 г.

Сиверсы ничего не имѣютъ общаго со стариннымъ голштинскимъ родомъ Сиверсовъ и относятся къ выскочкамъ (Emporkömmling). *Карлъ С.* сынъ слуги Бирона сдѣлался въ 1710 г. камердинеромъ великой княжны Елисаветы, „которая впрочемъ дорожила его красотою, черезъ Елисавету пріобрѣлъ онъ послѣ ея вступленія на престолъ почетъ“. Въ 1743 г. С. камеръ-юнкеръ великаго князя Петра Ѳедоровича. Умственно, совершенно незначительный, но у Елисаветы очень вліятельный, въ 1751 г. С. пожалованъ въ камергеры и эстляндское дворянство вписываетъ его въ

свои книги, а въ слѣдующемъ году его съ родственниками заноситъ въ свои книги и лифляндское дворянство. Неоднократно ему жаловались помѣстья въ Эстляндіи и Лифляндіи. Въ 1754 г. былъ онъ русскимъ чрезвычайнымъ посломъ въ Вѣнѣ. Въ 1760 г. онъ возводится въ графское прусскаго королевства достоинство. При смерти Елисаветы онъ гофмаршалъ, при Петрѣ III въ немилости, Екатерина II жалуетъ его оберъ-гофмаршаломъ. Сыновья его были расточительны и умерли въ нищетѣ.

У Карла С. былъ братъ *Іоахимъ-Іоганнъ*, управлявшій имѣніями нѣкоего Тизенгаузена, онъ женился на своей двоюродной сестрѣ Аннѣ-Магдалинѣ С., самъ пріобрѣлъ хорошія имѣнія, а черезъ своего могущественнаго брата получилъ званіе голштинскаго коллежскаго секретаря. Старшій его сынъ *Яковъ Ефимовичъ* (Яковъ-Іоганнъ) началъ службу въ дипломатическомъ вѣдомствѣ, затѣмъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ и дослужился до чина генералъ-маіора. Въ 1764 г. С. былъ назначенъ губернаторомъ въ Новгородъ, гдѣ развилъ необычайную дѣятельность, выказывая большія административныя способности. Другъ Григорія Орлова и семьи Чернышевыхъ С. имѣлъ большое вліяніе у Екатерины II, онъ убѣждалъ ее составить новое уложеніе, склонилъ ее отмѣнить пытку и помогалъ въ выработкѣ новаго намѣстническаго управленія. Въ 1773 г. ему было ввѣрено управленіе водяными сообщеніями. Въ 1775 г. ему было пожаловано 20.000 р., орденъ Александра Невскаго и онъ былъ назначенъ Новгородскимъ и Тверскимъ генералъ-губернаторомъ. Долго были безплодны интриги и сплетни, чтобы умалить довѣріе императрицы къ С., но все же они достигли того, что Екатерина II лишила его своего довѣрія и благорасположенія и въ 1781 г. онъ ушелъ въ отставку, чему только одинъ Потемкинъ радовался. Въ 1792 г. былъ онъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Варшаву; и въ томъ же году добился онъ, опираясь на вооруженную силу, отъ Гродненскаго сейма отказа въ пользу Россіи—Волыни, Подоліи и Минска, но по интригамъ Зубова и Маркова былъ отозванъ, причемъ ему была назначена пенсія въ 4.000 р. и пожаловано 2808 душъ въ Минской губерніи. Павелъ назначилъ его сенаторомъ и директоромъ Воспитательнаго Дома, прибавивъ къ пенсіи 12.000 р. жалованья. Въ 1797 г. С. былъ назначенъ генералъ-директоромъ всѣхъ водныхъ сообщеній въ Имперіи. Въ 1798 г. съ своими братьями *Петромъ* и *Карломъ* былъ онъ возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство. Въ 1800 г., совершенно неожи-

данно, лишился онъ милостей Павла и подалъ въ отставку. Умеръ онъ въ 1808 г.

С. былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся администраторовъ Россіи, обладалъ неизсякаемымъ прилежаніемъ и обладалъ большими творческими способностями. Между прочимъ, С. былъ очень дѣятеленъ въ вопросѣ основанія университета въ Дерптѣ.

Толь. *Карлъ-Фридрихъ* Т. принадлежалъ къ старому дворянскому роду Лифляндіи. Въ 1812 г. онъ былъ генералъ-квартирмейстеромъ Кутузова и Барклая-де-Толи. За бой подъ Лейпцигомъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1815 г. Т. генералъ-квартирмейстеръ императорскаго генеральнаго штаба. Въ 1829 г. начальникъ штаба Дибича, который ему обязанъ побѣдою при Кулевчѣ, за каковую побѣду Т. былъ возведенъ въ графское достоинство. Въ Польскую войну онъ начальникъ штаба сперва Дибича, потомъ Паскевича и, когда послѣдній былъ раненъ, принялъ на себя высшее руководство штурмомъ Варшавы. На этомъ закончилась его военная карьера, онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а въ 1833 г. ему было поручено главное начальство управленіемъ водяныхъ и шоссейныхъ сообщеній и государственныхъ построекъ, въ каковой области онъ проявилъ большую дѣятельность.—Умеръ онъ въ 1842 г.[1]) Въ 1870 г. одинъ Т. былъ русскимъ посломъ въ Веймарѣ.

Вотъ что о болѣе выдающихся прибалтійскихъ баронахъ говоритъ нѣмецкій историкъ.

Къ какимъ же мы выводамъ можемъ придти? Чью память можемъ вспомнить съ истинной признательностью? Немногихъ, отвѣтимъ мы: полководцевъ Барклая, Буксгевдена, Дибича, Фермора, Остенъ-Сакена и Толя, дипломата Брунова, администратора Сиверса и педагога Корфа.

О Биронѣ не можетъ быть двухъ мнѣній. Дѣятельность Бенкендорфа оставила по себѣ недобрую память, нравственный обликъ

---

[1]) В. К. Николай Михалойвичъ даетъ такую характеристику Толю: „Гр. Т., отличаясь блестящими и разносторонними способностями, былъ человѣкъ широко развитой, образованный, даже ученый, съ характеромъ твердымъ и благороднымъ. Будучи горячъ и лично храбръ, онъ умѣлъ себя сдерживать и въ бою былъ „холоденъ, какъ ледъ“. Безкорыстный и высоко скромный, онъ пользовался большимъ и всеобщимъ уваженіемъ“. „Генер.-Адъютанты И. Александра I“, стр. 177.

Палена и Беннигсена затемняютъ ихъ военныя заслуги. Только нѣкоторыя дѣла Миниха и Остермана заслуживаютъ благодарной памяти, другія же осуждены судомъ исторіи. Объ Адлербергахъ, Ламбздорфамъ и Эссенахъ вспоминать нечего, остальные являются рядовыми дѣятелями, правда, достигшіе значительныхъ степеней на служебномъ поприщѣ, но не занявшихъ мѣста въ русской исторіи. Нѣкоторые изъ нихъ (Беннигсенъ, Бирономъ, Дибичъ, Корфъ, Минихъ, Остенъ-Сакенъ, Сиверсъ) мѣняли свое отечество, придерживаясь правила ubi bene ibi patria. Многіе изъ нихъ принимали участіе въ дворцовыхъ переворотахъ. Иногда они любятъ русскаго государя, но никогда не любятъ русскаго народа.

Вотъ къ какимъ выводамъ можно придти, смотря на прибалтійскихъ бароновъ въ исторической перспективѣ.

Событія послѣднихъ дней еще болѣе подчеркиваютъ ихъ отрицательныя свойства, но о конкретныхъ фактахъ и ихъ идеологіи— въ слѣдующихъ главахъ.

4. Прибалтійскіе бароны въ настоящемъ.

«Они до тѣхъ поръ вѣрны покуда имъ выгодно».
Ю. Крижаничъ. Полное собр. соч. разд. 58, стр. 270.

Въ изданной въ 1881 въ г. Лейпцигѣ книгѣ „Aus der Petersburger Gesellschaft“ [1]) отмѣчается, что въ теченіи столѣтія руская столица была мѣстомъ для сборищъ искателей счастья и бѣглецевъ изъ родныхъ странъ, причемъ, обыкновенно уже во второмъ поколѣніи, эти пришельцы обрусѣвали, имѣя русскихъ матерей и принадлежа къ православной церкви; исключеніе составляли только уроженцы входящихъ въ составъ Россіи, прибалтійскихъ губерній.

— Обрусѣвать прибалтійскимъ нѣмцамъ не было никакого основанія — въ Петербургъ они ходили только въ отхожій промыселъ, а получивъ то что имъ было нужно — положеніе, пенсію или власть, возвращались домой, гдѣ всѣми доступными имъ способами добивались сохраненія своего привеллигированнаго положенія и всей той совокупности правъ, порядковъ и особенностей, которые создавали въ двухъ шагахъ отъ россійской столицы уголокъ Германіи съ

[1]) 3 изданіе. Стр. 9—10.

феодальнымъ строемъ и господствомъ горсти нѣмцевъ надъ $2^1/_2$ милліоннымъ кореннымъ населеніемъ.

— На пріемы, употребляемые прибалтійскими баронами для сохраненія въ неприкосновенномъ видѣ подстоличнаго Deutschtum'а указывалъ еще Самаринъ. — Это старыя испытанныя средства, освѣщенныя вѣками — до „клеветы и политическаго доноса" включительно[1]). Мы здѣсь не будемъ излагать хода неравной борьбы, приведемъ только для иллюстраціи этой борьбы характерный эпизодъ — недавнюю попытку игнорировать государственный языкъ. Это было послѣ ревизіи сенатора Манасеина, обнаружившей массу вопіющаго въ прибалтійскихъ губерніяхъ; Эстляндскимъ губернаторомъ былъ кн. С. В. Шаховской, по нѣмецки не говорившій, почему онъ подписывалъ не нѣмецкія бумаги, которыми тогда сносились съ мѣстными учрежденіями, а ихъ русскій переводъ. И вотъ, 30 іюля 1885 г. за № 180 Гальяльскій приходской судья писалъ по нѣмецки губернатору: „такъ какъ въ послѣдовавшихъ ко мнѣ предложеніяхъ, Ваше Сіятельство, кромѣ обычнаго нѣмецкаго изложенія предложенія, прилагалось къ нему въ послѣднее время еще изложеніе на русскомъ языкѣ, то имѣю честь донести, для предупрежденія всякихъ могущихъ быть недоразумѣній, что для меня только единственно имѣетъ значеніе подписанное Вашимъ Сіятельствомъ предложеніе на нѣмецкомъ языкѣ". А гальяльскимъ приходскимъ судьею былъ А. Врангель, недавно вышедшій въ отставку изъ морской службы съ чиномъ капитана, слѣдовательно, никакихъ недоразумѣній отъ полученія при нѣмецкомъ текстѣ русскаго перевода быть не могло, но для г. Врангелья „единственно имѣлъ значеніе" только подписанный нѣмецкій текстъ.[2])

— Нѣсколько дней спустя разыгрался еще болѣе характерный эпизодъ: на первомъ засѣданіи крестьянской комиссіи, въ которой пренія велись согласно мѣстному закону на нѣмецкомъ языкѣ, предсѣдатель комиссіи кн. С. В. Шаховской, чтобы руководить преніями, просилъ секретаря бар. Энгельгардта, прекрасно владѣющаго русскимъ языкомъ, переводить на русскій языкъ все что излагалось членами по нѣмецки „но на эту законную мою просьбу, писалъ кн. Шаховской, г. баронъ отнесся съ негодованіемъ, и съ шумомъ отодвинувъ стулъ, воскликнулъ: je ne connais pas cette langue", тогда роль переводчика взялъ на себя членъ комиссіи, баронъ Врангель.[3])

[1]) „Окраины Россіи". т. I стр. 45.

[2]) „Изъ архива кн. С. В. Шаховскаго", т. I стр. 33, 34.

[3]) ib. стр. 36.

Но діапазонъ баронской наглости увеличивался и 16 авг. за № 432 губернскій предводитель дворянства гр. Тизенгаузенъ писалъ губернатору:

„Въ виду того, что канцелярія дворянства мнѣ сообщила, что 31 іюля 1885 г. за № 239 получено было будто бы отношеніе Вашего Сіятельства, адресованное на мое имя, каковое отношеніе, по причинѣ изложенія онаго въ противозаконной формѣ, не могло быть ни пріобщено къ дѣлу, ни доложено мнѣ, — имѣю честь сообщить Вашему Сіятельству, для избѣжанія недоразумѣній, что всѣ бумаги, которыя еще будутъ поступать въ означенной формѣ будутъ оставлены прямо безъ всякаго вниманія, равно и не будутъ онѣ записаны въ книгу входящихъ бумагъ и тѣмъ менѣе мнѣ доложены".

Такимъ образомъ, губернскій предводитель грозилъ прервать служебныя сношенія.

Во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній кн. С. В. Шаховской представилъ министру внутреннихъ дѣлъ всю „дипломатическую" переписку и 10 Сент. за № 17750 управляющій Министерствомъ, съ высочайшаго соизволенія, разъяснилъ гр. Тизенгаузенъ, что редакція его отношенія къ губернатору „не соотвѣтствуетъ ни значенію губернаторской власти, ни даже достоинству занимаемой имъ должности" и гр. Тизенгаузену рекомендовалось ко всѣмъ сообщеніямъ губернатора относиться съ должнымъ вниманіемъ, а 14 сентября высочайше были утверждены правила о производствѣ дѣлъ и веденія переписки на русскомъ языкѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, по этимъ правиламъ переписка во всѣхъ безъ изъятія учрежденіяхъ должна была происходить на русскомъ языкѣ, но допускалось приложеніе нѣмецкаго, латышскаго или эстонскаго перевода.[1])

Такимъ образомъ, благодаря баронской заносчивости, государственный языкъ получилъ право гражданственности и въ подстоличномъ Deutschtum'ѣ, а нѣмецкій языкъ былъ приравненъ къ прочимъ инородческимъ языкамъ народовъ имперіи.

— Нелишнее здѣсь отмѣтить, что болѣе благоразумные бароны полагали путемъ небольшихъ уступокъ надолго оттянуть грозившія имъ реформы политическія и экономическія, такъ напр. въ началѣ 80-хъ годовъ Эстляндскій губернскій предводитель дворянства, бар. Делингаузенъ предлагалъ ландтагу ввести въ мѣстное дѣлопроизводство русскій языкъ, такъ какъ это показало бы

[1]) ib. стр. 63–64.

правительству, что бароны сами идутъ навстрѣчу вызываемыхъ жизнью реформамъ и не было бы основанія отнимать у нихъ иниціативу въ дѣлѣ улучшенія жизни края, но ландтагъ не только отвергъ это предложеніе, но бар. Делингаузена забалотировалъ.

— О нежеланіи мѣстныхъ должностныхъ лицъ признать русскій языкъ обязательнымъ кн. С. В. Шаховской писалъ министру внутреннихъ[1]) дѣлъ „постоянныя, почти ежедневныя столкновенія мои съ различными мѣстными установленіями, по вопросу объ употребленіи Государственнаго языка въ оффиціальныхъ моихъ съ ними сношеніяхъ представляютъ собою явленіе крайне ненормальное и тормозитъ дѣятельность правительственной власти".

Свои же притязанія на употребленіе исключительно нѣмецкаго языка въ сношеніи съ ними, мѣстныя учрежденія основывали на циркулярѣ ген. губернатора Альбединскаго отъ 18 ноября 1869 г. за № 174 и 121 и 122 ст. Свода мѣстныхъ узаконеній — и дѣйствительно, въ изданіи 1845 г. это устанавливалось, но въ изданіи 1853 г. къ ст. 121 было сдѣлано примѣчаніе, представляющее главному мѣстному начальству, когда оно признаетъ это возможнымъ войти съ представленіемъ о назначеніи „положительнаго и опредѣлительнаго срока для веденія всего дѣлопроизводства на одномъ только русскомъ языкѣ".

Кромѣ того, 3 янв. 1850 г. и 1 іюля 1867 г. въ высочайше утвержденныхъ положеніяхъ комитета министровъ категорически предписывалось приступить къ безотлагательному, на самомъ дѣлѣ, введенію въ „коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ прибалтійскаго края дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ"[2]). Но тѣмъ не менѣе генер. адъютантъ Альбединскій, основываясь на неопубликованномъ высочайшемъ повелѣніи 4 ноября 1869 г., ввелъ въ присутственныхъ мѣстахъ прибалтійскихъ губерній вмѣсто русскаго нѣмецкій языкъ.

Во всемъ этомъ инцидентѣ ярко выступаютъ два обстоятельства: игнорированіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ неугодныхъ имъ законовъ и высочайшихъ повелѣній (объ этомъ упоминалъ уже Самаринъ;—полную аналогію мы видимъ въ законѣ о выкупѣ крестьянскихъ земель, который долженъ былъ быть законченъ къ 1 окт. 1868 г. но онъ и теперь не законченъ), а съ другой стороны умѣнье прибалтійскихъ барановъ выхлопатывать нужныя имъ высочайшія повелѣнія при благосклонномъ имъ въ этомъ содѣйствіи та-

[1]) Представленіе 6 іюля 1885 г. № 276. „Изъ Архива кн. С. В. Шаховскаго т. I стр. 31.

[2]) ib. 31 и 32 стр.

кихъ русскихъ, по имени, „Калыванскихъ мужей“, какъ генер. адъютанты Альбединскій и князь Суворовъ.

Это умѣнье, даже и теперь, во время войны съ германцами, достигаетъ цѣли, объ этомъ засвидѣтельствовалъ членъ государственной думы В. М. Пуришкевичъ въ своей публичной лекціи на тему: „Что хочетъ Вильгельмъ отъ Россіи“, прочитанной 30 ноября 1916 г. въ Петроградѣ. Пуришкевичъ говорилъ: „до сихъ поръ, какія то нити отъ бароновъ ведутъ въ Петроградъ; кто работаетъ тамъ—неизвѣстно, но всѣ нѣмецкія желанія моментально приводятся въ исполненіе. Очевидно, русская власть кланяется баронамъ. Поэтому, несмотря на войну, не исчезла дерзость лицъ, носящихъ нѣмецкія фамиліи; Генералъ фонъ Грюнвальдъ, конюшеннаго вѣдомства, демонстративно разговариваетъ на улицѣ и въ „Асторіи“ по нѣмецки“.[1])

Совершенно одного порядка этотъ нѣмецкій разговоръ русскаго генерала въ 1916 году и наглый выпадъ маленькаго чиновника, о которомъ кн. Шаховской писалъ министру въ 1885 году.

Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ отношеній прибалтійскихъ бароновъ—къ русской государственности за время войны.

Мы не будемъ касаться фактовъ, относящихся до прибалтійскихъ пасторовъ, бюргеровъ и литераторовъ — это черезъ чуръ расширило бы рамки нашего изслѣдованія, да и не вызывается необходимостью, такъ какъ во главѣ прибалтійской нѣмецкой интеллигенціи стоятъ тамошніе бароны.

Вотъ рядъ фактовъ, разнаго порядка, но одной причины, почерпнутыхъ изъ газетныхъ извѣстій и нѣсколькихъ книгъ, посвященныхъ въ послѣднее время нашимъ прибалтійскимъ губерніямъ.

— Въ день мобилизаціи Лифляндскій землевладѣлецъ, баронъ Майдель уложилъ разныя вещи и объявилъ въ имѣніи, что сейчасъ же уѣзжаетъ въ Германію („Рус. Инвалидъ“ № 196, 1914 г.)

— Курляндское дворянское кредитное общество, ссылаясъ на формальныя основанія, отказывало въ уплатѣ средствъ, щедро жертвуемыхъ волостями на нужды войны — это вынудило крестьянъ перевести свои капиталы изъ мѣстныхъ дворянскихъ кре-

---

[1]) „Вечерн. Извѣстія“ 2 дек. 1916, № 1149. „Асторія“—германская гостинница, насупротивъ германскаго посольства. Гостинница эта была изъята изъ германскаго управленія и отведена подъ квартиру офицеровъ, пріѣзжающихъ съ фронта.

дитныхъ обществъ въ Государственный Банкъ („Нов. Вр.“ 9 сент. 1914 года).

— При самомъ началѣ военныхъ дѣйствій между Германіей и Россіей, въ Курляндской губерніи крестьяне доставили въ городъ одного помѣщика, сваливавшаго со своимъ кучеромъ телеграфные столбы. Злоумышленники были отпущены, а крестьяне получили выговоръ. (Колоколъ 18 окт. 1914 г.).

— 4 сент. 1914 г. въ Венденскомъ уѣздѣ братья бароны Менгдены разбрасывали противоправительственныя прокламаціи; одинъ изъ нихъ—Гозвинъ Менгденъ—приказомъ коменданта морской крѣпости императора Петра Великаго 12 Окт. 1914 г. за № 569, преданъ военно-морскому суду. („Нов. Вр.“ 17 окт., 1914 г., „Рус. Слово“ 29 окт., статья Куприна).

— Осенью 1914 г. ревельскому коменданту пришлось отдать приказъ о воспрещеніи пребыванія въ крѣпостномъ районѣ двумъ баронамъ, сыновья которыхъ сражались противъ насъ въ рядахъ германской арміи. („Нов. Вр.“ окт. 1914 г. Я. Н—овъ).

— «Всѣ окрестные бароны съѣхались одинъ разъ въ одномъ имѣніи, другой—въ другомъ; что они тамъ дѣлаютъ намъ неизвѣстно, Изъ ихъ поведенія и разговоровъ можно заключить, что ихъ симпатіи на сторонѣ нѣмцевъ, и какъ же этому не быть: всѣ ихъ деньги лежатъ въ германскихъ банкахъ, а если Германія проиграетъ войну, такъ навѣрное и пропадутъ ихъ капиталы.» („Веч. Время“ осень 914 г. Изъ письма Латыша[1]).

— Предводитель дворянства одного изъ восточныхъ уѣздовъ Курляндской губ. говорилъ въ началѣ войны на почтѣ въ присутствіи свидѣтелей, что „нѣмцы придутъ сюда въ 3 дня“ и что „Русскіе навѣрно будутъ разбиты 8 авг., такъ какъ суевѣрны и испугаются затменія солнца“. („Нов. Вр.“ 20 окт. 1914 г., Ренниковъ).

— Газенпотскій уѣздный предводитель дворянства, баронъ Карлъ Мантейфель изъ Кацдангена, по приказу начальника Двинскаго военнаго округа, былъ высланъ въ Томскъ, за нимъ числился рядъ „заслугъ:“ онъ колонизовалъ германцами Курляндскую губ.,[2])

---

[1]) Тупинъ — „Прибалтійскій край и война“, стр. 53.

[2]) Желаніе колонизовать Курляндію германцами стремленіе не случайное, вотъ что по этому вопросу мы читаемъ въ „Русскомъ Словѣ“ отъ 10 мар. 1917 г., въ статьѣ „Германскій миръ“: „Германія выдвигаетъ лозунгъ война и съ аннексіями и съ контрибуціями“.... Нѣмецкіе экономисты указываютъ, что государственные долги Гер-

сигнализировалъ ракетами германскимъ аэропланамъ („Утро Россіи“ 12 окт. 1914 г.), передъ реквизиціей раздаривалъ свой молочный скотъ, чтобы онъ не попалъ въ армію („Рус. Инв.“ 2 ноября 1914 г. Тупинъ); также поступали: баронъ Клейстъ, баронъ Фиркъ („Утро Рос.“ 12 окт.). Тотъ же г. Маатейфель является авторомъ извѣстнаго нѣмецкаго гимна „Die Wacht im Ost“ („Нов. Вр.“ 23 авг. 1914 г.).

— Появленіе вражескихъ аэропляновъ въ имѣніяхъ Лестенъ-Фиркса, Альтъ-Шваненбургъ — гр. Цепелина и въ имѣніяхъ Пленекъ и Кауцемюнде — все въ Курляндской губ. — засвидѣтельственно многочисленными свидѣтелями и закрѣплено протоколами, но ни къ чему не привело[1]).

— Дороги въ Курляндіи передъ самой войной лихорадочно приводились въ порядокъ[2]).

— Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Курляндской губ.: Эллей — гр. Медема, Кауцмюнде — гр. Палена[3]) — въ имѣніяхъ Фитингофа, Ливена и др. передъ войной жили германскіе офицеры — нѣкоторые какъ знакомые, другіе какъ служащіе,—передъ объявленіемъ войны они всѣ исчезли[4]).

— Цѣлый рядъ помѣщиковъ прибалтійскихъ губерній были германскими подданными, вотъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ: баронъ Корфъ, братъ бывшаго Варшавскаго губернатора, попавшаго въ плѣнъ; этотъ германскій Корфъ былъ высланъ, какъ военнообязанный въ Нарымъ, а когда варшавскій Корфъ вернулся изъ Германіи, то германскому Корфу было дозволено выѣхать туда. Какъ германскій подданный, членъ либавскаго биржевого комитета бар. Тизенгаузенъ былъ высланъ въ Томскъ („Рус. Слово“ 4 апр. 1915 г.).

маніи при заключеніи аннексіоннаго мира равнялось бы всего 5 милліардамъ марокъ, тогда какъ при заключеніи мира „безъ аннексіи“ они достигаютъ 171 милліарда марокъ. Если Германія оставитъ за собою Литву и Курляндію, то это дастъ возможность поселить въ нихъ изъ густо-населенныхъ германскихъ провинцій часть населенія, *тѣмъ болѣе что Курляндское дворянство предоставляетъ Германіи для этой цѣли 360.000 гектаровъ земли.*

(*Позднѣйшее примѣчаніе*).

[1]) Тупинъ стр. 103. Извѣстный авіаторъ Цепелинъ былъ женатъ на Курляндской помѣщицѣ, баронессѣ Вольфъ.

[2]) ib. стр. 107.

[3]) Ренниковъ „Въ странѣ чудесъ“ стр. 96 и 97.

[4]) Тупинъ, стр. 105.

— Какъ германскіе подданные, или какъ люди, которымъ не довѣряли военныя власти, были высланы въ Сибирь: изъ Лифляндіи: — помѣщикъ фонъ Сиверсъ, помѣщикъ бар. Вольфъ, баронесса Вольфъ; изъ Эзельскаго уѣзда:—Аренсбургскій городской голова, фонъ Регекампфъ, помѣщикъ бар. Зассъ, бар. Штакельбергъ, фонъ деръ Белленъ, фонъ Шмидтъ, фонъ Толь, фонъ Экеспарре (сынъ члена госуд. совѣта), Аренсбургскій лѣсничій фонъ Варденбургъ („Свѣтъ“ 11 нояб. 1915 г.). Среди прибалтійскихъ барономъ были и шпіоны напр. бар. Утернъ-Штернбергъ—кузенъ второго секретаря нашей миссіи въ Копенгагенѣ въ 1916 г.—былъ австрійскимъ шпіономъ („Время“ 14 февр. 1916 г. № 522: „Запросъ гофмейстеру Арцимовичу изъ Берлина“).

— Еще въ 1906 г., нынѣ покойный, бар. Н. Гойнингенъ-Гюне выпустилъ воззваніе къ Эстонскому народу, призывая его бороться противъ общаго врага — Россіи[1]). Ржскій депутатъ кн. С. П. Мансыревъ въ засѣданіи Государственной Думы 1 марта 1916 г. разоблачилъ подозрительныя наблюденія за движеніемъ нашихъ войскъ, въ іюлѣ 1915 г. со стороны владѣльца мызы Танненъ, барона Леденгофена, живущей тамъ сестры милосердія Элеоноры Фрей и пастора Танненской кирки; а на этихъ дняхъ завѣдующій московскими отдѣленіями Петроградской техно-химической лабораторіи, баронъ Эрихъ Унгернъ-Штернбергъ, съ другими уроженцами прибалтійскихъ губерній, присужденъ къ 6 мѣсячному тюремному заключенію за участіе въ тайномъ обществѣ для оказанія помощи военноплѣннымъ германцамъ и австрійцамъ; у обвиняемыхъ была связь съ германскимъ Флоттенъ-ферейномъ. („Рус. Слово“ 23 I 1917.).

— Еще два слова объ отношеніи прибалтійскихъ помѣщиковъ къ конской и воинской повинностямъ.

— Снабженіе нашей арміи годными лошадьми какъ будто не входило въ намѣренія нѣкоторыхъ барономъ, по крайней мѣрѣ, это засвидѣтельствовано судебными приговорами. Вотъ примѣры: владѣлецъ имѣнія Кегель, Эстляндской губ., Куртъ Николаевъ Ферзенъ, какъ завѣдующій воинско-конскимъ участкомъ, освободилъ отъ поставки на сгонный пунктъ 24 лошади нѣкоторыхъ помѣщиковъ, не внесъ въ списокъ нѣкоторыхъ годныхъ лошадей помѣщиковъ не производилъ жеребьевки, освободилъ своихъ лошадей и всѣми этими дѣйствіями создали по своему участку недоборъ. Въ пред-

[1]) Ренниковъ. „Въ странѣ чудесъ“ стр. 282 — 287.

ставленной на сдаточный пунктъ вѣдомости со спискомъ 97 годныхъ лошадей включилъ завѣдомо невѣрныя свѣдѣнія о годности 38 лошадей. Таковыя дѣянія Ферзенъ совершалъ дважды — 28 іюля и въ авг. 1914 г., 29—сент. онъ осужденъ къ одному году крѣпости („Ревельскій Вѣстн.“ 30 сент. 1914 г.). Баронъ Карлъ Делингсаузенъ, завѣдуя воинско-конскимъ участкомъ въ Везенбергскомъ уѣздѣ 18 іюля 1914 г. освободилъ отъ поставки на пунктъ лошадей фонъ Кирштена, гр. Ребиндера и своихъ. Представилъ въ Везенбергъ списокъ 98 якобы годныхъ лошадей, оказавшихся совершенно негодными, а 39 лошадей превосходныхъ качествъ принадлежащихъ помянутымъ помѣщикамъ, освободилъ. Судъ приговорилъ Делингсаузена къ $2^1/_2$ годамъ арестанскихъ ротъ и лишенію всѣхъ правъ. („Вечернее Время“ 22 окт. 1914 г.). Завѣдующій 15 в-к. уч. Вейсенштейнскаго у, бар. Отто Ѳедоровичъ Гойнингенъ-Гюне, по аналогичному обвиненію приговоренъ къ крѣпости на 1 годъ и 4 мѣсяца съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ („Пов. Вр.“ 24 окт. 1914 г.).

Изъ одного богатаго имѣнія на пунктъ была доставлена полуслѣпая лошадь, а англійскіе скакуны, которыми славится имѣніе, были припрятаны. („Вечер. Вр. 31 окт. 1914 г.). Владѣлецъ имѣнія Парцимойзъ, фонъ М. принялъ на пунктъ изнуренныхъ и искалѣченныхъ лошадей, которыя, какъ кавалерійскій сортъ, съ оплатою по 300 р., были приняты завѣд. в. к. участкомъ фонъ Р. (ib.). Завѣдующій в. к. уч. въ Митавскомъ у., фонъ Лилієнфельдтъ принялъ у владѣльца имѣнія Мезотенъ, кн. Ливена изъ 100 лошадей 3, у гр. Палена изъ 70 — 2, у бар. Клопмана изъ 50—ни одной („Утро Россіи“ 12 окт. 1914 г.), впослѣдствіи у Ливена была отобрана 41 лошадь изъ признанныхъ ранѣе негодными[1]). Ренниковъ въ своей книгѣ писалъ: „по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, въ одной Эстляндской губ. можно ожидать 47 процессовъ по недоводу лошадей. Недоводъ лошадей обнаруженъ у бар. Вреде, у фонъ Валя, у бар. Врангеля, у барона Ферзена, у фонъ Рентельна, у фонъ Гунніуса“[2]). Объ этихъ процессахъ А. Столыпинъ писалъ: „Эстляндскій губернаторъ Коростовецъ спокойно проводилъ мѣры, необходимыя для государственной безопасности“ („Нов. Вр.“ 13 сент. 1914 г.); вскорѣ онъ былъ назначенъ въ Сенатъ. По словамъ Ренникова (въ 1914 г.): „въ Эстляндіи губернаторъ слѣдитъ за помѣ-

[1]) „Въ Странѣ Чудесъ“, стр. 242.
[2]) ib. въ стр. 240.

щиками двумя глазами и даже, разбираясь въ мобилизаціонныхъ дѣлахъ, одѣваетъ очки. Въ Лифляндіи бывшій губернаторъ смотрѣлъ на лошадиный вопросъ сквозь пальцы; и наконецъ въ Курляндіи губернаторъ глядитъ на наборъ лошадей уже не сквозь пальцы, а черезъ ладонь". [1]) Такимъ образомъ, недоводъ и скрытіе лошадей и поставка ихъ не надлежащаго качества для прибалтійскихъ губерній являлось чѣмъ то повальнымъ, поэтому обращаетъ на себя особое вниманіе любопытное обстоятельство, что въ баронскихъ имѣніяхъ, прилегающихъ къ Перновy, въ то время, когда нѣмцы пытались тамъ сдѣлать десантъ, было сосредоточено значительное число лошадей; для какой надобности это было сдѣлано, повѣдавшій намъ объ этомъ участникъ отбитія десанта, не зналъ. Было-ли это обстоятельство предметомъ, судебнаго слѣдствія намъ неизвѣстно. Съ этимъ фактомъ не безъинтересно сопоставить сообщаемое г. Ренниковымъ о находящейся въ Перновѣ целлулоидной фабрики Вальдгофа. На этой фабрикѣ былъ обнаруженъ докъ для починки судовъ, что не имѣло никакого отношенія къ производству целлулоида, и безпроволочный телеграфъ. Въ Перновѣ была также обнаружена свѣтовая сигнализація [2]).

— Теперь о встрѣчающейся особенности по отбываню прибалтійскими баронами воинской повинности.

— Въ 1907 г. была издана любопытная адресная книга проживающихъ внѣ родинѣ балтовъ". Въ ней значились проживающими въ Германіи и Австріи: изъ фамиліи фонъ Беръ — 9 человѣкъ, фонъ Энгельгардтъ — 10, фонъ Фиркъсъ — 12, фонъ Гроттгусъ — 13, фонъ Гриневальдъ — 11, фонъ Гойнингенъ-Гюне—4, фонъ Кейзерлингъ — 9, фонъ Ливенъ — 10, фонъ Майдель—15, фонъ-деръ Коппъ — 21, фонъ Самсонъ-Гиммельстверна — 6, фонъ Зассъ — 13, фонъ Штакельбергъ — 10, фонъ Тизенгаузенъ — 10, фонъ Утернъ-Штернбергъ—12, фонъ Фитингофъ—11, фонъ Вольфъ — 15, фонъ Врангель — 9, Цеге-фонъ-Мантейфель — 6 и бароновъ Остенъ-Сакенъ—34, а всего 240 прибалтійскихъ бароновъ; — въ томъ же Adressbuch'ѣ поименованы прибалтійцы, служащіе въ германской арміи, всѣ въ чинѣ лейтенантовъ, вотъ эти почтенныя имена: Адольфи, баронъ Ашенбергъ, Бергенгрюнъ, Бейзе, Бурса, два Брутцера, фонъ-деръ Декенъ, баронъ Дершау,

[1]) ib 241. Въ началѣ войны губернаторами были: Эстляндскимъ—генералъ Коростовецъ, Лифляндскимъ—Звегинцевъ, Курляндскимъ—Набоковъ.

[2]) „Въ странѣ Чудесъ", стр. 161.

баронъ Фиркъ, Гетгенсъ, два барона Фрейтага, баронъ Вигандъ, фонъ Голандеръ, баронъ Гойнингенъ-Гюне, фонъ Крузенштернъ, графъ Ламсдорфъ (флигель адъютантъ), баронъ Мершайдъ (личный адъютантъ принца Фридриха Вильгельма), Пантенніусъ, фонъ Петтерсенъ, Шипманнъ, Серафимъ, графъ Стенбокъ, баронъ Тизенгаузенъ, фонъ Тилинъ и баронъ Врангель,[1]) изъ нихъ 17 человѣкъ, принадлежащихъ къ Прибалтійскому дворянству. Число служащихъ въ германской арміи прибалтійцевъ, какъ сообщалось въ 1915 г. достигло 70. Среди нихъ есть и дезертиры, какъ напримѣръ одинъ Остенъ-Сакенъ.[2]) То обстоятельство, что всѣ включенные въ этотъ списокъ балты, въ 1907 г. были лейтенантами и никого не было въ старшихъ чинахъ указываетъ, что на путь явной измѣны прибалтійцы выступили только въ этомъ столѣтіи.

— Это явная измѣна должна быть непріятна прибалтійцамъ: нѣкоторымъ изъ нихъ потому, что они гнушаются измѣной другимъ потому, что она ставятъ точку на і.

Вѣдь случаи сочувствія прибалтійцевъ-германцевъ, зарегистрованные періодической печатью въ значительномъ числѣ, рѣдко доходили до суда, слѣдовательно, они разрѣшались тѣмъ или другимъ распоряженіемъ подлежащаго начальствующаго лица; лицо это могло ошибаться, могло быть пристрастно; дознаніе производилось не гласно; состязательнаго публичнаго процесса не было; на многое время наложитъ нѣкоторую тѣнь, многое забудется. Было много „лошадиныхъ процессовъ“ но на это вамъ возразятъ, что пристрастіе къ такому благородному животному, какъ лошадь, понятна въ сельскомъ хозяинѣ можетъ быть она понятна въ хозяинѣ, но преступно въ гражданинѣ, тѣмъ болѣе, что въ „лошадиныхъ процессахъ“, какъ у насъ выше указано встрѣчалось не только особое пристрастіе сохранить дома лучшихъ лошадей (своихъ и чужихъ безразлично), но подтвержденъ фактъ: сдачи для арміи негодныхъ лошадей.

— Во всякомъ случаѣ, явный переходъ во вражескій станъ— одно изъ самыхъ гнусныхъ дѣяній, какія способенъ совершить человѣкъ; клеймо измѣнника не смываемо; во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, на всѣхъ степеняхъ ихъ культурнаго развитія измѣнникъ было существо отверженное и отверженность отъ гадливости ко всему, что соприкасалось съ измѣнниками, обыкновенно распространялось на всю семью его, часто на родъ его. [3])

---

[1]) Ренниковъ „Въ странѣ чудесъ“, стр. 111—113.

[2]) іѣ. стр. 112, 124.

[3]) Въ очень примѣчательномъ документѣ „Исповѣдь В. Долина“,

— И вотъ противъ этой опасности прибалтійскіе бароны выступаютъ публично; такъ, на съѣздѣ объединеннаго дворянства 15 марта 1915 г., гр. В. Е. Рейтернъ заявилъ: „За послѣдніе мѣсяцы мы привыкли быть мишенью для нападокъ. Самое ужасное обвиненіе — въ сочувствіи нѣмецкой арміи; но намъ удалось отвергнуть это обвиненіе (кѣмъ, гдѣ и когда?). Правда во вражескомъ лагерѣ находятся 5 прибалтійскихъ дворянъ: баронъ фонъ Ашенбергъ, баронъ фонъ Фирксъ, два брата бароны Раабены и баронъ Зассъ. Но уже много лѣтъ назадъ эти дворяне по высочайшему повелѣнію были исключены изъ русскаго подданства и обвинять за нихъ все прибалтійское дворянство въ измѣнѣ несправедливо. Я утверждаю, говорилъ г. Рейтернъ, что кромѣ указанныхъ мною лицъ, ни одинъ прибалтійскій дворянинъ не сражается противъ Россіи во вражеской арміи. Мы служили тамъ и тому, гдѣ и кому служили наши отцы и дѣды. Если вы встрѣтитесь гдѣ нибудь съ легендой, обвиняющей насъ въ измѣнѣ, скажите клеветникамъ, что среди прибалтійскихъ дворянъ нѣтъ измѣнниковъ престолу и отечеству".

— Во всей этой тирадѣ — много гордости, но мало логики, много боязни и не все вѣрно.

— Здѣсь во-первыхъ надо отмѣтить, что на измѣну, наименованныхъ графомъ Рейтерномъ 5 прибалтійскихъ барономъ, среда къ которой они принадлежатъ никакъ не реагировала, такъ какъ

опубликованномъ В. Бурцевымъ въ „Рус. Словѣ" отъ 21 мая 1917 г., приводятся переговоры германскаго военнаго агента въ Бернѣ фонъ Бисмарка съ Б. Долинымъ въ мартѣ 1916 г. Бисмаркъ просилъ „убрать" „Марію" изъ Чернаго моря и рекомендовалъ устраивать пожары въ архангельскомъ порту. Затѣмъ съ Долинымъ говорилъ германскій посолъ, который предлагалъ ему поѣхать въ Россію для организаціи въ широкомъ масштабѣ революціонной повстанческой пропаганды среди рабочихъ и крестьянъ. „Въ программу входили рабочіе и аграрные безпорядки съ самымъ широкимъ саботажемъ, а также съ „лозунгомъ: долой войну"! Посолъ указалъ Долину „на полезность дѣятельности ленинской группы".

— Долинъ сообщилъ объ этомъ департаменту полиціи, потомъ онъ кончилъ самоубійствомъ.—Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ яркимъ примѣромъ возможности крайняго предательства — неминуемый позоръ пытались смыть кровью. Іуда Искаріотскій тоже не выдержалъ своего предательства. Нынѣ программа фонъ Бисмарка выполнена. Кѣмъ? Очевидно германскими наемниками менѣе щепетильными чѣмъ несчастный Долинъ.

(*Позднѣйшее примѣчаніе*).

осужденіе ихъ, выразившееся въ исключеніи ихъ изъ русскаго подданства, состоялось по высочайшему повелѣнію. Утвержденіе г. Рейтерна, что кромѣ указанныхъ имъ лицъ, ни одинъ прибалтійскій дворянинъ не сражается противъ Россіи во вражеской арміи, разбивается о нѣмецкій источникъ — „адресную книгу проживающихъ внѣ родинѣ балтовъ"; во всякомъ случаѣ, списокъ, приведенный въ Adressbuch'ѣ, г. Рейтернъ дополнилъ 3 новыми именами, или, можетъ быть, 17 лейтенантовъ, поименованныхъ въ Adressbuch'ѣ вернулись на службу „туда гдѣ служили ихъ отцы и дѣды?" Или, можетъ быть, за послѣдніе девять лѣтъ всѣ 17 лейтенантовъ умерли? Это все немного не ясно.

Г. Рейтернъ признаетъ 5 измѣнниковъ изъ прибалтійскихъ дворянъ; съ поправкой свѣдѣній Adressbuch'а ихъ 20, а съ поправкой свѣдѣній, приведенныхъ въ книгѣ г. Ренникова, ихъ значительно болѣе.

Знаменательно, что не автора книги: „Въ странѣ Чудесъ", ни г. Тупина, ни г. Вираба прибалтійскіе бароны за клевету не привлекали. Ю. Ф. Самаринъ въ свое время тоже не былъ привлекаемъ за клевету, но въ крѣпости сидѣлъ.

— Сѣтовать на то, что иногда обвиненіе съ отдѣльныхъ лицъ переносится на все сословіе, прибалтійское дворянство права не имѣетъ, потому что, если оно не сочувствуетъ скомпрометированнымъ и привести фактовъ для ихъ обѣленія не можетъ, то ему давно надо было отъ нихъ отмежеваться, а для этого существуетъ только одинъ путь — вынести предателямъ осужденіе сословія, и, пока это не сдѣлано, доводы отдѣльныхъ гг. Рейтерновъ (и по существу своему не убѣдительные) не доказательны и безсильны измѣнить общественное мнѣніе.

— Приведемъ еще одно сепаратное выступленіе сдѣланное въ нѣсколько другой плоскости:

— 1 августа 1916 г. въ Государственномъ совѣтѣ въ защиту прибалтійскихъ дворянъ выступилъ бар. Шиллингъ. Онъ, между прочимъ, говорилъ, что при объявленіи войны въ Эстляндіи можно было видѣть высокій, впрочемъ, многимъ русскимъ непонятный подъемъ патріотическихъ чувствъ. „Я увѣренъ, говорилъ бар. Шиллингъ, что этотъ подъемъ былъ вызванъ не надеждой покончить съ врагомъ Славянъ, не ненавистью къ врагу, онъ былъ вызванъ гордымъ и горячимъ желаніемъ[1]) доказать нашему Государю, что слова о нашей преданности не пустой звукъ, что мы по прика-

[1]) Это гордое и горячее желаніе — обычная психологія средневѣковыхъ наемныхъ дружинъ.

занію Его готовы пожертвовать всѣмъ, что намъ дорого, сражаться съ тѣми, кого Онъ признаетъ своими врагами [1]), хотя они намъ родственны не только по культурѣ, но и по крови". Доказательствомъ этого подъема бар. Шиллингъ считаетъ поведеніе ихъ военно-обязанной молодежи, которая находилась за границей, которая спѣшила на родину, другіе вступали добровольцами въ русскую армію и нѣкоторые изъ нихъ уже пали. „Но, несмотря на это, свѣтуетъ бар. Шиллингъ, въ прибалтійскихъ губерніяхъ началась травля [1]), которая была направлена въ первую очередь на прибалтійское дворянство — у бароновъ производились обыски, не давшіе никакихъ результатовъ, потомъ начались аресты и высылки". Бар. Шиллингъ допускаетъ возможность отдѣльныхъ случаевъ предательствъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, но онъ находитъ, что это не даетъ еще правъ обвинять цѣлую народность. Въ заключеніи своей рѣчи онъ говорилъ: „мы не нуждаемся въ особыхъ обѣщаніяхъ, которыя были даны другимъ [2]), но мы считаемъ себя въ правѣ надѣяться на то довѣріе и ту благосклонность, которую имѣетъ ожидать отъ родной власти всякій вѣрноподданный. Кончится война, вернутся наши сыновья и братья и тогда всѣмъ станетъ очевидно, что мы исполнили свой гражданскій долгъ не хуже другихъ. Барону Шиллингу надо было сказать не „мы", а „нѣкоторые изъ насъ", потому что 17 германскихъ лейтенантовъ изъ прибалтійскихъ бароновъ, 47 лошадиныхъ процессовъ по одной Эстляндской губерніи и длинный рядъ осужденныхъ за преступленія противъ гражданскаго долга — не могутъ войти слагаемыми въ „мы", а, слѣдовательно, говорить „не хуже другихъ" было, по крайней мѣрѣ, неосторожно. По мнѣнію бар. Шиллинга, широкіе круги Россіи сейчасъ охвачены психозомъ, [3]) который мѣшаетъ преклониться передъ правдой.

[1]) Нѣтъ, это была не травля, а вызываемые военною необходимостью мѣры для обезопасенія тыла. На необходимость этого указывалъ цѣлый рядъ фактовъ (см. книгу „Въ странѣ чудесъ") и судебныхъ рѣшеній. Судившіеся не оправданы, факты не опровергнуты.

[2]) Намекъ на Польшу и отказъ отъ Эстляндской автономіи, но не изъ безкорыстныхъ побужденій, а изъ опасенія, что она была бы концомъ преобладанія тамъ нѣмецкаго начала.

[3]) Война пробудила въ насъ самосознаніе, а психозъ императорскаго періода, но въ еще болѣе уродливой формѣ доставленъ намъ въ апр. 1917 г. въ запломбированномъ вагонѣ съ вагоновожатымъ фонъ Ленинымъ, котораго за годъ передъ тѣмъ рекомендовалъ агенту охранки Долину германскій посолъ въ Швейцаріи.

(*Позднѣйшее примѣчаніе*).

— О какомъ психозѣ говоритъ г. Шиллингъ? Неужто то обстоятельство, что у насъ открылись глаза на значеніе русскаго нѣмца въ жизни страны — психозъ. Передъ какой же правдой мѣшаетъ преклониться этотъ психозъ? Не передъ государственными ли заслугами русскихъ нѣмцевъ? Исторія и событія лѣтъ войны разоблачили эту басню.

5. Идеологія прибалтійскихъ нѣмцевъ.

Разобраться въ вопросѣ объ отношеніи къ русской государственности прибалтійскихъ нѣмцевъ не такъ-то легко. Съ одной стороны, встрѣчается среди нихъ доблестное выполненіе своего гражданскаго долга на полѣ брани, съ другой тяготѣніе къ Deutchtum'у, взаимно исключающія другъ друга. Освѣтимъ вопросъ не событіями послѣдняго времени, не могущими еще быть разсмотрѣнными въ исторической перспективѣ, а мнѣніями, высказанными задолго до войны въ нѣмецкой и русской печати по интересующему насъ вопросу.

Вотъ, напримѣръ, что высказывалъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія прибалтійскій либералъ г. фонъ Самсонъ: „какихъ бы годныхъ, вѣрныхъ и преданныхъ слугъ и защитниковъ Лифляндія не давала своимъ Государямъ — всегда существовали одни только личныя отношенія между подданными и Монархомъ... Если мы не хотимъ скрыть правду, мы должны сознаться, что понятіе вѣрности Имперіи (Reichstreu), вѣроятно, для многихъ незнакомо и никогда еще не существовало“ [1]). Другой прибалтійскій публицистъ — г. Шарренъ, съ откровенной наглостью говоритъ, что нежеланіе прибалтійскаго нѣмечества принимать участіе въ жизни Имперіи психологически объясняется тѣмъ, что нѣмцы русскихъ считали нисшей рассой, неспособной къ самостоятельной культурѣ и государственной жизни [2]). Другой же публицистъ не ищетъ такой оправдывающей идеологіи и просто сознается, что „намъ, нѣмцамъ, судьбы великаго Русскаго государства совершенно безразличны, и мы заботимся о нихъ лишь настолько, поскольку этого требуютъ наши собственные узкіе интересы“ [3]). Въ „Лифляндскихъ вкладахъ“ говорилось про Прибалтійскій край, „что онъ вѣренъ государю“... и если онъ вѣренъ ему, то потому только, что въ лицѣ русскаго

[1]) „Взглядъ на прошлое Лифляндіи“, цитировано по Виграбу „Прибалтійскіе нѣмцы“, стр. 98.

[2]) Виграбъ, стр. 99.

[3]) „Rigasche Rundschau“, 1913 г., въ №№ 24, 25 апр. и 29 іюля, цитировано по Виграбу, стр. 127.

Императора по договору почитаетъ хранителя такъ называемыхъ „привилегій“[1]). Выше цитированный фонъ Самсонъ въ 1878 г. тоже отмѣчаетъ, что „прибалтійскіе нѣмцы чувствуютъ себя связанными съ Имперіей только царствующимъ Домомъ“, онъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они не хотятъ „быть ассимилированными Имперіи, а желаютъ оставаться чѣмъ-то отдѣльнымъ и особеннымъ“. Одинъ изъ представителей консерваторовъ—Брашенъ—въ 1880 г.—вполнѣ съ этимъ соглашается и откровенно сознается, что „мы не принимаемъ участія въ духовной жизни русскаго народа“[2]). По словамъ публициста Бокка: „Прибалтійскій край — сѣверо-восточная колонія Германіи“; по словамъ публициста Ширрена: „край этотъ предназначенъ для нѣмецкаго народа и его потомковъ“, а публицистъ Винеманъ свидѣтельствуетъ, что „эта нѣмецкая колонія, несмотря на три столѣтія иноземнаго владычества еще вѣрна государствамъ (sic), съ которыми была соединена и вѣрна народу отъ котораго происходитъ“, наконецъ публицистъ Верренъ, въ 1870 г., писалъ, что „всѣ, кто говоритъ на одномъ и томъ же языкѣ, принадлежатъ другъ другу, и поэтому балты принадлежатъ къ нѣмцамъ и никакъ не къ русскимъ“. Прибалтійскій край — по его мнѣнію — это „крайній передовой постъ нѣмецкаго духа, нѣмецкаго языка, нѣмецкой вѣры и нѣмецкой культуры“[3]).

А вотъ что пишутъ знатоки прибалтійскаго вопроса въ 162 томѣ „Прусскаго Ежегодника“, вышедшаго во время войны. Г. Гецъ говоритъ: „прибалтійскіе нѣмцы всѣмъ своимъ инстинктомъ ничего такъ не презираютъ, какъ культурную принадлежность къ русскому народу: они являются такими же распредѣлителями Россіи, какими были когда-то для Германіи римскіе императоры... Въ особенности такое положеніе занимаютъ прибалтійскіе помѣщики, считавшіе Русскаго Царя только своимъ сюзереномъ (Lehnherrn); до русскаго народа имъ не было никакого дѣла, еще менѣе до Русскаго государства. Только передъ Особой Царя они считали себя обязанными, но отнюдь не передъ Россіей. Судьба государства ихъ интересовала постольку, поскольку ихъ сюзеренъ, между прочимъ, являлся и русскимъ царемъ (стр. 86). Чувства прибалтійскихъ нѣмцевъ, покинувшихъ Прибалтійскій край и переселившихся

---

[1]) „Livländische Beiträge“, 1868—1871 г., издавались лифл. выходцемъ фонъ Боккомъ. Бар. Шиллингъ высказалъ этотъ же взглядъ, но выразился мягче, см. стр. 188.

[2]) Виграбъ, стр. 98.

[3]) ib., стр. 101, 103.

въ центральныя губерніи, были антирусскія, всѣ культурныя обязанности и задачи они исполняли не какъ русскіе граждане въ пользу своихъ же согражданъ, но только исполняя волю Государя: они были и оставались чужими... Благосостояніе Россіи никогда не являлось цѣлью ихъ работы, русскій народъ былъ для нихъ только будущимъ матерьяломъ" (стр. 87). А другой авторъ—Фридрихсъ—пишетъ: „помѣщики и пасторы, интеллигенція и торговцы добровольно бы приняли какіе угодно налоги, вздорожаніе продуктовъ и всякія ограниченія, — все, что ни принесло бы имъ соединеніе съ Германіей, если бы только можно было навсегда освободиться отъ ненавистнаго русскаго рабства" (стр. 311), а далѣе этотъ авторъ утверждаетъ, что „только въ рѣдкихъ случаяхъ члены балтійскаго дворянства вступали въ русскую армію офицерами" (стр. 312)[1]).

Теперь приведемъ мнѣнія и русскихъ знатоковъ интересующаго насъ вопроса: Ю. Ф. Самаринъ въ 1 вып. „Окраинъ Россіи" писалъ: „... отчизною въ Лифляндіи никогда не считалась ни Польша, ни Швеція, какъ не считается теперь Россія. Слово отчизна, для лифляндца, имѣетъ двоякое значеніе; въ тѣсномъ смыслѣ родины оно означаетъ Лифляндію, а въ смыслѣ болѣе широкомъ, означаетъ das Deutschtum, Германизмъ,—это нѣкогда отвлеченное понятіе, нынѣ воплотившееся въ могучій политическій организмъ, стоящій во всеоружіи у нашей границы. Вотъ чему служитъ Балтійское рыцарство, служа русскому правительству. Я сказалъ это въ 1848 г. и за это былъ посаженъ въ крѣпость". Любопытно, что въ рижскихъ нѣмецкихъ газетахъ о симпатіяхъ прибалтійцевъ въ Deutschtum'у писалось въ 1913 г. совершенно безнаказанно.

— Вѣчный припѣвъ о пролитой крови на поляхъ сраженій[2]) не новъ, мы его можемъ встрѣтить еще въ „Сѣверной Почтѣ" и на это Ю. Ф. Самаринъ въ своихъ „Окраинахъ" возражалъ: „здѣсь опять приходится имѣть дѣло съ какимъ-то страннымъ недоразумѣніемъ, не знаю вольнымъ или невольнымъ.

Никогда, никто не отрицалъ и не забывалъ личныхъ заслугъ служилыхъ людей, вышедшихъ не только изъ Балтійскаго дворянства, но и изъ тамошняго средняго сословія. Вся Россія съ почтительною признательностью произноситъ имена Сиверса, Барклая и

---

[1]) „Время", 29. III, 1916 г., Тупинъ „Двуликій Янусъ".
[2]) См. выше рѣчь бар. Шиллинга.

мн. др.,[1]) но мы все таки не миримся съ мыслью, чтобы пролитая кровь давала право пропагандировать противъ Россіи въ латышскихъ деревняхъ, отрицать обязательность издаваемыхъ правительствомъ законовъ, не исполнять лѣтъ по 20 Высочайшихъ повелѣній, надоѣдать гр. Бисмарку жалобами на наше правительство и натравливать на насъ общественное мнѣніе Германіи. Рѣчь идетъ не о личной службѣ въ рядахъ русской арміи, въ дипломатическомъ корпусѣ или министерствахъ; идетъ рѣчь о настоящей и будущей судьбѣ цѣлаго края, объ отношеніяхъ его къ Россіи, о томъ что можетъ съ нимъ случиться при той или другой политической компликаціи" [2]).

И нынѣ все осталось какъ и во времена Самарина, но благодаря наставшей „политической компликаціи" все стало болѣе выпуклымъ; война многое подчеркнула, многое стало явнымъ и если во времена Самарина прибалтійское дворянство натравливало на насъ общественное мнѣніе Германіи, то въ наше время многіе изъ его членовъ способствовали уже не германскому общественному мнѣнію, а германской вооруженной силѣ.

Подобное утвержденіе не голословно, въ послѣднее время къ нему пришелъ г. Ренниковъ, производившій „слѣдствіе" на мѣстѣ, вотъ что писалъ онъ по этому вопросу: „не обобщая фактовъ на все прибалтійское дворянство, среди котораго, несомнѣнно, есть не мало вѣрныхъ сыновъ русскаго государства, нужно сознаться что много грустнаго я слышалъ о равнодушіи нѣкоторыхъ изъ прибалтійскихъ помѣщиковъ къ интересамъ русскаго оружія.... Это печальное явленіе наблюдается и среди бюргеровъ и среди дворянъ" [3]).

— А вотъ какъ А. Купринъ объясняетъ службу прибалтійскихъ дворянъ: „землею владѣетъ наслѣдственно старшій въ баронскомъ родѣ. Остальные члены семьи идутъ въ „отхожіе промыслы", конечно въ Россію, главнымъ образомъ, на хлѣбныя и вліятельныя

---

[1]) Одинъ изъ біографовъ извѣстнаго русскаго государственнаго дѣятеля гр. Е. Ф. Канкрина—не прибалтійскаго барона, но человѣка нѣмецкой крови и культуры писалъ о немъ: „иностранецъ по рожденію, лютеранинъ по вѣроисповѣданію, но русскій по огромнымъ заслугамъ, оказаннымъ имъ нашему отечеству". („Русскіе люди" т. I, стр. 389). Такихъ „русскихъ по заслугамъ" мы знаемъ много, но этого идеала прибалтійцы достигали рѣдко, см. выше приведенныя нами изъ Клейнмидта ихъ біографіи.

[2]) „Окраины Россіи", вып. 1, стр. 43.

[3]) „Страна Чудесъ", стр. 119.

должности. Правда иные неудачники выбираютъ скользкія карьеры международныхъ шпіоновъ (особенно шпіонокъ), шулеровъ и подставныхъ титулованныхъ „лицъ безъ рѣчей“ въ темныхъ биржевыхъ операціяхъ, держатъ игорные притоны, меблированныя комнаты и даже прямо публичныя заведенія (баронесса Т.). Но за то другіе достигаютъ значительныхъ бюрократическихъ степеней, съ высоты которыхъ они могутъ и умѣютъ вліять на судьбы Россійской Имперіи. Надо-ли говорить о томъ, что сердцемъ, душою, плотью и кровью они остаются тѣми-же остзейскими баронами“ [1]).

Публицистъ А. Столыпинъ говоритъ о томъ, „какъ наша государственная власть должна поступить, чтобы, не творя несправедливостей, не нарушая правъ и правды, избавить наше балтійское прибрежье отъ слишкомъ явнаго, слишкомъ развязнаго и безцеремоннаго хозяйничанья германскаго авангарда. Кажущеюся трудностью, по его мнѣнію, является отборъ пшеницы отъ плевелъ, распознаваніе людей съ русскою совѣстью и нѣмецкимъ именемъ отъ людей, злобно скрывающихъ враждебную совѣсть. Но трудность эта говоритъ Столыпинъ, призрачная, потому что при твердомъ, открытомъ и настойчивомъ проведеніи мѣръ, необходимыхъ въ минуту государственной опасности, вѣрные граждане имъ охотно будутъ подчиняться, какъ бы онѣ ни являлись стѣснительными, а тѣ, кто будетъ противиться этимъ мѣрамъ, покажутъ своими дѣйствіями на чьей сторонѣ ихъ сочувствіе. И первое, на чемъ нужно настоять со всею непререкаемостью народнаго требованія, писалъ Столыпинъ, это на уничтоженіе такой непристойности, какъ господство въ военное время непріятельскаго языка въ официальныхъ присутствіяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ“ [2]).

Многіе прибалтійскіе бароны преданные Deutschtum'у экономически сильные и корпоративно сплоченные—дѣйствительно являются восточнымъ авангардомъ германизма и этотъ авангардъ всегда имѣлъ наблюдательный пунктъ въ русской столицѣ.—Благодаря этой сплоченной и поддерживаемые изъ Германіи прибалтійскіе бароны не могутъ отрѣшиться отъ германской культуры и примкнуть къ культурѣ русской. Но оторванные отъ германской почвы прибалтійскіе бароны становятся людьми съ русской совѣстью и служатъ не только своему Государю, но и Россійской державѣ, и блестящіе тому примѣры мы видимъ въ смоленскомъ героѣ 1812 г.

---

[1]) „Русское Слово“ 20 окт. 1914 г. (Тупинъ, стр. 228).
[2]) Тупинъ, стр. 114, 115.

Энгельгардтѣ, въ педагогѣ баронѣ Корфѣ и многихъ менѣе видныхъ дѣятѣляхъ.

Изъ этого можно придти къ выводу, что, въ интересахъ государственныхъ, необходима ликвидація баронскаго землевладѣнія въ прибалтійскихъ губерніяхъ, или же можетъ быть достаточно конфискаціи имѣній осужденныхъ за измѣну и введенія въ прибалтійскихъ губерніяхъ земства, но безъ предоставленія въ немъ преобладающей роли нѣмецкимъ землевладѣльцамъ;—общность хозяйственныхъ интересовъ и право всѣхъ плательщиковъ земскаго сбора заботиться о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ будетъ лучшимъ залогомъ, что эти пользы и нужды не будутъ имѣть германской окраски.

Но эта мѣра конечно не разрѣшаетъ вопроса во всемъ объемѣ— остаются еще прибалтійскіе бароны, находящіеся въ „отхожемъ промыслѣ", преимущественно въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Этой части нѣмецкаго вопроса въ засѣданіи Государственной Думы 13 марта 1916 г. В. В. Милютинъ посвятилъ блестящую рѣчь, приводимъ изъ нея выдержки. „Не принадлежа къ нѣмцеѣдамъ, говорилъ Милютинъ, я тѣмъ не менѣе признаю, что тяжесть сдѣланныхъ нашей дипломатіей ошибокъ одинаково ложатся и на людей съ русскими фамиліями, но въ то же время долженъ засвидѣтельствовать, что въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ слишкомъ много лицъ съ нѣмецкими фамиліями, думающихъ по нѣмецки и переводящихъ съ трудомъ свои нѣмецкія мысли. Такіе люди не могутъ быть русскими дѣятелями, хотя они и занимаютъ сейчасъ отвѣтственные посты. Мы знаемъ, что далеко не всѣ русско-подданные нѣмцы оказались предателями, но мы не имѣемъ возможности безошибочно рѣшать, кто изъ носящихъ нѣмецкую фамилію явится предателемъ, и кто останется вѣрнымъ своему русскому отечеству. И вы господа русскіе нѣмцы, не судите насъ строго въ эту минуту за это недовѣріе къ вамъ, къ вашимъ фамиліямъ. Слишкомъ долго и много мы вѣрили вамъ....

Вы оставшіеся вѣрными Россіи, можетъ быть, страдаете не меньше насъ, но и мы въ своемъ подозрѣніи послѣ всего происшедшаго не виновны.

Если теперь, можетъ быть, неправильными подозрѣніями мы обижаемъ васъ, поймите, что трудно намъ удержаться отъ этого когда по вашей винѣ вся Россія одѣта въ трауръ, и русской кровью залиты поля Россіи, по которымъ прошли въ сердце Россіи германскія арміи.

Мы всѣ, у которыхъ сожжены дома и усадьбы, у которыхъ отъ разрывныхъ германскихъ пуль, удушливыхъ газовъ, отъ голода и издѣвательства въ плѣну погибли отцы, сыновья и братья, мы также страдаемъ, молча, безъ жалобъ, не предъявляя никакихъ счетовъ и прося лишь объ одномъ: отойдите на время отъ отвѣтственныхъ постовъ, отъ власти, дайте намъ спокойно кончить войну, не опасаясь новаго удара въ спину... не требуйте отъ насъ сохранить за всѣми вами довѣріе до того времени пока не сдѣлается явной новая измѣна кого нибудь изъ васъ.

И поэтому правы были тѣ русскіе чиновники дипломатическаго вѣдомства, которые отказали дать подписку, что они считаютъ всѣхъ носящихъ нѣмецкія фамиліи дипломатическихъ агентовъ вполнѣ заслуживающими оказаннаго имъ вѣдомствомъ довѣрія".

Заключеніе.

Во всякомъ случаѣ нѣмецкій вопросъ у насъ конечно не ограничивается однѣми прибалтійскими губерніями, гдѣ онъ болѣе сгущенъ, онъ проникъ всюду нашъ государственный организмъ, просочился во всѣ области нашей экономической жизни. Огульно обвинять всѣхъ русскихъ нѣмцевъ въ предательствѣ нельзя, но взять ихъ всѣхъ подъ подозрѣніе, доколѣ не будетъ доказано обратное, необходимо.

Наши союзники принимаютъ мѣры болѣе рѣшительныя: французское правительство намѣрено пересмотрѣть лояльность всѣхъ нѣмцевъ принявшихъ подданство послѣ 1870 г., а членъ палаты общинъ сэръ Генри Крэкъ требовалъ въ іюлѣ 1916 г. проведеніе закона, которымъ было бы воспрещено когда бы то ни было германцамъ натурализоваться въ Англіи,[1]) и еще въ 1914 г. англійское правительство выселило натурализовавшихся нѣмцевъ, великобританскихъ подданныхъ, изъ ближайшихъ къ морскому побережью мѣстностей[2]).

Въ томъ направленіи высказывались и наши публицисты, такъ небезъизвѣстный „Брутомъ" писалъ: „всѣ наши знанія о составѣ и организаціи нѣмецкихъ военныхъ силъ изложены въ обширномъ печатномъ трудѣ, единственномъ руководствѣ для нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Подписанъ этотъ трудъ генераломъ съ нѣмецкой

[1]) „Вечернее Время" № 1549 отъ 24 іюля 1916 г.
[2]) „Утро Россіи" Тупинъ, стр. 72.

фамилій, и все, что въ немъ сказано о возможной численности германскихъ войскъ, объ ихъ развертываніи, о составѣ артиллеріи и объ ея запасахъ, съ первыхъ же дней войны оказалось невѣрнымъ.

Война открыла намъ глаза на тысячи подобныхъ фактовъ во всѣхъ отрасляхъ нашей подготовки къ войнѣ, и вездѣ мы видимъ тяжелую руку людей съ нѣмецкими фамиліями, которымъ были довѣрены наши дѣла.

Разобраться во всемъ этомъ и обезпечить себя навсегда отъ подобныхъ явленій можно будетъ, конечно, только послѣ войны, но если мы не сдѣлаемъ этого съ тою же безпощадностью, съ какою нѣмцы вели насъ къ гибели, мы сами себя погубимъ и поставимъ надъ собою крестъ“[1]).

Мы стоимъ предъ роковою дилемою.

Одно рѣшеніе даетъ Герценъ, высказавъ, въ 1853 году еще, такую мысль: „чтобы уговорить всѣхъ остзейскихъ нѣмцевъ переселиться mit Weib und Kind въ gesammtes Vaterland, ну хоть въ Пруссію... “[2]), другого рѣшенія очень опасался одинъ изъ нелѣпыхъ лѣсковскихъ дьяконовъ, о. Маркелъ, который говорилъ: „что хотя они генерала Гарибальди и напрасно дожидались, но зато теперь скоро графъ Бисмарковъ изъ Петербурга адъютанта пришлетъ и настоящихъ русскихъ всѣхъ выгонитъ въ Ташкентъ барановъ стричь“[3]).

И если мы не склонимся къ формулѣ Герцена, видоизмѣнивъ ее согласно обстоятельствъ, то всѣ наши тяжкія трехлѣтнія жертвы окажутся напрасными; мы снова подпадаемъ подъ нѣмецкое иго и черезъ полъ столѣтія будемъ вынуждены вступить въ еще болѣе тяжкую борьбу съ нашимъ исконнымъ врагомъ.

Въ возможности иной оріентаціи мы безусловно сомнѣваемся.

М. Муравьевъ.

---

[1]) „Время“ 8 іюня 1916 г. № 625.
[2]) „Колоколъ“ 10 нояб. 1853 г. „Правительствующіе нѣмцы“.
[3]) Лѣсковъ „Смѣхъ и горе“, стр. 102.

Изъ рѣчей членовъ Государственной Думы по нѣмецкому вопросу.

Въ засѣданіи 19 іюля 1915.

гр. В. А. Бобринскій. „Мы призываемъ общество и правительство безъ поблажекъ и исключеній, къ которымъ мы всегда склонны, продолжать борьбу съ нѣмецкимъ засильемъ внутри страны, чтобы врагъ былъ изгнанъ изъ Россіи, чтобы она оказалась свободной отъ большихъ и маленькихъ Бироновъ, отъ экономическаго ига нашихъ историческихъ враговъ".

Въ засѣданіи 20 іюля 1915 г.

И. Т. Евсѣевъ. „Необходима самая рѣшительная борьба съ нѣмецкимъ засильемъ. Всѣ нѣмецкіе подданные, сидятъ ли они наверху, или внизу, какое бы положеніе они не занимали, въ какихъ бы чинахъ они не состояли,—должны быть выселены за предѣлы Россіи, а имущество ихъ конфисковано".

Въ засѣданіи 1 марта 1916 г.

А. С. Сухановъ. „Наше историческое несчастіе заключается въ томъ, что идя за Германіей, мы держались все время на разстояніи ста лѣтъ отъ нея, и въ то время, какъ нѣмцы готовили себѣ Бисмарка и Лассаля, Германія намъ сплавляла Дуббельтовъ и Бенкендорфовъ. Это появленіе нѣмецкихъ отбросовъ, пожалуй началось еще раньше, чѣмъ Курфюрстъ Голштинскій, предназначавшійся для занятія шведскаго престола и воспитывавшійся въ духѣ лютеранской церкви и ненависти къ Россіи, оказался на русскомъ престолѣ. И неудивительно, что на русскомъ престолѣ онъ сталъ вѣроподданнымъ прусскимъ министромъ. Виноваты не отдѣльные нѣмцы, а та традиціонная дружба правящихъ круговъ съ Пруссіей, которая заставила со вздохомъ переносить союзъ республиканской Франціей и боятся сближенія Россіи съ Англіей".

БИБЛИОТЕКА